

Forever Day

ОСОБЕННЫМ

Forever Day

Макс не верит в любовь, юная Лиза отчаянно в ней нуждается. Он — успешный стартапер, она — сломленная бывшая чемпионка. Во время знакомства он увидел в ней заносчивую малолетку, а она назвала его надменным индюком. Они еще не знали, что навсегда станут друг для друга особенными. *** — В твоих зрачках отражается солнце. — Я в твоих вижу звезды. Он смотрит на закат, я — на наступающую с востока ночь. Это так символично и так романтично, что у меня мурашки рассыпью по коже. — Никогда не забуду этот день. Ты сделал его особенным, знаешь?..

Особенный. В твоих руках

Глава 1

Макс

Новенький терминал аэропорта кишит народом и гудит, как улей. Август — худший месяц для поездки в Крым, но выбора у меня не было. Это вынужденный приезд, второй за последние полгода.

Сияющую рожу друга видно издалека. Костик идет ко мне, широко раскинув руки и так же широко улыбаясь.

— Ля, какого красивого дядю занесло на наш забытый богом остров! — басит так громко, что на нас оборачиваются. — Ну ты как, братан? — обнимает.

— Приветствую тебя, мой друг Пятница, — обнимаю в ответ. — Сутки добирался, но жить буду.

— Ты в курсе, что Пятница — это баба? — шипит Костян, испугано вертя башкой по сторонам.

— Да ладно? А ты книгу читал?

— Какую еще книгу? Это из старого фильма про Робинзона!

— Зря я в школе тебе списывать давал, — постукиваю его по плечу.

До седьмого класса мы с Костей Баринным жили в соседних подъездах, сидели за параллельными партами и ходили в одну секцию по кикбоксингу. Были, что называется, не разлей вода и при этом совершенно разными. Меня тянуло больше к знаниям и спортивным достижениям, Костика — к девочкам и безобразиям. Мы и выросли непохожими, и живем теперь на разных континентах, но дружить у нас по-прежнему получается.

— Как там в Кенгурятии?

Ставшую для меня родной страну Костян называет исключительно так. Он прилетал ко мне в гости и ничто не впечатлило его так, как прыгающий вдоль шоссе кенгуру.

— В Австралии зима и прохладно. В остальном норм. Как на острове? Движ есть?

— Еще какой! Отдыхающих столько, что канализация не стравляется.

— То-то я чую, дермецом в воздухе попахивает, — смеюсь.

Мы как раз вышли из здания аэропорта. Воздух аж горячий, запах в нем витает специфический.

— А ты свои найки проверь! Кенгурушное дерьмо небось привез на подошве, — огрызается Барин.

Он фанат полуострова. Чуть что — с пеной у рта кидается защищать родной край и на любом празднике одним из тостов всегда произносит легендарную фразу «дальше Крыма нет земли, я проверял».

Мы подходим к его новенькой бэхе. Она фантастически переливается от фиолетового к ядовито-зеленому.

— Ух, ничего себе красота!

— Знал, что заценишь, — расплывается друг. — Четыре месяца ждал эту пленку. Девочки кипятком писают при виде моего хамелеончика. Вчера одна так впечатлилась, что сосала не хуже «дайсона»! — ржет. — Это пылесос такой модный, если ты не в курсе.

— Я знаю, что такое Дайсон. Но мать твою, Костян! На хрена ты мне это рассказываешь? Мне в твоём фантазмагоричном сосомobile еще ездить, на этом самом сиденье...

— Ля, педант! Я только с мойки выехал, — обиженно фыркает Барин. — Или ты завидуешь? Тоже хочешь?

— Не хочу.

Костик запрыгивает на водительское кресло и на всю врубает климат-контроль. Усаживаясь рядом с ним на пассажирское, я стараюсь не думать, кто и как сидел на нем до меня.

— Не пойму. Что за целибат у тебя?

— Целибат, — поправляю. — И я его не принимал. Секс у меня регулярный. Просто в отличии от тебя, я не испытываю необходимости присунуть каждой симпатной девице, проходящей мимо. Мне это неинтересно.

— А что интересно?

— Деньги зарабатывать.

— Так я их тоже зарабатываю. И трачу с удовольствием, в том числе на девочек.

— Отлично, Кость. Я разве против? У нас с тобой разные деньги и разное к ним отношение. Я считаю, что деньги должны работать и приносить другие деньги.

— Это скучно!

— А что в этой жизни не скучно?

— Любовь! Я вот любвеобильный, почти каждый вечер влюбляюсь. Это ж так кайфово.

— Ты путаешь любовь и влечение, бро. Влюбленность — это невроз навязчивых состояний и ничего приятного в ней нет. А через день менять телок — это промискуитет. Ты прекращай давай, так и болячку подхватить недолго.

— Благодарю вас, мистер Доронин, за наставление, — паясничает Костян, вырুলывая на дорогу. — Не понял, что за слово в конце вы сказали, но я погуглю.

— Обращайтесь, господин Барин, — поддерживаю его шуточный тон.

Мы часто спорим, но быстро отходим. Ни разу серьезно не ссорились. Наверное, потому что в самый конфликтный подростковый период не общались. Долгое время поддерживали связь только через соцсети. По-новой сдружился пять лет назад, когда я заработал денег и впервые приехал в Крым после внезапной и шоковой для меня эмиграции.

— Маша не знает, что ты за ней прилетел? — спрашивает Костик, пока тянемся в пробке по центральному проспекту. — Мы с ней виделись на днях. Я молчу, как ты просил.

— Она не в курсе. Скажу при встрече.

— Ее родственнички не будут ставить палки в колеса?

— Им за счастье, что я ее увожу. Баба с возу, как говорится, — хмыкаю и перевожу тему. — Как там твой пляж? Рассказывай уже!

В прошлый раз я прилетал всего на четыре дня. Они были тяжелыми и суетливыми, но на арендованный Костей пляж мы успели сгонять. Это западный берег, место довольно дикое, но красивое — мне понравилось.

— На пляже все зашибись! Отель, что рядом достраивали, открылся. Так что гидроциклы сдаются, катер два раза в час таскает банан, — рапортует Костян. — Бар в прошлом месяце запустил, назвал попсово — «Альбатрос». Коктейли там разные мутят, а по вечерам дискотека. На Яндексе полно положительных отзывов. Почитай.

— Обязательно, — обещаю, проверяя в телефоне котировки. — Интернет у вас тут дерьмовый, — бубню, в третий раз перегружая страницу.

— Зато кенгуру не бегают, — ржет Костик.

Он любит повеселиться. Сам шутит, сам над своей шуткой смеется. Со стороны может

показаться, что дурачок, но ни ничего подобного. Бизнесы у него местечковые, но все как один прибыльные. Со студенчества крутится резвым хомячком. Как и я. Только барабаны у нас разные.

Бэха въезжает в знакомый до боли двор и тормозит у третьего подъезда серенькой девятиэтажки. Наклонившись, выглядываю через лобовое на родные окна. В двухкомнатной квартире на пятом этаже до сих пор хранятся мои детские фотографии. Эту квартиру я все еще считаю своим домом. Другого за двенадцать лет скитаний по съемным углам так и не нашел.

Из машины выходить не спешу. На душе больше нет той легкой радости, что бывала в предыдущие приезды. Теперь там тяжелая как камень печаль. Дома меня больше не ждут.

Глава 2

— Приехал! — врывается в фоновый пляжный галдеж радостный возглас подруги. — Ветка, ты спишь что ли? Там Костя приехал, говорю...

Нечаева трясет меня за плечо, вырывая из полусна. Последнее время мы с ней почти не расстаемся, стали лучшими подругами, но я никак не привыкну к ее импульсивности.

— Угу, — отзываюсь лениво.

Не открывая глаз, поворачиваюсь и протираю лицом махру полотенца. Песок под ним мягкий и теплый, пахнет йодом и солью. Послеобеденное солнышко ласково пригревает кожу... Я так хорошо задремала.

— Давай, просыпайся! Он сейчас подойдет, а ты тут развалилась тающей медузой, — Лерка беспардонно пихает меня в бок.

Она с этим Костей едва знакома, но запала конкретно. Все уши мне прожужжала, какой он офигенный. Взрослый, красивый, успешный... Бизнесы разные мутит. Тачка у него крутая, катер и прокат гидроциклов на собственном пляже. До этого пляжа мы два с половиной часа добирались и уже три загораем в ожидании хозяина.

— Мне плевать, что обо мне подумает какой-то Костя, — бормочу недовольно.

— Не какой-то, а Баринов, — поправляет Лера и снова толкается, заставляя меня открыть глаза.

Сама она уже приняла выгодную позу: откинувшись на локти, выпятила грудь и втянула живот. Из-за маленького роста Лера может показаться полноватой и немного комплексует из-за этого, а я ее формам завидую. Мой почти первый размер груди на фоне ее уверенного третьего выглядит печально.

— А он не один приехал, — докладывает Нечаева. — Ого, какой у его друга пресс. А татухи какие... Офигеть! Ты только глянь, Ветусь, — переходит на низкий шепот.

— Мне неинтересно, — отмахиваюсь, подавляя зевоту.

— Девка с ними какая-то, — фыркает подруга.

Тут я уже поворачиваюсь.

На припляжной парковке, у переливающегося разными цветами автомобиля стоят двое крепких парней в плавках. С одним из них, смазливый блондином по имени Константин, мы познакомились в прошлую субботу в ночном клубе. Загорелого брюнета с огромной татуировкой на плече я вижу впервые. Рядом с ними крутится миниатюрная девушка в джинсовых шортах поверх сдельного купальника.

— Тачка у твоего Костика приметная, — говорю и по привычке прищуриваюсь, забыв что с утра вставила контактные линзы.

Вижу я настолько хорошо, что могу разглядеть узор татуировки на подкаченном теле второго парня. Именно этим и занимаюсь.

— Крутой тюнинг, скажи? — произносит Нечаева, не сводя глаз со своего мажора и его БМВ. — А видела бы ты салон! Я как села — сразу поняла, что отсосу ему в этой тачке.

— Ты только не спеши, вы же едва знакомы, — кошусь на нее смущенно.

Раскрепощенность подруги в вопросах секса — нечто запредельное для меня. У нас очень разный опыт в этой сфере. Несопоставимый. Лера на год меня старше и ведет активную половую жизнь, а я все еще девственница. При том, что парень у меня есть.

— Припозднилась ты с советом, — усмехается Нечаева, продолжая пялиться на

парковку.

Я выкатываю глаза:

— Серьезно? Когда только успела?

— В тот же вечер, когда познакомились. Нужно было застолбить мажорчика, он же изначально на тебя запал. Парни почему-то всегда предпочитают блондинок.

— Это миф, — возражаю. — По статистике среди первых красавиц мира шатенок и брюнеток значительно больше.

— Не знаю, как там по статистике, но Костя Баринов поначалу положил глаз на тебя. Просто ты почти сразу уехала, а я осталась и воспользовалась случаем. Хорошие парни на дороге не валяются, их надо сразу хватать — не зевать! Он обалдел, конечно, когда я предложила, но потом расслабился и насладился. В конце искренне поблагодарил. Ему все понравилось, мне тоже...

О спонтанном сексе в машине Лера рассказывает непринужденно, как о походе в магазин за хлебом. Она не впервые делится со мной деликатными подробностями своих походов, и я по привычке смущаюсь, но в этот раз набираюсь смелости и задаю уточняющие вопросы:

— То есть ты сама ему предложила? Как поняла, что согласится? Вы до этого долго целовались? Он говорил тебе что-то, касался как-то?

Мне интересно, потому что у нас с моим парнем дальше поцелуев и петтинга через одежду еще не заходило. Мы почти два года встречаемся, и я не против заняться сексом, но он не настаивает, а я стесняюсь проявить инициативу.

— Мы целовались недолго, я сразу пошла в наступление. Ни один нормальный парень не откажется от минета, подруга! — смеется Лера, откидывая за плечи каштановые волосы.

Ее взгляд по-прежнему прикован к парковке, она меняет одну соблазняющую позу на другую и выглядит настолько сексапильной и уверенной в себе, что мне становится досадно. Я не из робкого десятка и по жизни люблю быть первой, но в вопросе сексуальных отношений сильно отстаю. Завтра мне исполнится восемнадцать, а опыта ноль.

— Он тебе точно не понравился?

Вопрос Леры звучит неожиданно. В ее голосе сквозит тревогой и надеждой. Неужели и вправду влюбилась? Разве можно вот так, с одной встречи? Мы с Ильей год общались близко перед тем, как начать встречаться.

— Этот твой Костя? Совершенно не понравился! — спешу успокоить подругу. — У меня есть Илья, — напоминаю.

— Твой Красовский ни рыба, ни мясо, — дает нелестную характеристику моему парню Нечаева. — Не понимаю, что ты в нем нашла, но раз устраивает — ради бога! Залог крепкой женской дружбы — разный вкус на парней, — вспоминает интернетовскую мудрость.

— И одинаковый вкус на вино, — заканчиваю избитую фразу.

— Кстати, о вине, — она резво вскакивает на четвереньки. — Праздничное шампанское завтра будет? Решила, где празднуем твой бездник?

— Нет у меня настроения отмечать, — стряхиваю с живота и бедер прилипший песок.

Свой восемнадцатый день рождения я мечтала провести по-особенному и в компании Ильи, но он улетел на турнир в Германию. Мой парень — танцор международного класса, как и я. Раньше мы танцевали в паре и вместе участвовали в различных мировых турнирах. Прошлым летом стали вице-чемпионами Европы, а через месяц я неудачно упала на региональном чемпионате. Две операции и пять месяцев в гипсе выбили из обоймы. Теперь

у Илюши другая партнерша и огромные перспективы, а я с сентября стану студенткой местного универа и буду наблюдать за его успехами со стороны. С моим типом перелома ближайшее полгода на бальные танцы можно только смотреть и мне сложно с этим смириться.

— Ветка! Не праздновать совершеннолетие — это преступление! Ты просто обязана оторваться! — восклицает Лера. — Идем выпьем по коктейльчику и поищем твое настроение.

Обтянув тугие бедра полупрозрачным парео, она быстро собирает свои вещи. Троица с парковки, за которой мы в наблюдали, направляется в сторону пляжного коктейль-бара. Не смотря на эффектные прогибы и пристальные взгляды подруги, мажор Костя ее не заметил.

— Мне не продадут алкоголь, — напоминаю, складывая свое полотенце.

— А я тебе на что? Возьму два! — бросает Нечаева через плечо.

Уверенным шагом она идет к бару. Натянув футболку и шорты на еще непросохший купальник, я бегу следом.

— Всем приветики! — громко и задорно здоровается Лера, ступая на дощатый помост.

Бармен вскидывает на нее заинтересованный взгляд, несколько посетителей у стойки оборачиваются. Среди них и Костя, на лице которого читается некоторое замешательство.

— Привет, девчонки! Как дела? — спохватывается он, когда мы приближаемся. — Отдыхаете здесь?

— Нет, скучаем. Ты обещал позвонить. Я ждала, ждала... Не дождалась и решила приехать.

Лера выпячивает грудь и подходит к нему вплотную. Выглянув из-за ее спины, я приветственно взмахиваю рукой и натянуто улыбаюсь. Думала, мы сделаем вид, будто случайно тут оказались, а она прямо в лоб заявила Косте, что приехала ради него.

— Я тут с друзьями, — как бы оправдывается Баринов, делая шаг назад.

— Ты рассказывал, что на твоём пляже можно классно потусить и покататься на водных скутерах, — наступая на него Нечаева. — Этот бар тоже твой? Коктейли нам закажешь?

Черт! Это не Валерия, а гусеничный танк. Она прет, а я не знаю, куда себя деть. Испанский стыд, как он есть.

— Конечно, куколки! Заказывайте все, что хотите!

Костик делает жест бармену, чтобы обслужил нас и спешит свалить к друзьям, ожидающим его на одном из установленных рядом топчанов.

Пока для нас мешают манговый мохито, я шепотом уговариваю Леру уйти, но она меня не слышит. Хватает ярко-желтые бокалы, украшенные листиками мяты, и дефилирует к тому самому топчану, размашисто виляя бедрами. Прекрасно видела, что Костик ей не рад, но это ее не останавливает.

— Мы к вам присоединимся, — ставит перед фактом компанию на топчане.

— Присаживайтесь, — натянуто улыбается Костик и подвигается.

Сбросив шлепанцы, Лерка заползает и с пластикой гулящей кошки устраивается рядом с ним. Я сажусь с краю, оставляя ноги на песке и прикрывая их пляжной сумкой. Послеоперационный шрам на лодыжке все еще заметен и привлекает ненужное внимание.

— Привет, — произношу хрипло, скользя взглядом по всей троице.

Костик старательно изображает невозмутимость. Девушка, приехавшая с ним, растеряно улыбается. У татуированного парня, сидящего напротив меня, на глазах дорогие очки от солнца, а на губах надменная ухмылка.

— Привет-привет, — здоровается он.

Низкий голос направлен в мою сторону, как и оценивающий взгляд, который из-за темных стекол авиаторов я не вижу, зато отлично ощущаю и ловлю себя на мысли, что хочу уйти.

Глава 3

— Знакомьтесь, — лениво произносит Костя, глядя на нас с Лерой. — Это мой друг Макс, а это Маша...

Дальше повисает пауза. Все молчат и переглядываются. Лерка растеряно улыбается и хлопает ресницами в ожидании, когда Костя представит ее, но он молчит. Прицокнув языком, я качаю головой. Ладно, он не помнит, как зовут меня — мы толком не поговорили, но забыть имя девушки, с которой была близость — верх свинства.

— Привет, Лиза, — неожиданно обращается ко мне девушка. — Ты меня не помнишь? Я тоже занималась танцами в «Арабесках», была в группе на год младше...

Дернув плечом, виновато улыбаюсь. Не помню эту милую девушку, из младших редко кого примечаешь.

— ...Ты была моим кумиром, Елизавета Бережная, — еще более неожиданно признается она.

Услышав свое полное имя, я машинально тяну вверх подбородок, как делала, поднимаясь на пьедестал. Глаза вспыхивают, а плечи сами собой расправляются. Когда речь заходит о танцах, тщеславие становится моим вторым «я». Теперь, когда все заслуги и почести остались в прошлом, поплескаться в лучах славы хочется особенно сильно, но я знаю, что откат будет болезненным.

— Спасибо. Я больше не танцую, закончила карьеру, — осаживаю себя. — А ты еще занимаешься?

— Бросила два года назад. Мне было далеко до твоих высот, но КМС я получила. Потом заболела мама, я больше не могла ездить на соревнования.

— Ты еще можешь вернуться, в бальные танцы никогда не поздно, — повторяю фразу, которой все вокруг пытались успокоить меня после травмы.

— Наверное, но я скоро уезжаю, далеко и навсегда, — лепечет Маша, потупив взгляд.

Татуированный Макс наклоняется к ней и берет за руку. Я смотрю на эту картину и подвисаю. Они что, встречаются? Он же сильно старше. Куда смотрят ее родители? Ей хорошо если есть шестнадцать, а он взрослый мужик. Вот извращенец! Достоин своего дружка-мудака, не помнящего имя девушки, которая недавно делала ему минет. Терпеть таких не могу! Ничего из себя не представляют, но живут так, словно весь мир крутится вокруг них и тех бабок, что им удалось урвать.

Костя с невозмутимым видом залипает в телефон, Лерка молча цедит свой коктейль. Ее так и не представили. Наш диалог с Машей свел тему знакомства на нет, но так не пойдет, я не согласна.

— Знакомься, *Валерия*, — обращаюсь к подруге, делая акцент на ее имени. — Эту девочку зовут Мария. С ней мы занималась в одной школе танцев, — показываю рукой на Машу. — А это Максим, который почему-то прячет глаза за темными очками, — перевожу руку на забитого татухами качка, не решаясь глянуть на него. — Ну а это... — сразу двумя руками дирижирую в сторону Кости. — ...Это у нас Константин! У него крутая тюнингованная тачка, в которой он развлекается с девочками из ночного клуба, не запоминая их имена.

Оторвавшись от телефона, Костя удивленно выгибает брови. Нечаева поджимает губы и отворачивается. Ей не понравился мой выпад, но комментировать его она не решается.

Качок в татуировках хмыкает и сверлит меня взглядом, не снимая очков. И только Маша слегка разряжает обстановку, продолжая наивно улыбаться.

— Кость, ты обещал покатать меня на гидроцикле, — вспоминает она, разрывая неудобную паузу.

— И мне обещал, — напоминает Лера, подскакивая на месте.

— Ща, девочки, пиво допью и покатаемся, — лыбится Костя, отхлебывая из высокого запотевшего стакана.

— Смени поставщика, Костян. Это не пиво, а ослиная моча, — с надменным видом советует Макс.

Отставив почти полный стакан, он откидывается на подушки и широко разводит колени. В этой развязной позе продолжает через очки тарачиться в мою сторону, чем жутко бесит.

— А ты пробовал на вкус то, чем писают ослики? — спрашиваю с наигранной улыбкой.

Маша сдавленно хихикает, Лера не сдерживается и поддерживает ее довольно громко, Костя начинает тупо ржать. Не смеется только Макс. Его губы остаются неподвижными, когда он поднимает очки и впивается в меня ярко-синими глазами.

Моя улыбка медленно сползает, горло сжимает нервный спазм. Я в жизни не видела таких глаз и теперь понимаю, почему он их прячет. Они опасные, в них запросто можно утонуть. Мне уже дышать трудно, а оторваться не получается — смотрю и сморю. И Макс на меня смотрит.

— Считаешь себя умнее других? — спрашивает, не разрывая зрительного контакта.

Воздух между нами сжимается и странно дрожит. Картинка плывет. Это, наверное, из-за контактных линз, которые я ношу всего три дня и никак не привыкну.

— Не глупее некоторых, — пробую дерзить. — А у тебя, смотри, с чувством юмора туго?

Усмехнувшись, он опускает очки и отворачивается, не удостоив меня ответом. Подумаешь! Надменный индюк с безумными глазами.

— Ладно, — выдыхает Костик, вдоволь насмеявшись, — Давайте погоняем, а то волна усиливается. Макс, ты с нами?

— Нет, я пас. Поработаю пока, — отзывается индюк. — Маша идет под твою ответственность. Жилет ей не забудь надеть.

— Лады, не парься. Доставим в целостности и сохранности, — отшучивается Костя. — Валерия, у тебя права какие-нибудь есть? Или подружку за руль посадим?

— Прав у меня нет, но водить умею, папа учил, — радостно отзывается Нечаева на его внимание. — А Ветке еще нет восемнадцати, ей точно нельзя за руль.

Я мечу в подругу недовольный взгляд. Вот зачем она озвучила мой возраст и по-детски назвала Веткой? Эти взрослые и успешные парни и так смотрят на нас, как на второсортных.

Макс достает из рюкзака ноутбук и открывает его. Наблюдая за этим обычным действием, я рассматриваю спиральные узоры на его руке и плече. Настолько увлекаюсь, что не замечаю, как все остальные уходят к морю.

— Ты что-то хотела?

Грубоватый тон выводит из транса. Хочется ответить остроумно, но умные мысли куда-то разбежались. Приходится сказать правду:

— Твоя татуировка. Я никогда таких не видела. Что означает?

Макс поднимает очки на лоб, от его пронзительного взгляда по коже пробегает мороз.

— Она отображает мои принципы и ценности. Каждая деталь имеет свое значение.

Нервно сглотнув, замечаю:

— Деталей много, и они замудренные.

Макс хмыкает:

— Так и я совсем не простой.

— И чем же ты особенный?

В его взгляде проскальзывает искорка интереса, уголки губ дергаются вверх:

— Хочешь познакомиться поближе?

Капец, какой самонадеянный! Напыщенный, наглый, надменный... Индюк — он и есть индюк!

— Не горю таким желанием, — отрезаю.

Резко развернувшись, быстрым шагом направляюсь к ровному ряду гидроциклов. Два из них Костик поочередно подтягивает к воде. Работающий в прокате паренек достает ярко-желтые жилеты и проводит короткий инструктаж по правилам безопасности. Я не вникаю. Стою в стороне и кошусь на Макса, который уткнулся в комп.

Этот парень правда необычный. На его фоне симпотяга Костик на тюнингованной бэхе выглядит простачком. И дело не столько во внешности, сколько в особенной энергетике. Максим производит впечатление серьезного и крайне уверенного в себе человека. Это и привлекает, и раздражает.

Заметив, что я за ним подглядываю, Макс захлопывает ноут и идет к нам. Его очки по-прежнему на лбу, цепкие синие глаза впиваются в мои перепуганные серо-зеленые. Горло снова сжимает спазм, но его взгляд я упорно держу. При этом так сильно волнуюсь, как бывало только перед важным выходом на паркет. Чертовщина какая-то.

Максим проходит мимо меня, подходит к Маше и проверяет ее жилет. Костик дразнит его «заботливым папочкой», и я невольно морщусь, напоминая себе, что этот бугай развращает совсем юную девушку и мне не стоит играть с ним в гляделки. Быстро натянув жилет, бросаюсь к скутеру, на котором уже восседает Нечаева.

На медленном ходу мы отходим от берега. Костя с Машей впереди, мы с Лерой следом.

— Пообещай мне, что покатаемся и после сразу уедем домой, — выдыхаю в затылок подруге.

— Еще чего! — смеется Лерка, увеличивая скорость. — Все самое интересное начинается с темнотой.

— Зачем тебе этот Костя? Он тобой пренебрегает, не удосужился даже имя запомнить, а ты бегаешь за ним, унижаешься...

— А что ты меня отговариваешь, Бережная? Сама положила глаз на него? Ведешь себя странненько! Внимание на себя тянешь!

Мы уже довольно быстро скользим по волнам. Гидроцикл с шумом бьется о воду и создает много брызг, поэтому ей приходится кричать.

— Да сдался мне твой Костя! Дура ты, Нечаева! — ору в шутку.

Мы продолжаем разгоняться. Выброс адреналина будоражит кровь, вызывая безрассудный восторг.

— Сама такая! — хохочет Лерка и резко дает газу. — Держись!

Скутер взывает и, задрав нос, отрывается от воды. Мы подлетаем вместе с ним и зависаем в воздухе. Я пугаюсь и отпускаю талию подруги, чтобы схватиться за сиденье, но в ту же секунду оказываюсь в воде.

Падаю в море, словно на что-то твердое. Сильно ударяюсь бедром больной ноги и поясницей, перекручиваюсь на волне. Жилет расстегивается и бьет по лицу, после чего слетает, позволяя телу провалиться под воду. Вода попадает в глаза и смывает линзы. Я ничего не вижу и не понимаю. Перестаю ориентироваться. Паникую. Слышу отдаленный гул скутера и зловещий шум волн. Пробую открыть глаза, но тут же зажмуриваюсь от боли. Паникую еще больше и барахтаюсь, пытаюсь удержаться на воде, но набегающая волна забирает под себя.

Вода в глазах, ушах, в носу и во рту... Ее соленый вкус усиливает панику до предела. Вынырнув, я хватаю ртом драгоценный воздух, истошно ору «помогите» и снова ухожу под воду...

Я не сразу понимаю, что рядом кто-то есть. Чувствую давление в груди, потом рывок — и в следующий миг становится светло. Жадно хватаю ртом воздух и тут же закашливаюсь. Барахтаюсь, вырываюсь...

— Все хорошо, не дергайся, — звучит за спиной, как приказ. — Хватайся за скутер, посажу.

Когда живот прижимается к чему-то твердому, цепляюсь и карабкаюсь. Почувствовав себя на поверхности, захожусь в приступе кашля. В глазах соль и густая муть. Горло дерет, за ребрами печет, но паники больше нет. Есть острое желание жить и необходимость дышать. И я дышу.

Гидроцикл покачивается на волнах, я лежу поперек сиденья и хриплю. Спасший меня человек постукивает по спине, и постепенно кашель стихает. У меня не получается открыть глаза, но я слышу отдаленные голоса и приближающийся звук мотора.

— Жива! Вторую подбери слева от скутера...

Звучащий рядом мужской голос кажется знакомым. Я слышала его перед тем, как мы отошли от берега. Точно! Это же парень, работающий в прокате. Он увидел, что я тону и пришел на помощь. Какой молодец!

Чувство благодарности теплом прокатывается по телу. Хочется посмотреть в лицо своему спасителю, и я пытаюсь это сделать — приподнимаюсь и наощупь поворачиваюсь. В этот момент волна бьется о скутер, его кренит и я теряю равновесие. От страха остаться без опоры взвизгиваю и карабкаюсь на парня, как краб на прибрежный камень. Обнимаю руками и ногами, и прижимаюсь.

— Эй, полегче! Ты меня задушишь! — пытается отстраниться спасатель.

— Прости, — хриплю вместо планируемого «спасибо».

Понимаю, что надо ослабить хватку, но тело не желает слушаться. Руки и ноги продолжают цепко обнимать человека рядом.

— Ну все-все, — приговаривает он. — Все позади, ты в безопасности, — обнимает в ответ.

На нем тоже нет жилета. На берегу этот парень казался худощавым, а сейчас чувствуется крепкими и сильным — внушает доверие.

— Я ничего не вижу, — признаюсь, ткнувшись носом в его плечо. — Линзы смыло и глаза больно жжет.

— Дай я посмотрю, — просит настойчиво.

Обхватив сзади шею, отодвигает меня от себя и берет второй рукой за подбородок. Очередная волна поднимает и опускает скутер. Я инстинктивно сжимаю коленями мужской торс. Поза, в которой мы сидим, напоминает картинку из Камасутры, но об этом лучше не думать.

— Ай-ай-ай, — пишу, почувствовав резь в правом глазу.

— У тебя линза застряла в ресницах, достал. Поморгай...

Его пальцы мягко проводят по моему веку, дыхание задевает щеку. Я замираю, чувствуя, как в груди зарождается незнакомое чувство, похожее на радость и страх одновременно. Шесть лет я танцевала в паре и привыкла соприкасаться с телами противоположного пола, но до этого момента ничего подобного не испытывала.

Поморгав, разлеплю глаза. Они щиплют, но острой боли нет, как и размытости. Вблизи я вижу хорошо и прямо передо мной плечо в замысловатых узорах. Низкий голос... Крупное рельефное тело... Спасший меня герой — не работник проката.

Осознание приходит вспышкой и шокирует.

— Макс? А почему ты? — вскинув обалдевший взгляд, выдавливаю из себя глупейший вопрос.

— Хотела, чтобы тебя вытащил кто-то другой? Ну извини. Мне показалось, ты реально тонешь.

Уголок его губ дергается, глаза остаются серьезными. Когда вокруг только море, они кажутся еще ярче и я залипаю на их гипнотической синеве. Смотрю и снова тону, пока он не моргает, чтобы убрать с ресниц капли.

— Это ты извини, я не то хотела сказать. Не сразу поняла, что это ты, — признаюсь, ступевавшись.

— Ничего. У тебя шок и гипоксия, я понимаю, — кивает Макс, внимательно всматриваясь в мое лицо. — Открой-ка рот, — давит большим пальцем на подбородок.

Я слушаюсь. У меня действительно шок.

— Что-то не так? — спрашиваю встревоженно, когда он убирает палец.

— Все в порядке. Просто губа треснула. Я увидел кровь и решил проверить.

— Кровь? — быстро облизываю соленые губы.

— Все нормально, не паникуй! Небольшая трещинка, вот здесь...

Максим прижимает к моей губе палец и слегка улыбается. Его мокрые волосы взъерошены, по лицу стекают капли. Он красивый, оказывается. Я только теперь это замечаю и начинаю стесняться.

Мы все еще склеены в позе лотоса, и теперь я думаю, что слишком интимно. Потупив взгляд, ослабеваю хватку и отстраняюсь, чтобы в следующую секунду задохнуться от новой порции шока.

— А где купальник?

Макс смотрит вниз, прямо на мою грудь.

— Когда я тебя вытаскивал, его не было. Жилет сорвал, наверное.

Его тон обыденный, но в глазах смешинка и она вызывает во мне острый приступ стыда.

— Не смотри! — выкрикиваю и прижимаюсь к мужскому телу.

Это так глупо, но я не нахожу другого способа спрятаться. Закрывать руками — не вариант, ими я держусь. Скутер ощутимо качается на волнах, страх снова оказаться в воде не отступает.

— Да что я там не видел, — хмыкает Макс.

Кровь бьет в голову, заливая лицо жаром. Я жутко комплекую из-за невыдающихся размеров своей груди, а он будто насмехается и я не знаю, как реагировать. Сейчас я максимально уязвима и завишу от него. Даже съязвить в ответ не могу, нет у меня такого права. Он ведь спасший меня герой! Смелый, ловкий, красивый... А я растяпа, которая не застегнула спасательный жилет. Дурочка, которая приперлась на пляж в контактных линзах. У меня маленькая грудь и большое самомнение, которое сейчас нужно засунуть в то самое место, что вжимается в чужой пах. О боже!

— Мне нужно чем-нибудь прикрыться, — лепечу и снова отстраняюсь, пытаюсь прикрыться одной рукой. — Мой жилет должен плавать где-то поблизости.

Я напрасно верчу головой: вдаль без линз вижу плохо.

— Твой жилет уже на берегу, вместе с бестолковой подругой, которая чуть не угробила вас обеих, — цедит Макс, задрав подбородок.

— Бли-и-ин, я не смогу вот так выйти на берег. Придумай что-нибудь, пожалуйста.

— Могу предложить свои плавки.

— Серьезно? Буду очень признательна!

Никогда бы не подумала, что можно так обрадоваться чужим трусам. Но радость моя длится ровно до момента, когда я понимаю, о каких плавках речь.

— Да без проблем. Давай сниму!

Отодвинувшись, Макс просовывает руку и тянет вниз резинку своих плавательных шортов. Выпучив глаза, я ахаю и истерично мотаю головой. Очередная волна бьется о скутер, окатывая нас брызгами. Я с визгом обхватываю Макса ногами, он успевает ухватиться за руль и удержаться.

— Ты больной?! — визжу. — Что это за шутки идиотские?!

— Что не так-то? Чего обзываешься?

— Я сижу на тебе, а ты оголяешь свои гениталии! Считаешь, это нормально?!

Вот теперь я в конкретном шоке. Я почти в аффекте и кислородное голодание здесь не причем. Макс успел частично стянуть шорты и нас разделяют только мои бикини. Я слишком хорошо чувствую его наготу в одном определенном месте и это, мягко говоря, будоражит.

— Сама попросила плавки, — недоумевает мой спаситель. — Или ты думала, у меня есть запасные в кармане?

— Я не могу думать! Ты же видишь, что я не в себе. Надень обратно, прошу!

— Ладно. Только в ухо больше не ори. В нем уже звенит от твоего писка...

Я зажмуриваюсь и слегка отстраняю бедра, позволяя ему одеться. Натягивая плавки, Макс нечаянно задевает рукой низ моего живота. От его прикосновения меня пронзает током. Я уже не помню, что пять минут назад тонула. С ужасом думаю только о том, что практически голая сижу на малознакомом парне. Мы покачиваемся на волнах, и мои соски трутся о его грудь, а его дыхание щекочет мою шею. Я вижу это словно со стороны и захлебываюсь диким коктейлем из очень разных эмоций, основная из которых — стыд. Наверняка, с берега за нами наблюдает куча народу, среди зевак его девушка и моя подруга. Какой позор!

— Отвези меня на сушу, — прошу, как только плавки оказываются на месте.

— С голой грудью? — уточняет Макс, понизив голос.

От его шепота я вся покрываюсь мурашками.

— Как-нибудь переживу. Просто я уже замерзла.

Оправдание звучит смешно. Кожа у меня теплая, у Макса еще теплее, а между нами прям горячо. При температуре воздуха плюс тридцать два замерзнуть в принципе невозможно, но я не знаю, как еще объяснить свою чувствительность.

Макс включает двигатель гидроцикла.

— Ты так и сиди, не дергайся, — продолжает говорить тихо и близко к уху. — На подходе к берегу я попрошу полотенце и укутаю тебя, — осторожно расправляет мои спутанные волосы по спине. — Никто и не заметит, что ты без купальника.

Коротко кивнув, я набираюсь смелости и смотрю ему в глаза. Они все такие же серьезные и невозможно яркие. Горло сжимается, но я выдавливаю из себя нужные слова:

— Я тебе очень благодарна. За то, что спас и помогаешь. Спасибо, Макс.

Его взгляд теплеет, на губах появляется улыбка. При виде ее мое сердце сжимается и выбрасывает кровь с такой силой, что внутри все содрогается, а перед глазами на секунду темнеет.

— Пожалуйста, Лиза.

— Друзья называют меня Вета.

— Мы с тобой не друзья, Лиза.

— Но мы могли бы ими стать?

В моем голосе надежда, а в глазах благодарность. Макс все еще улыбается, и я открыто люблю его красивым лицом.

— Посмотрим.

Скутер на малой скорости идет к берегу. Продолжая обнимать своего героя, я слышу, как часто и мощно бьется его сердце. Чувствую себя по-детски счастливой и даже не удивляюсь этому. Мои реакции неадекватные, в голове абсолютный хаос. Я в шоке, у меня гипоксия.

В строительном вагончике с табличкой «Комната отдыха персонала» душно и темно. Лежа на раскладушке, установленной между ящиками со спиртным, я мечтаю, чтобы все это оказалось дурным сном.

Как я, Елизавета Бережная, могла оказаться в этом месте в такой ситуации, мозг понимает отказывается.

Где-то в параллельной жизни я сейчас гуляю по свежему вечернему Штутгарту. После контрольного прогона настраиваюсь на большую победу и присматриваю на завтра ресторан для праздничного ужина. В этом году мой день рождения совпал с датами проведения чемпионата. В параллельной жизни, в день своего совершеннолетия я должна стать чемпионкой Европы и отпраздновать два важнейших события с любимым парнем. В настоящей — мой Илья улетел в Германию побеждать не со мной.

Достаю из кармана телефон и открываю наш диалог. Красовский был в сети двенадцать часов назад, мое «доброе утро» висит непрочитанным. Сегодня он весь день готовится. Мы договаривались, что я не буду дергать его попусту, но я чуть не утонула, а это не ерунда.

Палец висит над зеленой трубочкой. Набрать не решаюсь, пишу, что жду звонка в любое время и блокирую экран.

Спустя минуту телефон коротко вибрирует.

Радуюсь я преждевременно — это не Илья, а мама. Спрашивает, во-сколько меня ждать. После падения со скутера очень хотелось ей позвонить, попросить приехать и забрать меня отсюда, но потом я вспомнила нашу вчерашнюю ссору и передумала. Да и Лерка чуть ли не на коленях умоляла не рассказывать о происшествии родителям.

Печатаю маме, что Нечаева встретила друзей и мы вернемся на машине поздно. Время намеренно не уточняю, а она не спрашивает. Наши отношения в последнее время можно охарактеризовать, как натянутые.

Присев, растираю плечи, затем руки и колени. Кожа от соленой воды пересохла и на сгибах чешется. Раскладушка подо мной жалобно скрипит. Мне хуже, чем ей. Несколько часов назад я пережила жуткий стресс, а поплакаться некому. Никому я не нужна.

Оцени свое нынешнее состояние по шкале от одного до десяти.

Когда-то с этой фразы начинались мои сеансы со спортивным психологом. Чаще всего я оценивала свое состояние на пять, после значимых побед — на восемь. На реабилитации после перелома стала двоечницей, а сейчас мне не подходит шкала, начинающаяся с единицы. Я в глубоком минусе.

Сегодня я упала ниже плинтуса, опозорилась по полной. Весь пляж наблюдал, как герой по имени Максим доставал меня из воды в одних плавках. Когда мы сошли на берег, хотелось провалиться сквозь землю. Костя позвал спасателя с аптечкой, тот надел на мой палец оксиметр и стал прижиматься ухом к груди. Зеваки давали советы, Лерка скулила, а Маша поправляла на мне полотенце. Такое внимание дико раздражало.

Распсиховавшись, я послала всех к черту, оделась и ушла в бар. Хотела выпить сок, чтобы перебить вкус соли во рту, но поддалась на уговоры бармена снять стресс с помощью супер-коктейля. Сглупила. Я ведь совсем не пью алкоголь! Не знаю, что он туда намешал, но через полчаса меня начало вырубать прямо на топчане. Костя наорал на бармена и отвел меня в этот вагончик. Пообещал отвезти домой, когда просплюсь.

Самое ужасное, что все это я отлично помню. Протрезвела так же быстро, как опьянела. Спать перехотелось. Вот уже два часа я сижу в темном и душном вагончике и занимаюсь самоедством.

Пересмотрела свои последние выступления, а затем ролики, где Илья танцует с новой партнершей Ульяной. Почитала сплошь восторженные отзывы и мнения судей о новой паре. Им пророчат большое будущее. А ведь совсем недавно это будущее было моим. Теперь я за бортом, для большой карьеры — утонула. Пока моя нога восстановится, Илья Красовский возьмет все титулы. Без меня. Мы не раз говорили об этом с ним и тренером. Ждать меня не будут.

С этой мыслью я свыкаюсь постепенно. Уверяю сама себя, что жизнь без танцев тоже существует. Можно ведь учиться, находить друзей, гулять, веселиться... Наслаждаться беззаботной юностью! Мама права: страдать по утраченным возможностям — глупо. Прошое нужно отпустить и идти дальше. Но как же мне сложно!

Прихватив телефон, выбираюсь из вагончика. На улице совсем стемнело, а я не взяла с собой очки и потеряла линзы — вижу расплывчато. В баре мигают софиты и громко играет музыка, но мне в другую сторону. Включаю фонарик на телефоне и телепаюсь по остывшему песку к установленным в сторонке биотуалетам. У женского, как обычно, очередь, у мужского никого. Они одинаковые, только нарисованные краской буквы разные, и я решаю нарушить правила.

Вообще я редко протестую, всегда была правильной. Тренеров слушала, матом не ругалась, курить не пробовала, алкоголь — до сегодняшнего дня тоже. Мне было некогда, я жила танцами! Но эта жизнь в прошлом и значит, правильной можно не быть.

Дверь мужского туалета изнутри открывается туго. Хорошенько приложившись к ней плечом, я вываливаюсь из кабинки и впечатываюсь в человека в светлой рубашке.

— Проснулась? Как себя чувствуешь?

Узнаю его по голосу и энергетике. Она мощная настолько, что я отшатываюсь. Макс протягивает руку, чтобы поддержать, но я успеваю выпрямиться и сделать шаг в сторону.

— Все хорошо, — уверяю, обнимая себя за плечи.

Мы не виделись с момента, как сошли на берег. Он куда-то испарился, и я была этому рада, если честно.

— Точно хорошо? — прищуривается. — Ты прихрамываешь на левую ногу.

— Это давняя проблема, — бурчу.

Моя хромота лечится и уже практически незаметна. Обычно я себя контролирую и ее никто не видит, но сейчас забылась.

— Травма? — уточняет Макс, сверля меня серьезным взглядом. — Я видел шрам.

— Сложный перелом, — поясняю нехотя и отвожу глаза.

Ненавижу говорить об этом. Больно вспоминать, через что пришлось пройти. Еще больнее думать, к чему привел этот перелом.

Макс понимающе кивает и продолжает пристально рассматривать меня. В легких брюках и рубашке он выглядит так, словно пришел на фотосессию в качестве модели. Темные волосы лежат идеально, небольшая щетина выделяет скулы, глаза блестят... С его внешностью полный порядок, а я лохматая и помятая.

— Пока ты отдыхала, я тут почитал... — произносит он задумчиво. — Тебе стоит показаться врачу и сделать рентген легких. В них может остаться вода, это бывает опасно...

— Я в норме! — перебиваю резковато.

— Ладно, — соглашается, потерев кончик носа. — Тогда давай оповестим народ, что ты проснулась, и будем выдвигаться домой, — предлагает и разворачивается.

— А ты разве не сюда шел? — киваю на кабинку туалета.

Мотнув головой, он идет в сторону бара. Его светлая рубашка застегнута всего на две пуговицы и красиво разлетается по ветру. Я украдкой люблюсь и прячу улыбку за поджатыми губами. Значит, он думал обо мне. Что-то там читал, переживал, следил и шел специально за мной...

Пульс радостно учащается. Внимание этого взрослого и привлекательного парня мне льстит.

Семеня следом, разглядываю его со спины. Мне никогда не нравились раскаченные фигуры, но должна признать — у Макса она идеальная. Расфуфыренные девицы из туалетной очереди тоже так считают. Они чуть шеи не свернули в его сторону и совершенно напрасно. Этот красавчик с татухой на плече приехал с юной Машей, которая в данный момент покоряет пляжный танцпол безупречной грацией. Под главный дискотечный хит этого лета рядом с ней извивается моя Нечаева. Судя по откровенным выпадам, она успела выпить не один убойный супер-коктейль.

Из-за стойки бара к нам выходит Костя. Макс приобнимает его и что-то говорит, тот кивает. Басы долбят, и я не слышу их голосов, но по жестам понимаю, что мы уезжаем прямо сейчас.

Махнув девчонкам рукой, бегу в вагончик забирать вещи. По пути еще раз проверяю диалог с Ильей. Он не читает мои сообщения. Возможно, устал после тренировки и решил пораньше лечь спать или забыл телефон в номере. Хочется думать так, а получается иначе. У меня плохое предчувствие. За последние несколько месяцев Илья отдалился, много времени проводит с новой партнершей, а она девушка эффектная и со здоровыми ногами.

Перед тем как идти в машину, я на скорую руку привожу себя в порядок: расчесываю и собираю закрутившееся от соли волосы в пучок на макушке, мятую футболку завязываю узлом на животе. У меня был сложный день, но это не повод опускаться до неряшливого вида.

Когда подхожу к «хамелеону» на парковке, все уже в сборе и ждут меня.

— Ветка! — кидается ко мне Лера. — Ну как ты, русалка? Родакам меня не сдашь? — лезет обниматься.

От нее несет алкоголем и мятой.

— Ты балда, Нечаева, — смеюсь. — Не сдам, не мандражируй. Меня тоже по головке не поглядят, если что.

— С тобой все хорошо? — участливо спрашивает Маша.

Она настолько милая и ванильная, что сахар на зубах скрипит. Днем эта девочка мне нравилась, а теперь ее улыбка и хлопающие ресницы раздражают.

— Со мной все отлично! — заявляю нервно и громко, чтобы все услышали и больше не спрашивали.

— Так может тогда еще потусим? — радостно предлагает Нечаева. — Раз ты отлично — давай начнем праздновать твои чудесные восемнадцать здесь! Можем гулять до утра!

— Сядь в машину, тусовщица, — шикает на нее Костик.

Макс складывает сумки в багажник и косится на Лерку недобро. Кажется, сегодня стрессанули все, кроме нее.

Я на Нечаеву не в обиде. Она же не специально сбросила нас со скутера, просто по жизни бедовая. Но другой подруги у меня нет. Закончились вместе с танцами.

Макс садится впереди, я за ним, Лерка за Костиком. Мария просится ехать по центру, потому что ее часто укачивает.

— Так у тебя завтра день рождения? — поворачивается ко мне, как только мы трогаемся.

Странная она. Взгляд затравленный, при этом постоянно улыбается, как блаженная. И успокоительное с собой носит, предлагала мне.

— Ага! — отвечает вместо меня Лерка. — Завтра нашу Ветку можно будет увозить за сто морей и целовать везде[1], — хохочет.

Костя ее поддерживает, а Макс нет.

Он когда-нибудь смеется, интересно?

— А мне в прошлом месяце шестнадцать исполнилось! Тоже важная дата, — оповещает Маша. Шутку про поцелуи она не поняла.

— Какая ты уже взрослая! — восклицаю театрально. — А тебе, Макс, сколько?

— Мне больше, — отвечает уклончиво.

— Это заметно, — язвлю.

За спасение я ему, конечно, благодарна, но отношения с ванильной малолеткой, мягко говоря, не одобряю. Мне тоже было шестнадцать, когда мы с Ильей начали целоваться, но мы почти ровесники. Красовскому сейчас девятнадцать, Макс явно старше.

— Ему, как и Косте — двадцать пять, — докладывает Лера. — Они в одном классе учились.

— Ты откуда знаешь? — выворачивает голову Костик.

— Интернет рассказал! В отличии от вас, он парень открытый.

— Вот урод! Спалил нас! — бьет по рулю наш водитель. — Я тебе говорил, Макс, что этот Интернет — мудила, а ты с ним работаешь!

Костик угорает над своей шуткой, Лера и Маша тоже хихикают. Макс даже не

улыбается. И мне не до смеха. Я в уме отнимаю от двадцати пяти шестнадцать, а потом восемнадцать. Во втором случае получается семь. Семь лет — это много, но меньше, чем девять. Зачем я решаю эти примеры — без понятия.

— Мне жаль, Лиза, что ты больше не танцуешь, — меняет тему Маша. — Ты упала прямо во время выхода?

— Эм-м... — подвисаю на секунду, — ... тебе Лера рассказала? — выглядываю на Нечаеву. Даже не сомневаюсь, что ее работа.

— Да, я рассказала, как ты покалечилась на ровном месте. А что? — пожимает плечами подруга.

Поспешила я с выводами, что зла на нее не держу.

— Просто это не твоя история, Лер. Не стоило...

— Не моя, зато поучительная. Маша сказала, что решила стать веганкой, а я предупредила, к чему приводят такие жесткие диеты. Привела тебя в пример.

— Зачем тебе диеты, Вета? Ты и так худенькая, — недоумевает Костик.

— Она потому и тощая, что с детства питается одной травой. Из-за этого кости стали хрупкими и зрение упало, — поясняет Нечаева тоном всезнайки.

Я недовольно зыркаю в ее сторону, но подругу это не останавливает. Она пускается в рассуждения о навязанных канонах красоты, из-за которых люди изматывают себя диетами и спортом. Все это не имеет никакого отношения ко мне.

Расстройство пищевого поведения началось у меня примерно через год после гибели папы. Сначала я перестала есть только мясо, потом стало воротить от любых продуктов животного происхождения. Даже йогурты вызывали приступ тошноты. Мой рост увеличивался, а вес стоял на месте. Первой тревогу забила тренер. Она же отвела меня к специалисту, с которым мы выяснили, что проблемы начались, когда мама встретила другого мужчину. Отчим владеет небольшим колбасным цехом и линией полуфабрикатов. Отказываясь от мяса, я пыталась показать маме, что считаю ее новые отношения предательством. Мне потребовалось не одно занятие с психологом, чтобы поменять мнение, но мясо я по-прежнему не ем — заменяю его соей.

— Ограничивать себя вообще вредно! Не только в еде — в принципе! — заключает Нечаева. Тема диет ее отпустила, уступив место пьяной житейской мудрости. — Жить надо легко и весело — не заморачиваться. Просто кайфовать!

— Это верно! Именно так я и живу! — весело отзывается Костя.

— И я хочу жить легко и беззаботно, — признается Маша.

— А ты, Лиза, — неожиданно спрашивает Макс. — Как *ты* хочешь жить?

Его вопрос застаёт меня врасплох. Мысли бестолково мечутся, а все молчат и ждут, как я отвечу.

— Даже не знаю... — начинаю растеряно. — Я привыкла жить мечтой, ставить цели и достигать их. Смыслом всегда были танцы. Как жить без них, еще не поняла.

Мой голос звучит обреченно. В салоне повисает гнетущая тишина.

— Ты больше не мечтаешь танцевать? — разворачивается ко мне Макс.

— У нее нога собрана из кусков, — напоминает Нечаева.

— Люди и без ноги танцуют, — резонно замечает Макс. — Можно поменять цели в рамках мечты и смысл вернется, — произносит спокойно и отворачивается.

Костик делает музыку громче и разговоры прекращаются. Я погружаюсь в осмысливание услышанного, Лерка вскоре засыпает, а Маша включает на телефоне игрушку.

Примерно на полдороги она просит Макса поменяться с ней местами. Приобняв, шепчет на ушко, что от Леры сильно пахнет спиртным, из-за чего ей подташнивает. Наблюдая, как она трогает его плечи и почти касается губами смуглой шеи, я брезгливо кривлюсь. Надо же, какая избирательная невинность: встречаться со взрослым мужиком ей нормально, а от запаха алкоголя воротит бедненькую.

Оставшуюся часть пути мы с Максом сидим рядом. Спящая Лера развалилась, это вынуждает нас тесниться. Мы одеты, но мне все равно некомфортно. Кожа в местах контакта становится сверхчувствительной, восприятие обостряется. Я отчетливо слышу дыхание Макса и пропитываюсь древесным ароматом его туалетной воды. Внутренне напрягаюсь. Этого парня слишком много. И физически, и ментально.

Уже на подъезде к моему дому напряжение прорывается, и по телу прокатывается волна мелкой и колючей дрожи. Кожа покрывается мурашками, волоски приподнимаются.

Макс замечает.

— Ты дрожишь, — накрывает мою ладонь своей.

Я впиваюсь глазами в небольшой самолетик, набитый у него между большим и указательным пальцем. Он милый, а рука у Макса теплая и большая. И это все, о чем я могу думать. В голове вакуум.

— Немного морозит, — вздыхаю. — Отходняк после стресса, наверное.

— Дышишь тяжело, — продолжает вгонять меня в краску.

— Тоже стресс...

— Надо сделать рентген. Костян, ты можешь отвезти нас в приличную клинику? Есть у вас такая? — обращается к другу.

— Конечно! — тут же отзывается Костя. — В прошлом году супербольничку открыли. Маме там операцию делали. Оборудование самое современное и работает круглосуточно. Это тут, рядом.

— Не нужно в больницу, — лепечу затравленно. — Мне надо домой.

— Нет, Лиза, — отрезает Макс, сжимая мои пальцы. — Тебе нужно показаться врачу. Это не займет много времени и так всем будет спокойнее.

— У меня с собой нет документов, — придумываю на ходу.

— Это неважно — встречается Костик. — Со слов запишут. Клиника частная.

— И денег нет, — продолжаю упираться.

— У меня есть, — спокойно говорит Макс.

В ответ я громко выдыхаю, раздувая щеки.

— Это недорого, Лиз. Фамилию Баринов назовете — сделают скидку, — уговаривает Костик.

— Но я не хочу! — возмущаюсь.

— Поздно, мы уже приехали, — усмехается мажор Баринов и тормозит у новенького стеклянного здания.

Из машины выходим только мы с Максом.

— Спасибо, дружище! Машу отвези к тетке. Лады? — просит Максим друга.

— Без проблем. Удачи! — салютует Костик.

БМВ уезжает. Моя сумка остается в багажнике.

Макс берет меня за локоть.

— Не волнуйся, Лиза, я буду рядом...

Если он думает, что этой фразой успокоил меня, то напрасно.

[1] *Намек на песню «18 мне уже» группы «Руки вверх»*

Из клиники я вылетаю пулей. Пять минут назад от мамы пришло сообщение с тремя знаками вопроса. Без слов. На часах половина двенадцатого, возвращаться с пляжа в такое время действительно странно.

Макс размеренной походкой выходит следом, задумчиво хмурится в телефон.

— Как вернуть тебе деньги? На карту устроит? Номер пришлешь? — сыплю вопросами.

— Какой у тебя адрес? — переводит взгляд с экрана на меня. — Я вызываю такси.

Не услышал, о чем я спросила, или намерено проигнорировал — непонятно.

— Мне пешком быстрее. Я рядом живу, — показываю в сторону дома.

В руке папка с результатами КТ и заключением врача. Никакой воды в моих легких нет. Я абсолютно здорова и мне нужно как можно быстрее попасть домой. Не хочется накануне дня рождения поссориться с мамой еще больше.

— Я тебя провожу.

Макс не спрашивает и не предлагает, ровным голосом озвучивает свое решение. Его уверенность раздражает. Только что она стоила мне приличную сумму, обещанного Костей «недорого» не получилось даже со скидкой.

— Проводить меня не стоит, — выдавливаю улыбку. — Так куда перевести деньги?

Я намерена вернуть ему все до копейки.

До сегодняшнего дня мне выплачивали пенсию по утере кормильца, она накапливалась на сберегательном счете. Уже завтра я могу пользоваться этими деньгами по своему усмотрению, маме можно не отчитываться.

— Не нужно ничего переводить. Идем. Доведу тебя до дома.

Макс берет меня за локоть и ведет вниз по ступеням.

Вот индюк упертый! Но и у меня характер имеется.

— Извини, но так не пойдет, — останавливаю и высвобождаю руку. — Я и так в долгу перед тобой за спасение, а теперь еще эти деньги.

— Это не деньги, Лиза, — снисходительно усмехается. — Так, мелочь...

— Много зарабатываешь?

— Достаточно. Скоро буду значительно больше.

В голосе бесячая уверенность, на лице маска важности и значимости.

— А-а, — тяну и киваю, — Ну раз ты богатый и это для тебя не деньги, переведу их приюту для животных. Пока!

Разворачиваюсь и наискосок сбегая со ступеней. Макс спускается следом. Он не собирается менять решение проводить меня.

— Без проблем, — говорит, поравнявшись. — Могу докинуть от себя, если доверяешь людям, работающим в этом приюте.

— Я одна из них. Волонтеру там. Сейчас идет подготовка к зиме. Мы утепляем старые вольеры и строим несколько новых. Денег, как обычно, не хватает, — рассказываю на ходу.

Мы идем рядом, держим дистанцию в метр, широкий тротуар позволяет. Людей на улице почти нет. День будний, время уже позднее, да и душно очень. В августе раскаленный бетон в центре города не остывает даже по ночам.

— И давно ты этим занимаешься?

— С начала лета. Хожу раз в неделю, помогаю с выгулом и гигиеной. Научилась стричь

когти! — хвастаюсь.

— Любишь животных?

— Разве можно их не любить? — пожимаю плечами.

— Мясо поэтому не ешь?

— Нет. Не знаю. Может быть, — путаюсь. — Наверное...

Предчувствуя дальнейшие неудобные вопросы, обманываю. Не к чему этому парню знать о моих психологических проблемах. Их немало. Я и в приют хожу по рекомендации психолога, волонтерство помогает чувствовать себя нужной.

— А ты кем работаешь?

Только задав этот вопрос, я понимаю, что не знаю о Максиме ничего, кроме возраста, к которому прицепилась с самого начала. Мне даже фамилия его неизвестна.

— У меня блокчейн-стартап. Занимаюсь майнингом крипты, — выдает вышагивающий рядом Макс.

— Прости, ты сейчас на каком языке разговаривал? — пытаюсь пошутить. — Я ни слова не поняла.

— Знаешь, что такое криптовалюта?

— Биткоин? — произношу единственное знакомое слово из этой области.

— Это одна из монет. Я добываю несколько, с битком сейчас не работаю, — поясняет.

— Добываешь? Это как?

— Произвожу.

— Ого! Разве это законно?

— Здесь — нет, в Австралии — абсолютно.

Темп мы не сбавляем. Идем быстро, разговариваем громко.

— А ты работаешь в Австралии?

— И работаю, и живу почти полжизни...

Я резко останавливаюсь.

— В Австралии? Не в Австрии? — уточняю, выкатив глаза. — В той, которая за экватором? — рукой рисую в воздухе большой полукруг. — Где живут коалы и утконосы?

Макс тоже останавливается.

— Ты не назвала кенгуру?! — смеется.

Вау. Он таки умеет смеяться.

— Обалдеть! — взмахиваю руками. — Австралиец, значит. Так вот, что с тобой не так...

— А что со мной не так? — уточняет озадаченно.

— Ну-у, — тяну, подбирая слова. — Ты о-очень необычный, Макс...

Несколько минут мы идем молча. Я перевариваю информацию. Она многое объясняет. Максим разительно отличается от местных парней. Поведением, манерой говорить, стилем в одежде... Да всем! Я думала, выпендривается, а он просто с другого края света и реально другой.

— ...Ты меня удивил, — признаюсь. — Я решила, что у вас с Костей общий бизнес. Подумала, что ты приехал из Питера, или из Москвы, потому что на крымского совсем не похож. Но потом Лера сказала, что вы с Бариновым учились вместе, и я совсем запуталась!

Под впечатлением болтаю без умолку, не утаивая того факта, что думала о нем. Макс тоже открывается и рассказывает, что вырос в Крыму и совсем не хотел уезжать, но пришлось. Делится воспоминаниями, как привыкал к другому климату и странному вкусу

еды. Признается, что довольно долго в Австралии все казалось чужим, но теперь он считает эту страну родной.

— Ты хорошо говоришь по-русски, не забыл язык, — замечаю, дослушав его рассказ.

— Русский остался родным, а английским им стал. Я билингв.

— Везет! Я три года занималась с репетитором английским и все равно говорю плохо.

Нет способности к иностранным языкам, — развожу руками.

Мы стоим на переходе. Впереди виднеется мой дом.

— Дело не в способностях. У тебя нужды не было. Появится — за полгода заговоришь!

— Теперь английский мне ни к чему, — вздыхаю. — Закончились мои путешествия, впереди четыре года учебы на экономическом.

Макс приподнимает брови:

— Нравится математика?

Поморщив нос, мотаю головой:

— Просто прошла по баллам. Мама настояла, чтобы шла учиться хоть куда-то.

Светофор мигает, я начинаю идти...

Гул нарастает настолько стремительно, что невозможно понять, с какой стороны. Он словно сверху обрушивается. Максим успевает схватить меня за локоть и дернуть назад. В следующий миг на бешеной скорости мимо проносится автомобиль. Кажется, красный.

— Ты что творишь, Лиза?! Куда, мать твою, идешь? — орет мой провожатый, развернув меня к себе и тряхнув.

Мое тело, как ватное, в глазах пелена.

— Я его не видела, — шепчу испугано.

Сцепив зубы, Макс выдает несколько ругательств и качает головой:

— Такое чувство, что тебе жить надоело!

— У меня близорукость, в темноте без очков совсем плохо вижу, — моргаю и чувствую, как по щекам текут слезы.

— Плакать не надо, — говорит Максим спокойнее и обнимает меня. — Сегодня просто не твой день.

Рвано выдохнув, обнимаю его в ответ. Он снова спас меня и утешает. Второй раз за этот треклятый день.

Когда успокаиваюсь, Макс берет меня за руку и держит крепко, как родитель свое неразумное чадо. Дождавшись следующего зеленого, мы переходим дорогу.

Через двор идем, держась за руки. Молчим. Мне неловко. Идти рядом и просто болтать было нормально, а вот так — смущаюсь. И мама из окна может увидеть, придется как-то объяснить.

У игровой площадки в центре двора останавливаюсь.

— Дальше я сама. Спасибо, что проводил, — пытаюсь выдернуть руку, но она как в тисках. — Пусти, — смотрю исподлобья. — У меня есть парень и вообще...

На полуслове замолкаю. Зря я это ляпнула, да еще и так нервно.

Макс ведет по мне внимательным взглядом. На его лице не дергается ни один мускул, даже самый микроскопический.

— И...? — заглядывает в глаза. — Где он? Почему вы не вместе?

— Он сейчас на турнире в Штутгарте. Раньше мы танцевали в паре, теперь он танцует с другой партнершей, — говорю и чувствую, как опускаются плечи. Достаточно произнести это вслух, чтобы накрыло безнадегой.

— И ты об этом думаешь весь день? — догадывается Макс. — Тебя это расстраивает?

— Не то слово! Я в глубокой эмоциональной яме, — вздыхаю.

Поражаясь собственной откровенности, рассказываю австралийцу, что в прошлом году наша пара заняла на чемпионате в Германии второе место, а в этом должна была победить. Признаюсь, как горько от мысли, что Чемпионкой Европы мне уже не стать никогда.

Дослушав, Макс отпускает мою руку:

— Тебе, Лиза, нужно принять тот факт, что только по возрастающей в жизни не бывает. Такой график — утопия. После любого падения, в прямом или переносном смысле, происходит подъем. Чувствуешь себя на дне? Значит, пришло время оттолкнуться от него и начать движение вверх.

— В моем случае такая философия не работает, — возражаю. — После падения в прямом смысле, подъем в переносном уже невозможен. Я сломала не ногу, а свое будущее в танцах. Убила карьеру, которой жила.

— Ты заиклена на прошлых достижениях, поэтому не видишь других возможностей. А поднять способны только они, — заявляет Макс.

— Думаешь, это так просто — заняться чем-то другим? Я с трех лет жила танцами. Сначала балет, хореография. В восемь пришла в бальные и через два года начала тренироваться профессионально и ездить на турниры. Я только и умею, что танцевать.

— Ты сказала, что прошла по баллам в университет.

— Прошла, не совсем тупая. Вот только учиться на экономиста не хочу. У меня по-прежнему одна мечта — танцевать.

— И что тебе мешает?

— Ох, — тяжело вздыхаю, думая, как объяснить. — Я потеряла время и партнера. В парном спорте это самое важное и драгоценное. Танцевать я могу. Дома перед зеркалом, например, или гоу-гоу клубе. Но хочу-то, как раньше.

— Ты себя обманываешь, — качает головой Макс. — Хотеть что-либо *как раньше* — неестественно. Это уже было и осталось в прошлом. Ты точно хочешь иначе, но не знаешь как. Когда поймешь — появится цель и начнется подъем.

Я задумываюсь и запутываюсь. Макс излагает свои мысли непонятным мне образом. Он и мыслит иначе.

— А у тебя самого какая мечта? Поделишься?

— У меня все просто. Я хочу прожить счастливую и достойную жизнь, оставив след в истории. В ближайших планах построить инновационную ферму и заработать больше денег.

— Ты хочешь заняться сельским хозяйством?!

Я несколько ошарашена, на колхозника он совсем не похож.

— Нет, конечно! — усмехается. — Речь о майнинг ферме. Я хочу построить крупнейший в Австралии дата-центр с оборудованием, работающим от солнечной энергии, веду переговоры с инвесторами.

— Эта ферма сделает тебя миллионером? — в моем голосе недоверие.

— Без сомнений. За год она принесет больше сотни лямов.

— Сто миллионов долларов? — уточняю и, получив утвердительный кивок, выкатываю глаза. — Зачем тебе столько денег?

Мысленно пытаюсь посчитать, сколько в этой цифре полей, но у меня никак не получается. Зря я послушала маму и подала документы на экономический.

— Денег много не бывает, — улыбается Макс.

— Эти деньги принесут тебе счастье или помогут оставить след в истории? Он морщит лоб и трет его указательным пальцем. Настала его очередь задуматься.

— Сами по себе деньги счастья не принесут, тут ты права. У меня есть несколько идей, как стать полезным человечеству. Но этих миллионов для их реализации не хватит. Нужно значительно больше, — задумчиво кивает сам себе.

— Ничего себе! — восклицаю. — Это что ж за идеи такие?

Мне нравится наше общение. Мы словно с разных планет, но тем интереснее. Хочется продолжить разговор, но тут у Макса звонит телефон.

— Извини, Лиз, мне нужно ответить. Это по работе...

Глава 8

Максим отходит в сторону и принимает звонок. Разговаривает он громко и эмоционально. Присев на детскую качель, я слушаю беглую английскую речь и отмечаю, что по-русски он говорит другим голосом и в другом темпе. Сейчас тараторит. Я понимаю только отдельные слова, общего смысла не улавливаю. Чувствую себя тупой неудачницей.

Достаю телефон и пишу маме, что скоро буду. Она не читает. Принципиально или уснула, не дождавшись меня — можно только гадать. Красовский мои сообщения тоже не прочел, но этот точно спит. Он перед конкурсным днем всегда ложится рано. Я успела выучить его привычки, а он мои. Мы с Ильей как родные.

Вышагивая туда-сюда по площадке, Макс поглядывает на меня. Его разговор затягивается. На часах без пяти двенадцать. Махнув рукой, даю понять, что подожду, пока закончит. Не хочу встречать совершеннолетие под недовольный мамин взгляд, уж лучше тут, с этим необычным австралийцем.

Пока жду, от нечего делать просматриваю сториз. Почти все они из Штутгарта. В моих соцсетях мало людей, не связанных с танцами, большинство из них поехали на чемпионат и постят оттуда контент. В основном, это видео выступлений, но и есть и частные. Дарина, подруга нынешней партнерши Красовского, выкладывает фрагменты сегодняшней тусовки в честь открытия. В ее сториз сплошь знакомые лица. Улыбчивые, счастливые...

На душе скребут кошки. Мое место среди этих людей. Я должна быть там, а не подглядывать за ними через соцсети, сидя на детской качели, чувствуя себя ничтожной и неполноценной. Почему жизнь такая несправедливая?

Обида растекается за ребрами неприятным жжением. Я опускаю палец на экран, чтобы смахнуть раздражающие кадры. Через несколько минут у меня день рождения и пора бы прекратить издеваться над собой! Подушечка вжимается в стекло, останавливая сториз на моменте, когда в кадре появляется Ульяна. Поднимаю палец и наблюдаю, как к ней подходит Илья. Не спит, значит, тусит со всеми. Телефон у него в руках, а мои сообщения по-прежнему без ответа. Мерзкое предчувствие предательства атакует в очередной раз.

Опустив палец, стопорю видео и разглядываю. Высокий блондин и яркая брюнетка... Внешне совершенно разные, смотрятся контрастно и интересно. В следующий миг земля подо мной вздрагивает.

Они просто чмокаются в губки, как принято у танцевальных пар после удачного выхода, может немного дольше, чем следует, но дело не в этом. И даже не в том, что сейчас они не в зале, а на вечеринке в баре. Лицо Ильи во время этого короткого поцелуя поразительно меняется. Он смотрит на Ульяну с восхищением и такой нежностью, какой я в его глазах не видела давно.

Вернув в начало, просматриваю эту сториз еще раз. И еще. Не хочу верить, но глаза не врут. Видят, как в тумане, но не врут. И предчувствие меня не обмануло: у Красовского роман с новой партнершей.

Эта новость толкает в пропасть отчаяния. В висках стучит, дышать трудно, а в голове истерика из вопросов.

Как давно? Только началось или скрывали? Тренера уже в курсе? Почему мне никто не сказал? Почему сам Илья не объяснился до отъезда? За что он так со мной?

И ответ у меня есть. Это уродский шрам на лодыжке. Я смотрю на него с выжигающей

ненавистью. Одно падение — и жизнь разрушена. Ну почему? Почему это случилось именно со мной?!

— С днем рождения, Лиза, — звучит словно издалека.

Я медленно поднимаю глаза. Макс стоит напротив и показывает экран телефона. На нем три ноля и единица. Это значит, что теперь у меня есть право голосовать, пить алкоголь и делать другие взрослые глупости. Радости по этому поводу я не испытываю.

— Восемнадцать — только начало! Не позволяй себе сдаваться, иди вперед и верь в себя! Все у тебя получится! — произносит мой сегодняшний герой с улыбкой.

Я встаю и решительно подхожу. Макс перестает улыбаться. Приподнявшись на носочки, я резко подаюсь вперед:

— Спасибо, — выдыхаю и целую его в губы.

На поцелуй Максим не отвечает. Его губы сухие и твердые, и я пытаюсь их оживить. Облизываю сначала верхнюю, затем нижнюю... Мне важно сейчас целоваться! Страстно и сладко, до головокружения, до забывтья...

— Лиза? Ты что делаешь?

Низкий шепот действует подобно электрошокеру. Вздвогнув всем телом, я отпрыгиваю назад и хватаюсь за щеки. Они вспыхивают, словно мне в лицо плеснули кипятком.

— Не знаю, — истерично мотаю головой.

— Все нормально? — заглядывает в глаза.

— Да... Я просто... Не понимаю, как это вышло. Прости, пожалуйста, — извиняюсь суетливо трогая шею и плечи.

Мы стоим в метре друг от друга. На его лице ноль эмоций, меня же от них на части рвет. Я в замешательстве. Не могу понять своего поступка. Зачем я полезла к нему целоваться? У него же есть девушка, да и я по факту еще в отношениях.

Сделав глубокий вдох, расправляю плечи. Зрелая, эмоционально стабильная личность умеет признавать свои ошибки и готова нести ответственность за поступки. Этой личностью я стремлюсь стать.

— Извини, Макс! Я повела себя необдуманно, — произношу с достоинством. — Зашла в соцсети и сильно расстроилась, а дальше... дальше как во сне. Затмение. У меня непростой период, надеюсь, ты понимаешь, — признаюсь, силась не отводить глаза. — Спасибо за поздравление! За то, что спас меня и проводил. Давай забудем это недоразумение и попробуем стать друзьями. Мне бы этого хотелось.

Макс обводит мое лицо медленным взглядом, задерживает его на губах:

— Считаешь свое желание целоваться со мной недоразумением?

— Не уверена, что действительно хотела этого, — признаюсь смущенно.

— Выглядела ты уверенной. И настойчивой, — уголки его губ ползут вверх.

От стыда мне хочется испариться, но я тяну шею вверх и одариваю его ответной улыбкой:

— Извини, такого не повторится. Друзья? — протягиваю руку.

Макс приподнимает брови и, помешкав несколько секунд, берет мою ладонь:

— Окей. Только не проси называть тебя Веткой. Мне нравится вариант *Ли-за*, — произносит протяжно.

— А мне не очень. В начальной школе меня дразнили Лизой-подлизой.

— Это еще что! Вот меня одна вредная одноклассница называла Макс-тампакс.

— Как-как? Тампакс? — прыскаю смехом. — Это очень оригинально!

Макс тоже смеется, и лицо его преображается. Я на него смотрю и чувствую в груди тревожный трепет. Есть в этом парне что-то, на что мой организм реагирует неправильно.

У порога моего подъезда Макс останавливается:

— До квартиры без приключений дойдешь? Какой у тебя этаж?

— Последний. Надеюсь, лифт не застрянет, — усмехаюсь, поднимаясь на ступеньку.

— Давай-ка на всякий пожарный обменяемся телефонами, — говорит вполне серьезно, шагая следом. — Говори свой.

Привалившись плечом к прохладной двери, называю цифры. Макс делает дозвон и на моем экране высвечивается иностранный номер.

— Фамилию свою скажешь?

— Доронин.

— А я Бережная, — напоминаю, отмечая про себя, что его красивая фамилия ему очень идет.

— Я запомнил, — улыбается Макс.

Набрав код подъезда, я тяну на себя тяжелую дверь, и он помогает открыть.

— Еще раз спасибо тебе за все!

— Еще раз с Днем рождения!

Говорим мы одновременно, смеемся и порывисто обнимаемся на прощанье.

Стены и скатерти в ресторане белоснежные, стулья и посуда — ярко-синие. Сочетание цветов ассоциируется с морем, но заведение называется «Седьмое небо». Панорамного вида нет, зато официантки в форме стюардесс и у блюд забавные названия, связанные с авиацией.

— Цены тут заоблачные, названию ресторана соответствуют, — комментирует отчим, изучая меню. — Но сегодняшней повод того стоит, — добавляет, встретившись глазами с мамой.

Место для семейного ужина выбрала она. Я была согласна праздновать дома.

— Пролетело твое детство, Веточка. Кажется, только вчера ты делала первые шаги, а уже уходишь во взрослую жизнь. Пусть она будет благополучной! — произносит торжественно мама, поднимая бокал. — Мы со Славой решили подарить тебе путешествие. Выбери, куда хочешь поехать — все оплатим!

Во время нашей последней ссоры я в сердцах выпалила, что не хочу стать такой ограниченной, как она. Что мечтаю посмотреть мир, побывать в разных странах, а не радоваться возможности отдохнуть в бархатный сезон в Симеизе. Мама никогда не выезжала за границу и не хочет, ей неинтересно. Я же, благодаря танцам, побывала в некоторых городах Европы и эти поездки — лучшее, что случилось со мной в жизни.

— Обязательно оплатим, — поддакивает отчим, чокаясь о наши тонкие бокалы с шампанским своим пузатым с коньяком. — Только выбирай с умом. В Париже, я слышал, грязно, в Барселоне — опасно, ну а Амстердам — это почти что Садом и Гоморра! Для юной девушки — не лучшие места. Может, посмотришь Питер? Культурная столица как-никак...

— Я там была раз десять, — закатываю глаза.

— Ты ездила на соревнования, это совсем другое, — пригубив шампанское, вступает мама. — Эрмитаж не посетила ни разу...

— Ты тоже там не была, — огрызаюсь, но с улыбкой. — Не бойся, Слава Лексееч, — поворачиваюсь к отчиму. — Париж и Амстердам меня не развратят. Если денег жалко — так и скажи. Я понятливая.

— Вета, ты как разговариваешь? Что тебе опять не так? — шикает мать.

В ее взгляде досада. Пока я ездила по турнирам и брала титул за титулом, она мной гордилась и всем вокруг хвасталась, а теперь я разочаровываю ее. С каждым днем все больше.

— Вы предложили мне самой выбрать и тут же попытались ограничить выбор Питером. Я туда не хочу, — поясню.

Я стараюсь сохранять спокойствие, но внутри все бурлит и по моему тону это заметно.

— Уже не знаю, как тебе угодить! — театрально вздыхает мама. — Общение с Лерой Нечаевой плохо на тебя влияет. Ты стала грубой и неуправляемой.

— Я стала взрослой, мам. И ты сама хотела, чтобы я общалась с Лерой, — напоминаю.

С Нечаевыми мы раньше жили на одной улице. Наши с Леркой папы работали в смежных ведомствах, а мамы по-соседски дружили.

— Я не знала, что эта девочка покатила по наклонной. Мне на днях про нее тако-о-е рассказали...

Мама округляет глаза и многозначительно качает головой, а я начинаю злиться.

— Что ее из ночных клубов привозят мужики на дорогих машинах? И что в этом тако-о-

ого? — передразниваю и залпом допиваю шампанское. — Вчера мы приехали с пляжа с такими парнями. Нормальные они! Не бухают и наркоту не принимают, к девушкам относятся уважительно, а не как гопота с района... Что ужасного в том, что они старше и у них есть деньги?

Мама закрывает лицо руками и снова качает головой:

— Боже мой, Вета... Ты убиваешь меня такими рассуждениями. Думаешь, они просто так хорошие? За спасибо? Какая ты еще наивная!

Шампанское ударяет в голову и мне хочется поспорить. Так и подмывает рассказать, как один из этих «коварных» мужиков вчера спас мне жизнь, а потом оплатил обследование в частном медицинском центре и ничего не попросил взамен. Даже целоваться со мной не захотел, о чем я жалею, если честно. Но ничего подобного я маме не скажу. И не стану убеждать, что доставленный утром букет нежно-розовых роз был от Ильи.

Поначалу я тоже думала, что цветы от Красовского, но к букету прилагалась карточка с фразой «Не предавай мечту». Этого было достаточно, чтобы сообразить, кто настоящий отправитель. А то, что курьер поначалу позвонил в соседскую дверь, лишь подтвердило догадку. Илье прекрасно известен мой адрес, а вот Максим Доронин знает только подъезд и этаж.

Всю ночь я думала о его словах. До утра не сомкнула глаз, вспоминая красивый низкий голос и пронзительный синий взгляд. Раз сто перевернулась с боку на бок, чтобы снова уловить древесный аромат его парфюма на своей коже. Уснула под утро в полнейшем раздразе, проснулась от дрогнувшего за ребрами нового чувства. Мне не стоит влюбляться в Макса, мы слишком разные и друг другу неподходящие, но этот парень не оставляет мне шанса.

— Не ссорьтесь, девочки, — включает миротворца отчим. — Такой прекрасный день!

Мамин Славик всегда относился ко мне хорошо. Не лез с нравоучениями и не пытался воспитывать, зато исправно финансировал мои танцы. Без его помощи маме пришлось бы туго. Работа тренера, костюмы и специальная обувь, поездки на чемпионаты и взносы — все это выливалось в приличные суммы. Отчим платил, и я ему за это благодарна, но он чужой для меня человек и вряд ли это когда-то изменится.

— День действительно был прекрасным, — соглашается мама, бросив на меня укоризненный взгляд.

— Давай уже расскажем, Света, — предлагает Слава, беря ее за руку. — Пора.

Она смотрит на него, потом на меня и снова не него.

— Скажи ты, — просит. Вид у нее растерянный.

— Елизавета! — решительно обращается отчим ко мне. — У нас есть потрясающая новость. Примерно через полгода у тебя появится братик или сестричка! Пол станет известен уже через неделю!

Его радостная улыбка в нашей компании выглядит сиротливо. Я сижу с вытянутым лицом и заторможенно моргаю, не понимая, что должна сказать. Мама ждет моей реакции, затаив дыхание.

— Ты рада? — интересуется она осторожно.

— Удивлена. Я слышала, как ты рассказывала бабушке, что забеременеть не получается и ты настроилась ждать внуков.

— Мы сделали ЭКО три месяца назад. И с первого раза получилось.

— Почему раньше не сказала? Тебе нельзя волноваться, а мы эти три месяца только и

делали, что ссорились. Если бы я знала, постаралась вести себя не так эгоистично.

— Веточка, доченька... Какая ты у меня хорошая, самая лучшая, — выдыхает мама дрогнувшим голосом.

Ее глаза наполняются слезами, мои тоже. До меня окончательно доходит смысл новости.

— Уже не самая, но я снова ей стану, — обещаю, растирая слезы тыльной стороной ладони.

Мама плачет открыто. При этом лицо ее светится счастьем, а мне вдруг становится страшно. Мы не всегда ладили и часто ссорились по мелочам, но я всегда была для нее особенной — единственной. Теперь будет иначе и я не понимаю как. Подлая тревога кормится этим непониманием. Я никогда не мечтала о сестре или брате.

— Хоть бы родился мальчик, а то живу в бабьем царстве и сам скоро стану плаксой, — смахивает скупую мужскую слезу Слава.

Глянув на него, мама смеется. Тихонько и несмело, словно еще не веря, что я с пониманием приняла грядущие перемены.

— Можешь выпить мое шампанское, — пододвигает мне свой бокал. — Тебе уже можно, а мне теперь не рекомендуется.

Обхватив пальцами тонкую ножку, поднимаю бокал и произношу невнятный тост за потрясающую новость.

Довольный Слава придвигает свой стул к маминому и опускает руку на ее живот. Я смотрю на эту картину и чувствую себя лишней. Их и без меня уже трое, и они семья. Долгожданный малыш будет похож на них обоих, а у меня глаза и характер моего папы.

Никому я теперь не нужна. Тренерам до меня больше нет дела, друзьям из танцевального клуба со мной неинтересно, Илья и вовсе влюбился в другую...

Остановить нагнетающие мысли не получается, уровень тревоги в считанные минуты достигает критического. Наспех выпитый второй бокал шампанского лишь усугубляет ситуацию. Пульс ускоряется, картинка плывет... В дорогом ресторане с приветливыми официантами играет приятная музыка и пахнет праздником, а мне так страшно, словно я стою на кладбище у свежевырытой могилы и знаю, что она для меня.

Ужас прокатывается морозом по спине и сжимает ребра. Я хватаю ртом воздух, но его катастрофически не хватает. Усидеть на месте в таком состоянии невозможно. Схватив сумку, вскакиваю и бегу в туалет.

Паническая атака — штука неприятная, но не смертельная. Где-то читала, что подобное состояние хоть раз в жизни испытывал каждый второй человек на планете. Мои приступы начались девять месяцев назад, вскоре после операции. Случаются несколько раз в неделю, иногда чаще. Психотерапевт, с которым я занималась, не помогла мне полностью от них избавиться, но научила блокирующим техникам. Я могу выйти из дома без ключей или забыть очки, но в моей сумочке всегда есть пустой целлофановый пакет, в который я дышу, когда паникую. Мне помогает.

Спустя пять минут, я складываю пакет обратно в сумку и выхожу из кабинки туалета. От недостатка кислорода лицо бледное и под глазами круги, но в теле приятная расслабленность, а в голове легкость и тишина.

На экране висят пять сообщений от Леры. Она разругалась с родителями и приглашает вместе потусить в самом неоднозначном клубе города с громким названием «Рай».

Подумав, печатаю, что скоро приеду. Мне так душно в своем собственном аду, что

немного рая не помешает.

На мигающем танцполе только девушки. Большинство из них пришли сюда, чтобы найти пару. На одну ночь или на всю жизнь — как повезет. Каждая старается выгодно себя подать, демонстрируя под музыку тело. К танцу в его глубинном понимании происходящее не имеет отношения. Кому, как не мне, это знать. Дергаясь в толпе, я стараюсь не выделяться.

— Ты чего как робот, Ветусь? — смеется Лерка, извиваясь рядом и задевая меня откровенным декольте. — Давай уже показывай свои таланты, а то за столик нас никто не пригласит, так и будем тут топтаться.

В леопардовом платье и босоножках на высокой танкетке Лера — звезда танцпола. На ее фоне я — бледная моль. Приехала прямо из ресторана в хлопковом белом сарафане до колен и серебристых сандалиях на плоской подошве. Из макияжа на лице несколько взмахов туши, сделанных еще дома, и остатки алой помады Нечаевой, которая смотрелась на мне слишком яркой, но стереть ее оказалось не так просто, как нанести.

— Мне тут не нравится. И за столик к кому-то я не хочу, — кривлюсь, но движения смягчаю.

Нечаева меня не слышит, откровенно строит глазки двум парням у барной стойки. Они рассматривают нас, словно мы товар на базарном прилавке и это очень неприятно. Зачем я сюда приехала? Ночная жизнь — это точно не мое, проверено не раз.

Достаю из сумочки телефон. Хочется уйти прямо сейчас, но только половина одиннадцатого, а я пообещала Лере продержаться до полуночи. На экране светится уведомление о пропущенном от Вероники. Этого звонка я ждала весь день. Предупредила Леру, направляюсь к туалетам, чтобы перезвонить любимому преподавателю.

За свою танцевальную жизнь я сменила несколько тренеров. Каждый из них научил чему-то важному и ценному, но Вероника стала для меня больше, чем наставником. Благодаря ей я по-настоящему полюбила то, чем занималась, поняла, что значит быть на паркете не только телом, но и душой — наслаждаться танцем, жить в нем.

Они с мужем Владом тренировали Илью в другом клубе. На одном из республиканских чемпионатов заметили меня и переманили к себе. Мне было пятнадцать: нежный возраст, хрупкая психика. Незадолго до этого погиб папа.

В тот период я тренировалась с особым усердием. Приходила в зал раньше и домой после занятий не спешила. С мамой уже начался разлад. Я чувствовала себя одинокой и отчаянно нуждалась в близком человеке, которым стала Ника. Она всегда была в зале, мы проводили вместе много времени, часто откровенничали. Рядом с ней я повзрослела и стала чемпионкой страны. На ее руках ехала в машине скорой помощи, когда сломала ногу.

Вероника и Влад продолжают тренировать Илью, теперь уже с Ульяной. Со мной любимая тренер общается все реже, что закономерно, но тяжело принять.

— С днем рождения, Веточка! Будь счастлива, красоточка моя! Ты замечательная девочка! Умная, талантливая, чувственная... У тебя будет волшебная жизнь! Запомни это! — щебечет в трубку Ника.

Ей тридцать два, но голос моложавый и манера общения легкая и непринужденная, как у двадцатилетней девушки. Она и выглядит молодо. Мама всего на шесть лет старше, а кажется, между ними целая жизнь.

— Спасибо, Ника! Я запомню, — обещаю, закрываясь от грохочущих басов в кабинке туалета. — Что там у вас? Победа?

Я по привычке скрещиваю пальцы и задерживаю дыхание. Всегда так делала в во время оглашения итогов голосования.

— Снова вторые, — вздыхает Ника. — Результат хороший, но ты же знаешь — ожидали другой. Технически ребята отработали превосходно, а вот сценически у пары не все идеально. Уля забивает Илью своей экспрессией, он теряется и выглядит на ее фоне невнятно. Будем думать, что с этим делать. Через месяц Англия, там будут сильные соперники...

— Ника, я хотела спросить, — перебиваю взволнованно. — Ты не замечала, что у Ильи с Ульяной что-то есть? Я имею в виду не партнерские отношения.

На несколько секунд на другом конце становится тихо.

— Веточка, — вздыхает Вероника. — Я за ними не слежу. Они давно взрослые.

— Но ты всегда рядом и все видишь. Просто Илья отдалился, мы стали реже встречаться и у меня возникли подозрения...

Я не хочу рассказывать ей о вчерашней сториз. Стыдно признаться, что втихаря подсматриваю за чужой жизнью.

— Мне нечего сказать, моя хорошая. Думаю, тебе лучше поговорить с Ильей.

— Ты права, я поговорю с ним, — говорю тренеру и обещаю себе. — Спасибо, что позвонила!

— Давай там, не вешай нос! Если хочешь, пришлю тебе видео выступления и потом обсудим. Или не нужно? — уточняет настороженно.

— Присылай, конечно! Мне интересно посмотреть, — спешу заверить. — Мы же однажды станем коллегами. Я не брошу танцы, Ника! — выдаю на эмоциях. — Никогда!

— И правильно! Ты, Елизавета, из тех редких девочек, для которых танцевать — равно жить. Ты у меня такая единственная! Звездочка моя неповторимая! — тоже на эмоциях выдает Ника. — Вылечи ножку и будем работать. Ты еще такая юная, у тебя все впереди!

— Я лечусь. С понедельника начинаю очередной курс физиотерапии. Уже почти не хромаю! — делюсь радостно.

— Умница! Вернусь — увидимся. Забегай в зал. Хочу показать тебе новеньких ребят. Брат и сестра. Напоминают вас с Ильей в самом начале...

Нас с Красовским часто принимали за брата с сестрой. В бальных танцах такие пары не редкость, а мы правда похожи внешне. Оба блондинистые, белокожие и тонкокостные. Только глаза у него карие, а у меня серые.

По правде говоря, у нас и отношения были больше родственные, чем любовные. Какого-то сумасшедшего притяжения не возникло, поэтому и до секса не дошло, наверное.

Теперь я понимаю, что встречаться мы начали от безысходности. Постоянно же были рядом: и тренировались, и отдыхали вместе — на контакты со сверстниками не хватало ни сил, ни времени. Спустя год практически ежедневных тренировок и дружеского общения Илья сказал, что я нравлюсь ему «как девушка» и впервые поцеловал. Я влюбилась, конечно.

На паркете чувства партнеров бесценны, они придают танцу особый шарм. Легкая романтика помогла нам с Красовским в карьере, но как только мы перестали танцевать, он нее и следа не осталось. Наши отношения закончились вместе с тренировками. Я не сразу это поняла. После травмы только и делала, что цеплялась за прошлое. Панически боялась отпустить старые привязанности, надеясь с их помощью вернуть однажды прежнюю жизнь.

Мне потребовался почти год и одно необычное знакомство, чтобы осознать, что в прошлое я больше не хочу.

Выйдя из кабинки, поправляю волосы. После сушки специальной насадкой они красиво лежат. Леркина ядовитая помада почти съелась, белое платье сидит точно по фигуре. На клубную диву я не тяну, но выгляжу хорошо. Мне сегодня восемнадцать, все впереди!

Подмигнув своему отражению в зеркале, возвращаюсь в зал. Извивающихся на танцполе тел прибавилось. Пробравшись через толпу, занимаю место в центре. Вскидываю руки, прикрываю глаза и начинаю двигаться. Я редко танцую одна, но Лера куда-то пропала, а мне нравится песня и душа требует. После разговора с Никой чувствуется эмоциональный подъем.

Несколько секунд — и я полностью погружаюсь в мир музыки и движения. Ловлю каждую ноту и пропускаю через себя. Ритм становится партнером и ведет за собой. Я выключаю мысли и растворяюсь в танце. Вокруг полно народу и на меня смотрят, но это нисколько не волнует. Сейчас я свободна от оценок и чужого мнения. Я наедине с собой и мне хорошо. Чудесно! Какое-то невероятное чувство освобождения и полета захватывает и уносит в другую реальность. Мир словно исчезает и это не пугает. Напротив, я чувствую себя смелой и уверенной, как никогда.

Роман Ильи с новой партнершей больше не кажется трагедией. Мне все равно, что у них там происходит. И в личном плане, и в профессиональном. Больше не интересует! Максим Доронин оказался прав: я достигла в своем падении дна и оттолкнулась.

Песня заканчивается, ее сменяет другая, которая не так нравится, но я продолжаю танцевать. Не хочу останавливаться. Не могу! Снова прикрываю глаза и сама себе улыбаюсь — как хорошо...

— Обалденно двигаешься! — врывается в мой мир незнакомый голос.

Лицо обдает чужое дыхание, в нос ударяет запах крепкого алкоголя. Это вынуждает остановиться и открыть глаза. Парень стоит совсем близко. В руках у него бокал со льдом и коричневой жидкостью.

— Спасибо, — сухо благодарю и ищу глазами Леру.

— Не меня потеряла?

— Не тебя, — буркаю и отворачиваюсь.

Приставала берет за локоть, я тут же дергаюсь в сторону. Ненавижу, когда мое пространство нарушают так беспардонно.

— Ты чего такая дикая? С Лерой сюда пришла?

— Знаешь, где она?

— На втором этаже, с моим другом, — дергает подбородком в темноту. — А я спустился за тобой. Засмотрелся, как танцуешь. Идем, пообщаемся! Ты Елизавета, правильно? Меня зовут Артур.

Присмотревшись, узнаю в этом парне одного из тех, что стояли у стойки. Они оба с бородками и мне не понравились.

— Поищи себе другую компанию. Я скоро уеду, — выдавливаю из себя короткую улыбку.

— Понимаю. Тоже не выдерживаю тут долго, — упорно продолжает разговор. — Шумно, грязно, душно... Есть места получше. Можем уехать вместе.

Его взгляд скользит по мне почти ощутимо. Я чувствую его липкий след на шее и плечах, остальное прикрыто тканью платья.

— Боюсь, ты не за ту меня принимаешь. Я не знакомлюсь в клубах для того, чтобы уехать на ночь, — говорю серьезно. — Я приехала ненадолго, чтобы отпраздновать день рождения с подругой, и уже собираюсь домой.

— У тебя сегодня день рождения? Вот это да! Шестнадцать небось исполнилось, — хитро улыбается.

— Восемнадцать! — попадаюсь на удочку диалога.

— Ну тогда идем праздновать! А домой успеешь, мы отвезем.

Он снова берет меня за локоть и тянет на второй этаж. В этот раз я не упираюсь, увидеться и попрощаться с Лерой все равно нужно.

Нечаева сидит в VIP-зоне и мило воркует с долговязым другом Артура, потягивая из трубочки коктейль. В леопардовом платье и образе светской львицы идеально вписывается в клубный антураж с золотыми кожаными диванами и стенами из сухого бамбука. Хоть на рекламу фотографируй. Завидев меня, вскакивает навстречу и отводит в сторону.

— Слушай, Ветка! Ребята крутые, при конкретном бабле, — шепчет возбужденно. — Они с хозяином клуба дружат, а он очень непростой мужик, сама понимаешь. Повезло нам, короче. Жирных карасиков подцепили!

— Я попрощаться, Лер. Домой уже поеду, — обрубая ее нетрезвый оптимизм.

— Что ты вечно, как Золушка? Как полночь — так домой. Пора начать отрываться! Когда, если не сейчас? — нападает Лерка. — Артурчик о тебе подробно расспрашивал, понравилась ты ему очень.

— А он мне — нет.

— Ну, Вету-уся, ну пожалуйста, — хнычет наигранно. — Давай немного с ними посидим, умоляю! — складывает ладони домиком. — Стас на меня запал, а не хочу упустить такого классного парня.

— А как же Костя? — округляю глаза.

— Так он вчера прямо сказал, что в дальнейшем общении не заинтересован, а утром мой номер заблокировал. Козел! — цедит сквозь зубы.

— Ясно, — киваю, оставив при себе мнение, почему он так поступил. — А мне очень понравился Макс.

Произношу и вздрагиваю от собственных слов. Одно дело сутки гонять эту мысль в голове и совсем другое — озвучить.

— У вас что-то было? — в лоб спрашивает подруга.

— Нет, что ты! Просто он спас меня и вообще... Хороший оказался парень, интересный. Не понятно только, зачем ему Маша? Что у него общего с этой малолеткой?

— Мама у них общая, была. Умерла недавно, — огорошивает Лера с невозмутимым видом. — Макс оформляет опеку и собирается увезти Машку за границу. Она мне жаловалась, пока ты в вагончике пряталась. А ты что подумала?

После услышанного и вспоминать стыдно, что я о них думала. Утром нашла Машу Лесниченко в соцсети и изучала ее страничку. Раздирало от любопытства, чем она привлекла такого классного Макса. А они брат и сестра, оказывается!

Пока осмысливаю приятную новость, Артурчик настойчиво меня обнимает и тянет на диванчик. Он заказал бутылку самого дорогого в заведении шампанского и уговаривает попробовать, обещает божественный вкус.

Пить шипучку за дурные деньги я отказываюсь, ссылаясь на то, что алкоголя мне на сегодня достаточно и пора ехать домой. Но назойливый ухажер и не думает отпустить.

Почти что силой вынуждает сесть и нагло удерживает за коленку. При этом мило улыбается и предлагает любой напиток из бара. Когда я отбрасываю его руку и пытаюсь вызвать такси, отбирает телефон.

Вскоре за наш столик приносят букет высоченных бордовых роз. Их для меня заказал Артур, и они живое доказательство того, что слово «нет» ему незнакомо. Мои попытки встать и выйти из-за стола им пресекаются, возмущение сводится к шутке. Пьяненькая Лерка во всю флиртует со своим Стасиком и только посмеивается над нашей возней. Кричать и звать на помощь странно. Мы находимся в общественном месте и ничего ужасного со мной не делают — всего лишь пытаются купить и соблазнить. Большинство девушек приходят в клуб продаваться и соблазняться. Я — не из их числа, но кому какое дело.

Через некоторое время мы с Артуром сторговываемся на том, что я пью безалкогольный мохито и уезжаю домой, но оставляю ему номер и обещаю на днях сходить на свидание. Минут через десять со мной начинает происходить что-то странное. В теле появляется слабость, а голова тяжелеет. Звуки слышатся искаженными, перед глазами плывет. Я пытаюсь объяснить свое состояние Лере, но она смотрит на меня стеклянными глазами.

Весь вечер Нечаева заливалась самым разным алкоголем и выглядит пьянущей, но мне так плохо быть не должно. Выпитое с мамой и отчимом шампанское давно выветрилось, а в клубе я сделала всего несколько глотков мохито, в котором не было рома.

Пространство кружится, время движется рывками. Слабость в теле прогрессирует, сознание мутнеет. Артур помогает мне встать и, придерживая за плечи, ведет к выходу. Обещает отвезти домой. Стас тоже идет с нами, а Лера остается сидеть на диване. Я пытаюсь ее позвать, но мой голос такой тихий, что его не слышно и от этого страшно.

На улице мне становится хуже. Предчувствие чего-то ужасного накатывает волнами и хочется бежать, но мышцы вялые и Артур держит крепко. Я растеряно смотрю по сторонам и вдруг вижу знакомое лицо. Заметив меня, Макс Доронин кивает, а я беззвучно шепчу:

— Помоги мне...

Макс

— Ты жулик, Дор! У тебя в колоде девять тузов, — возмущается Костян, дергая ремень безопасности. — Больше никогда с тобой играть не буду!

Психует точно, как в детстве, когда у меня что-то получалось лучше. Щеки от злости раздувает. Совсем не умеет проигрывать, но я тоже не привык быть аутсайдером и поддаваться — не в моих правилах.

— Все было по-честному, у нас есть свидетели, — улыбаюсь и тоже пристегиваюсь. — Твой батя и адвокат быстро сдулись, но за игрой следили.

Бэха с визгом отъезжает от загородного коттеджа Бариновых. Изначально этот визит планировался, как недолгий и по делу. Костин батя пригласил познакомиться со своим юристом, который поможет со сбором документов и оформлением опекуна над Машей. Сам я эту волокиту не вывожу.

Пока мы с мужиками общались, Костина мама накрыла стол, а после ужина мы решали сыграть в покер и просидели пять часов. Костик все хотел отыграться, но в итоге проигрался в хлам. Я выиграл. В принципе играю неплохо, но сегодня карта шла, как никогда. Мой день.

— Ты блефовал! Развел меня, как лоха! — не унимается Костян, давя на газ. — Я ж тебя знаю, как облупленного, и все равно повелся.

— Да ладно тебе, бро! Это всего лишь игра, — не перестаю улыбаться.

— Шо ты лыбишься, шулер? — цедит Барин. — Поехали, вздую тебя на бильярде и посмотрим, как будешь радоваться.

— А поехали! Я тебе даже фору дам, — завожусь. — Сколько хочешь?

— А ты шо дерзкий такой? Гоняешь шары в своей Кенгурятни? — косится Костян. — У вас там в снукер играют, а я тебе в русский предлагаю.

— Мне без разницы, — уверяю. Чуйка подсказывает, что сегодня и на бильярде его сделаю.

— Оки, едем в «Рай»! Заодно и девочек выберем. Пятница-развратница как-никак, потрахаться в этот день — святое дело, — потирает руль Костик. Настроение его стремительно меняется в лучшую сторону.

— Э-у, Костян, — притормаживаю его радость, — Мы едем на бильярде играть или блядовать? Я сегодня умотался по этим инстанциям и к бурной ночи не готов.

— А мы тебе умелую подберем. Она сама все сделает, напрягаться не придется, — обещает друг.

И я думаю: да черт с ним! Спустить пар мне не помешает. Со вчерашнего вечера в башке фонят похотливые мысли, а из памяти всплывают картинки с пляжа. Приятные настолько, что утром пришлось передернуть в душе, а я уже забыл, когда в последний раз это делал.

— Только давай сразу решим, куда поедем потом, — предлагаю. — В випке или в машине я не буду.

— Ля на него! Буржуй переборчивый! Секс в машине ему не подходит.

— Не хочу осквернять твою святыню, — усмехаюсь.

— К себе я баб не вожу принципиально. Можем к тебе.

— Исключено, — отсекаю. — В этой квартире лишь бы кого не будет, она слишком много для меня значит.

— Ясно, — понимающе кивает Костян. — Тогда бронируй номер в отеле. Только один и не королевский, ради бога. Это ж просто шлюхи!

От последнего слова меня коробит. Перспектива провести ночь с девицей, согласной за коктейль потрахаться в гостинице, совершенно не прельщает, но это вынужденная мера. Нужно принять, как лекарство. Вдруг поможет.

— Стандартный в «Астории», — докладываю другу, кликая на слово «забронировать». — По отзывам белье чистое, тараканов нет. Бронь можно отменить до часу.

Закрываю приложение и смотрю на экран. На нем висит так и не прочитанное за весь день короткое сообщение «спасибо за цветы» и розовое сердечко. Видеть имя отправителя на экране приятно до мурашек.

Лиза.

Перекаत्याваю его, как леденец на языке, и мне вкусно. Зацепила девочка. Неожиданно.

— Неужели я дожил до этого момента?! Мой друг согласился на пьянку и коллективный разврат. Спасибо, боженька! — паясничает Костян, отпуская руль и вскидывая руки. — Знаешь, Макс, на твоём благородном фоне я уже комплексовать начал. Как ты вчера, кстати, спасенную балерину в больничку сводил? Она в порядке?

— Она-то в порядке, а вот я — не совсем, — хмыкаю. — Что-то думаю о ней постоянно.

— В смысле, понравилась? — догадывается Костян. — А я еще вчера заметил, — довольно растягивает губы. — Она милая девочка, мне тоже приглянулась. Мордашка хорошенькая и фигурка зачетная. Ладненькая такая и гибкая, наверное, как все танцовщицы. У меня гимнастка была, так я ее в шпагате трахал. Незабываемо! У этой Лизы-Веты тоже растяжка должно быть есть...

— Кость, не надо, — перебиваю грубовато.

— Шо, прям так? Настолько серьезно понравилась?

— Утром цветы ей отправил, — признаюсь нехотя. — Захотелось как-то поддержать, порадовать в день рождения. Жалко мне ее. Такая красивая, а воли к жизни нет. Сломанная кукла.

— О-о, брат, — качает Костя головой. — Жалость — штука коварная. Смотри не вляпайся.

— Я не влюбляюсь, ты знаешь. И у нее кто-то есть.

— Да ладно? Лерка вчера лягнула, что Вета еще девственница.

— Возможно. Неважно. Мы договорились быть друзьями.

— Дружить организмами будете? — ржет.

— Обыкновенно.

— Прикальываешься? Между вами с первого взгляда молнии летали! А когда ты ее из воды достал, и потом вы на скутере обнимались и терлись — у половины пляжа встал. Тоже мне друзьяки...

— Она предложила дружить.

Про то, что сначала поцеловала, решаю не рассказывать. Этот позорный момент лучше вообще забыть. Я идиот, что не ответил. Обалдел от неожиданности. Сам же хотел и выбирал момент, но она опередила. Глупо получилось.

— Это она с перепугу в друзья тебя записала. Маленькая еще, застенялась взрослого дядю, — усмехается Костян. — Ты ее спас, Макс, и ее повело. С тобой она на все согласится, только намекни. Но сначала подумай, надо ли оно тебе?

— Не надо. И думать нечего. Закрыли тему, — отрезаю.

Хмыкнув, Костик замолкает. Он любит потрындеть на подобные темы, но я редко поддерживаю. Моя личная жизнь — для друга не тайна, но нечего ее обсасывать.

На парковке у клуба «Рай» тусит несколько компашек малолеток. Бухают по кругу и прямо из горла. Заведение средней паршивости, строгого фейс-контроля нет, так что ходят в него даже школьники. Костик любит это место из-за просторного бильярдного зала, находящегося в цоколе.

Пока Барин достает свой фирменный кий из багажника, я иду ко входу. Думаю, что зря хорохорился насчет форы, продую этому катале. Как пить дать, продую!

У входа притормаживаю, чтобы дождаться друга, и вдруг вижу, как какой-то бородатый чел выводит под руки Лизу Бережную. Она слабо упирается и растеряно вертит головой. Бледная, в глазах паника. Что-то говорит, но я не слышу. Бородач зыркает на меня недобро, и я решаю подойти.

Макс

— Зашибись, покатали шары, — шипит Костян, запрыгивая на водительское место и щелкая центральном замком. — Еле разрулил с охраной, чтобы копов не вызывали. Дорого обходится твое гусарство, Макс, — поворачивается и качает головой.

Мы с Лизой сидим на заднем сиденье. Ее хрупкое тело доверчиво жметя к моему напряженному, белое платье в свежих пятнах крови. Бородач оказался прытким и от первого удара увернулся. Я прочесал кулаком стену и содрал кожу.

— Так может не стоило ничего решать? Полиция разобралась бы, — бурчу, отводя руку, чтобы не пачкать Лизу еще больше.

— Хочешь до утра давать показания, а потом заплатить штраф за нарушения правопорядка? Мне это на хер не надо! Хватит того, что из-за вас нажил себе врагов.

Барин не хотел впрягаться в драку и пробовал договориться, но решившие увезти Лизу твари не понимали человеческого языка. Когда до меня доперло, что происходит, контроль отключился. Драться я полез первый, Косте пришлось помогать.

— Ты такой хороший, Макс, — шепчет Лиза, подныривая под мою руку. — Снова спас меня.

Ее голос тихий, речь замедлена. Она нежно гладит меня по плечу, задевая пальцами шею. Ведет себя, как пьяная, но запаха алкоголя нет. Пахнет Лиза невозможно приятно.

— Она под наркотой? — шепотом спрашиваю у Костяна.

— Скорей всего бутират[1] подлили в напиток. Это не опасно. Если выпила немного, через несколько часов отпустит.

— Суки. Убивать таких надо, — цежу сквозь зубы.

От жалости к девочке нутро выворачивает. От злости на уродов, подсунувших ей наркотик, перед глазами плывут багровые пятна.

— Костя, забери Леру. Она там одна и ей тоже плохо, — лепечет Лиза жалобно.

— Переживаешь за подружку, которая тебя подставила? Ничего с этой Холерой не случится! — фыркает Барин. — Скажи ей, чтобы не трепалась о тебе с малознакомыми мужиками. Особенно о том, что ты еще целка. Мы с Максом супермены, конечно, но бываем заняты другими важными делами и каждый раз отбивать не сможем. Так что прекращай шариться с этой Лерой или переспи уже с кем-нибудь! Могу достойную кандидатуру подсказать, если не знаешь...

— Кость, ну харэ! — торможу раздраженно.

Его прямота за гранью грубости, но Лиза на нее не реагирует. Забросила на меня руку и трется лицом о футболку, как котенок. Она совсем юная и доверчивая, вот и попалась в сети извращенцев. Даже думать не хочу, что они собирались делать с ней, пока она под кайфом.

Почему она до сих пор девственница? У нее же парень есть. Как он устоял? Такая девушка не может не заводить. Я сейчас просто сижу рядом с ней и еле сдерживаюсь, а они танцевали вместе. Странно.

— Ладно, схожу заберу эту дуру Леру, — бурчит Костик, покосившись на нас. — Вы только не балуйтесь тут. Не хочу еще на химчистку попасть.

Бросив в мою сторону многозначительный взгляд, он уходит. Я осторожно обнимаю Лизу и замираю. Обещаю себе, что всего на секунду.

— Я тебе написала, а ты не ответил.

В ее тоне нет укора, только нежность и легкая грусть.

— У меня был сложный день, не успевал читать сообщения.

Вру, естественно.

— Розы очень красивые, спасибо. Теперь это мои любимые цветы, — шепчет Лиза, вжимая коленки в мое бедро.

Ее платье с открытой спиной, кожа в вырезе теплая и гладкая, как шелк. Я не могу заставить себя убрать руку и легонько поглаживаю торчащие лопатки.

— А раньше какие были?

— Никакие.

— Ты не любила цветы?

Веду рукой по мелким позвонкам сверху вниз и обратно. Лиза упирается лбом мне в грудь и мотает головой:

— Не любила...до тебя...

— Я хотел тебя порадовать. Вчера ты была очень грустной.

Растопырив пальцы, поглаживаю тонкое плечико. Она очень приятная девочка и у меня тупо не хватает воли перестать ее трогать. Дурь какая-то.

— Я хотела с тобой целоваться. И сейчас хочу. Это плохо?

Лиза вскидывает на меня одурманенный взгляд, ее губы приоткрыты и слегка подрагивают. Искушение грандиозное, но я ему не поддамся.

— Это пройдет. Примерно через два часа.

— А если нет?

— Тогда поцелуемся, — прикрываю глаза и сжимаю желюсти.

— Два часа... так долго, — подается вперед.

Ее легкое дыхание касается моих губ и сознание мутнеет. В башке снова прыгают картинки, на которых Лиза в одних плавках сидит на мне, обнимает за плечи и краснеет, стесняясь нашей близости.

Кровь кипятком несется по телу. Ощущения в нем становятся яркими и нетерпеливыми, но мозг еще функционирует и подсказывает, что обнимашки и провокационные разговоры пора прекращать. У меня элементарный спермотоксикоз, а Лиза в наркотическом дурмане, и нас куда-то не туда заносит.

Сам себя уговаривая, я ни хрена не уговариваюсь. Непослушная рука гладит и прижимает податливое тельце. Проклятье какое-то! Тянет к этой девочке дико. Зачем она такая приятная и так вкусно пахнет?

— Лиз, послушай, — собираю остатки воли. — Мы можем прямо сейчас отвезти тебя домой...

— Нет! Только не домой, пожалуйста, — хватается за футболку. — Мне нельзя в таком виде.

— Ладно, — выдыхаю, внутренне ликуя. — Ко мне поедешь? Не побоишься?

Ее и без того огромные глаза широко распахиваются, губы трогает наивная улыбка:

— С тобой мне ничего не страшно.

Эти слова ударяют в грудь и расползаются за ребрами теплом. Хочу, чтобы Костян оказался прав, и Лиза считала меня героем. А кто не хочет быть особенным для девушки, к которой бешено влечет?

— Согласна ночевать у меня? Только без подружки? — уточняю и Лиза неуверенно

кивает. — Или можем поехать в отель, — озвучиваю альтернативу.

Она отстраняется. Выпрямляет спину и садится ровно. Глаза блуждают по салону, брови сдвинуты, а пальцы мнут ткань платья. С учетом произошедшего с ней в этот вечер мое предложение прозвучало омерзительно. Я собираюсь пояснить, но не успеваю.

— Лучше к тебе.

В этот раз Лиза кивает твердо. Выглядит так, словно приняла важнейшее в жизни решение. Думаю сказать, что мое приглашение не несет никакого сексуального подтекста и ни к чему не обязывает, но тут она подсовывает свои пальчики под мою разбитую руку, приподнимает ее и начинает осторожно поглаживать. Этот трогательный жест сбивает с мысли, и я молчу. Забив на боль, сжимаю тонкую ладонь и ловлю от безобидного контакта неожиданно острый кайф.

Когда возвращается Костя, мы так и сидим, держась за руки.

Безмозглая подружка Лизы плюхается на пассажирское и утыкается в боковое окно. Судя по всему, Костян уже выписал ей словесных люлей и поделом. Я обязательно добавлю, но в другой раз — сейчас не до нее.

— Ну что, едем снимать стресс в «Асторию»? — Барин оборачивается и смотрит на наши с Лизой руки.

— Развлекайтесь без нас. Мы с Лизой едем ко мне. Добросишь? — взглядом даю понять, что вопросы задавать не нужно.

Кивнув, Костян жмет кнопку старта и выруливает на дорогу.

— Я знал, что так будет. Я предупреждал, — вздыхает друг, останавливая машину у моего подъезда.

— Не нагнетай, все под контролем. Созвонимся...

Хлопнув его по плечу, выхожу и помогаю выйти Лизе.

[1] *Бутират* — сленговое название наркотического вещества.

Просьпаюсь я резко, словно не спала, а только ненадолго задремала. Приподнявшись на локоть, оглядываю незнакомую комнату. Не пугаюсь ничуть. Привыкла к гостиницам и снятым посуточно квартирам, пока моталась по турнирам. Сев в кровати, пытаюсь вспомнить, как я здесь очутилась, но вспоминаю только то, что вчера меня хотели изнасиловать.

Теперь пугаюсь. Опускаю ноги на пол и еще раз осматриваюсь. В комнате больше никого нет, спала я одетая — это хорошо, плохо то, что непонятно, чья на мне футболка.

В голове, как в полупустой коробке с пазлами, которую долго трясли. Детали прошлого вечера сбились в один угол и смешались. Чтобы сложить картинку, нужно их достать и разобрать.

Память вываливает все скопом. Мой одинокий танец, умоляющую еще потусить Лерку и парня с противной бородкой. Липкие взгляды, бордовые розы, шампанское... Драка, крики, кровь... Внимательные синие глаза, сильные руки, прижимающие к крепкому телу...

Мне было страшно, но он успокоил.

Максим Доронин.

Стоит вспомнить это имя — в груди мощно екает. Он снова спас меня и привез к себе домой. Что было дальше, лучше не вспоминать.

Из-за отравы, что подлили в мой мохито, я вела себя позорно. Висла на Максе и просила поцеловать. Приставала, как распущенная девка.

Представляю, что он думает обо мне. Навязалась на его голову бедося: то в море тонет, то дорогу на красный переходит, то наркоту в клубе принимает... Еще и целоваться лезет. А ему это не нужно!

Я достигла своего персонального дна. Могла поехать домой, но напросилась ночевать к парню, которому даже не нравлюсь. Я — чокнутая сталкерша.

На цыпочках выхожу из комнаты и собираюсь сбежать, но вспоминаю, что мое платье сохнет на балконе. Ночью мы его постирали. Еще долго решали, какой режим стиралки выбрать, чтобы ушли пятна крови.

На балкон ведет гостиная. Ее двери открыты настежь, на диване спит Макс. И во сне красивый настолько, что сложно не залюбоваться. Из одежды на нем только трикотажные шорты. Левая рука заброшена за голову, а правая — та, что в татухах и со счесанными костяшками — лежит рядом. Я застываю и медленно скольжу взглядом по замысловатым узорам на плечах и груди, спускаюсь к аккуратным прямоугольникам пресса и ниже... Глянув туда, куда от пупка ведет дорожка темных волос, делаю глубокий вдох и крепко зажмуриваюсь.

Кошмар, какие пошлые мысли лезут в голову! Неужели наркотики еще не перестали действовать?

— Доброе утро, — говорит Макс, не открывая глаз.

Я мощно вздрагиваю.

— Доброе, — отвечаю хрипло. — Хотела взять платье и спросить. Можно мне воспользоваться твоей ванной?

Макс садится, трет лицо и ерошит волосы. Выглядит милым и дико сексуальным.

— Твое платье еще не высохло. Солнце на балконе бывает с обеда, придется подождать.

Могу дать чистую футболку.

Он резко встает, достает из шкафа полотенце и подходит. Высокий, широкий, сногсшибательно привлекательный. Рядом с ним можно закомплексовать, хотя своей внешностью я всегда была довольна. Особенно, если надеть пуш-ап.

— Спасибо, не нужно. Эта футболка вполне устраивает.

Потупив взгляд, я беру из его рук полотенце и шмыгаю в ванную. В очередной раз опозорилась. Наверняка он заметил, как я пялилась.

Струи прохладной воды отлично бодрят и стимулируют память. Пока по телу стекает пена чужого геля для душа, я вспоминаю все, что произошло этой ночью.

Макс вел себя порядочно, исключительно как друг. Уговаривал лечь спать, но мне хотелось активности. Когда действие наркотика ослабло и приступ сексуальности прошел, я стала приставать к нему с задушевными разговорами и расспрашивать о семье.

Узнать удалось немного. Его родители много лет в разводе, отец живет в Австралии, а мама умерла от рака этой весной. Максим приехал, чтобы забрать осиротевшую Машу, которая теперь живет у дальних родственников. У них разные отцы и фамилии, и росли они порознь, но она — его единственная сестра, о которой больше некому заботиться.

Максим ответственный человек. Он умный, сильный и чертовски хорош собой. Идеальный парень, с которым у меня только дружба. Увы и ах, но я его не привлекаю.

Когда выхожу из ванной, этот идеал варит кофе. В медной турке и на газовой плите, скрутив конфорку на минимум. Точно так по утрам делал папа. Этой ночью я его вспоминала. Рассказывая о его трагической смерти, как обычно, расплакалась. Макс притянул к себе, и мы долго сидели обнявшись. Я так и уснула, в его руках.

— Какой кофе ты пьешь? — спрашивает он, не отрывая взгляда от подрагивающей кофейной пенки.

— Некрепкий и без сахара. С молоком, если можно.

— Молоко в холодильнике, доставай, — командует, снимая турку с огня.

Открыв старенький холодильник, осматриваю полупустые полки.

— На дверце остатки кефира, если хочешь, — предлагает Макс. — Еды у меня нет.

— Тут еще два яйца, — вынимаю лоток. — Если найдется немного муки, могу нажарить оладушков. Они у меня неплохо получаются.

Макс разливает кофе по чашкам, в одну из них добавляет молоко. Протягивая ее, смотрит прямо в глаза. Сердце бухает вниз и мне снова хочется сбежать, пусть даже в мокром платье.

— Ты умеешь готовить? Удивляешь, Элизабет, — усмехается он.

— Надеюсь, в этот раз приятно. Мне ужасно неловко за вчерашнее, — признаюсь я.

Глупо делать вид, что ничего не произошло. Объективно вчера я дала жару. Алкоголь, клуб, наркотики, драка и вишенкой — ночевка у парня, к которому приставала. Да я просто рекордсмен по взрослым глупостям!

— Все нормально, тебе не стоит себя грызть, — сделав поток кофе, говорит Максим. — Впредь будь осторожней, когда пьешь с незнакомцами. Сделай выводы из этой истории.

— Сделаю. Спасибо.

Ночью я поблагодарила его раз двадцать, но не будет лишним сделать это еще раз. Он дрался за меня, как настоящий рыцарь. О таком любая девушка мечтает.

— Что еще нужно, кроме муки? — переводит тему Макс, открывая навесной шкафчик

над моей головой.

— Сода, соль, сахар... — перечисляю деловито.

Всю прошлую зиму я просидела дома в гипсе. От скуки смотрела кулинарные шоу и захотела научиться готовить. Подписалась на разных фуд-блогеров и начала экспериментировать на кухне. К еде я почти равнодушна, поэтому азарта хватило ненадолго, но кое-чему я научилась.

— Всегда думал, что балерины не едят сладкое и мучное, — усмехается Макс, доставая пакет с мукой и банку с сахаром.

— Ну, во-первых, я не балерина. А во-вторых, кто сказал, что эти оладьи я буду есть? Мне просто захотелось выпендриться, — улыбаюсь, принимая из его рук продукты.

— Уверена, что получится? — уточняется Макс с хитрой улыбочкой.

— У меня рецепт секретный. Оладьи по нему всегда получаются, — горделиво задираю нос. — Они шедевральные! В меру сладкие, нежные и воздушные...

— Шедевральные? — переспрашивает Макс, не сводя с меня колдовских глаз.

Он стоит очень близко и на нем только шорты. Мы с ним просто друзья и это не должно меня как-то смущать, но я волнуюсь так сильно, что начинаю нервно тараторить:

— Там все дело в технологии, есть несколько секретов. Например, соду нужно добавить в кефир первым делом, еще до муки и яиц. Все ингредиенты при смешивании должны быть комнатной температуры или слегка теплыми. Ничего нельзя взбивать...

Максим улыбается и водит взглядом по моему лицу, касается им губ. Витающее в воздухе напряжение концентрируется в разделяющем нас метре. Мое дыхание сбивается, мысли спугываются. От игривой улыбки этого парня накрывает больше, чем от вчерашних наркотиков.

— ...Обязательно добавить немного соли, — произношу просевшим голосом.

— Обязательно? — снова переспрашивает Макс.

Он подается вперед, и я улавливаю терпкий мужской запах с тонкими древесными нотками. Совсем чужой, но такой приятный. Меня влечет к этому парню, и я тянусь навстречу, прикрыв глаза.

— Да, это химия...

Объект моего притяжения внезапно отстраняется:

— Ну, ты тогда химичь тут, а я пока в душ...

В один глоток Макс допивает свой черный кофе и выходит. Я медленно выдыхаю, пытаюсь загасить внутреннюю вибрацию. Снова до дрожи хотела целоваться с ним, и на миг показалось, что это желание — взаимное. Какая дурочка. Сделаю ему оладьи и поеду домой страдать от неразделенных чувств. Надо ж было так втрескаться.

Когда Доронин возвращается, я дожариваю вторую партию. Он подходит и заглядывает через мое плечо на сковородку. Снова в одних шортах. Свежий и теплый после душа, пахнет умопомрачительно. У меня туман в глазах от его близости.

— У-у, как вкусно, — оценивает, жуя еще горячий оладушек. — Это и правда шедевально, талантливая девочка Элли...

Он мягко протягивает непривычный вариант моего имени, а я вдруг начинаю злиться. На себя за чрезмерную влюбчивость, на него за убойную притягательность и на долбанную химию, от которой детонирую. Ну почему, почему бомбит только меня?!

Выключив газ, разворачиваюсь.

— С вареньем или медом еще вкуснее. Приятного тебе аппетита, а я пойду проверю, как

там платье. Мне пора домой...

Делаю шаг в сторону и чувствую на запястье пальцы. Макс берет меня за руку и мягко тянет к себе. Видя, как на вдохе расширяется его грудная клетка, я нервно сглатываю и поддаюсь. Когда тепло его выдоха опалает скулу, время останавливается. Воздух вокруг нас становится густым, а мое тело невесомым. Максим медленно наклоняется. Заговорено вглядываясь в потемневшую синеву его невероятных глаз, я с готовностью размыкаю губы, но трескучий звонок в дверь в один миг рассеивает магию.

— Чем у вас так вкусно пахнет? — с порога интересуется Костик.

— Это аромат страсти, зайчик, — хихикает Лерка.

Как же невовремя они приехали! Зачем?

Переставив тарелку с оладьями на обеденный стол, я плюхаюсь на стул в углу и приглаживаю рукой волосы.

Костик появляется на кухне первым.

— Как дела? — впивается в меня пытливым взглядом.

— Привет, хорошо, — оттягиваю вниз футболку. Она и так до половины бедра, но хочется прикрыться еще больше.

— Ничего себе! — присвистывает он, глядя на тарелку с оладьями. — Вы уже завтракаете вместе? Быстро.

Я хватаю чашку с остатками кофе и делаю вид, что пью. Мы с Максом и поцеловаться не успели, а стыдно так, словно всю ночь кувыркались в постели.

— У вас тут сладенько, — высовывается из-за Костика Лера и подмигивает мне. — Ну ты как, подружка? Пришла в себя? Прости меня, а?

Я отставляю чашку и закатываю глаза. Она уже просила прощение ночью, пока мы у подъезда прощались. Хотела даже на колени встать, но я не дала. Жутко злюсь, но прощу, конечно.

— Слушайте, народ! А давайте махнем сегодня ко мне на пляж, все вместе, — предлагает Костя и хватает с тарелки оладушек. — Почилим у бара, поплаваем в морьке... Вечером поужинаем в новом отеле. Можем остаться там на ночь, номер я организую.

— Шикарная идея! — тут же отзывается Лерка. — Мои до завтра на даче, так что я могу с ночевкой. И тебя, Ветусь, можем снова отпросить типа ко мне, — заговорщицки щурится и кивает, чтобы я соглашалась.

— Тебе лишь бы чилить, Костян, — вступает в разговор Макс, проталкивая друга в кухню. — Я сегодня собирался поработать.

— Какое «поработать»? Выходные! Да и лето уходит, пора ловить его за хвост!

Костик берет еще один оладушек и получает от Макса подзатыльник.

— Убрал свои клешни! Лиза старалась не для тебя.

— Ля, жлоб какой! Лиз, скажи, что разрешаешь. Так вкусно, блин, а этот жабится...

Костя толкается, Макс мягко бьет его под дых. Все это в шутку, без агрессии. Я кошусь на них и улыбаюсь: такие взрослые, а дурачатся, как пацаны.

— Ну так шо, едем? — обращается Костик вроде бы ко всем, но смотрит на меня, и тянется за очередным оладушком.

— Харэ на чужое зариться, хапуга! — взяв друга в захват, Макс оттаскивает его от стола и нависает надо мной. — Поедешь, Элли? До завтра, со мной?

Формулировка его приглашения вгоняет меня краску, а прямой взгляд — в немой ступор.

— Элли? — переспрашивает Лера, странно хрюкнув. — А волшебник у нас кто?

— Видимо, Максим, — хмыкает Костик.

— А кто там еще был? Чучело вроде и дровосек, — не унимается Нечаева.

— Не чучело, а собака! Антошка! — вспоминает Костя.

— Тотошка, — хохочет Лера. — И чучело было, соломенное...

Они спорят, а мы с Максом молча смотрим друг на друга. Говорить мне ничего не нужно. То, что я согласна поехать, он читает по глазам.

После обеда мы развеселым квартетом выезжаем из города в западном направлении. Настроение у всех приподнятое. Лерка как заведенная хохочет над бесконечными шуточками Костика, Макс тоже шутит и много улыбается, а я... Я почти парю от счастья. Впереди еще один вечер и ночь рядом с ним.

Мне не пришлось отпрашиваться дома и обманывать маму. Они с отчимом уехали проверять, как установили кухню в новом доме, и заночуют там. Я могу по-взрослому тусить у моря с парнем, которому все-таки нравлюсь. Он хотел меня поцеловать, мне не показалось.

На Объездной дороге мы попадаем в пробку и долго тянемся с черепашьей скоростью. Макс достает ноут, с которым, кажется, не расстанется нигде и никогда и что-то там печатает с серьезным видом. Костик нетерпеливо ерзает и выглядывает вперед. Лерка массирует ему шею и плечи и что-то жарко шепчет на ухо. Судя по выражению их лиц, непристойности. Этой ночью они переспали, и она в восторге от него, как от любовника. Успела рассказать мне это еще дома у Макса, а я призналась, что мы спали порознь. Лерка сказала, что я веду себя как малолетка, что платонические отношения взрослым парням неинтересны, и я упущу свой шанс. Я задумалась.

На заправке Макс убирает ноут в багажник и предлагает Лере поменяться местами. Когда садится рядом и берет меня за руку, сердечко аж подпрыгивает. Я сама придвигаюсь ближе, мы соприкасаемся бедрами и плечами. Лерка, глянув мельком, одобрительно моргает, а Костик советует пристегнуть ремень безопасности. Поймав через зеркало заднего вида его взгляд, я отодвигаюсь обратно и пристегиваюсь.

Ехать нам еще час. Макс откидывает голову на спинку и прикрывает глаза. Мы оба мало спали этой ночью, и он собирается подремать, а из меня энергия бьет фонтаном.

Глядя на выжженные солнцем поля за окном, я мысленно на них танцую. Воображение рисует сложный одиночный танец на фоне горных склонов и яркого летнего неба, и я вдруг понимаю, что хочу так танцевать. Одна, на природе, под современную музыку...

Можно делать красивый контент и вести блог о танцах, как о языке тела. Обучать онлайн, а позже открыть свою школу... В голове быстро-быстро строится план.

Макс дремлет, но руку мою держит и время от времени поглаживает большим пальцем. Кажется, такая мелочь, а меня в эмоциях топит. Я в восторге и танцую... Среди колышущего ковыля и степных пейзажей, вдоль которых мы едем, а после на песчаных пляжах. Крым такой красивый! Море, горные вершины, бескрайние желтые степи, лесные поляны... Локаций — просто миллион!

Танцы видятся нарезкой: ломанные, плавные, надрывные и спокойные... Разные. Я в них живу, дышу ими. И мне хорошо! Мне очень хорошо! Жизнь снова обретает краски.

Поменять цель в рамках мечты.

Как я сама не додумалась? Целый год ждала Макса, чтобы снова обрести в жизни смысл. Вдохновиться и почувствовать крылья за спиной, оттолкнуться и полететь к мечте. Этот парень просто держит меня за руку, а у меня душа танцует и рождается уверенность, что все получится.

— Может, на гидриках погоняем? Море на редкость спокойное, — предлагает Костик, приложив ко лбу ребро ладони и вглядываясь в горизонт.

В своих ярко-красных плавках он, как спасатель с пляжа Малибу: широкая улыбка, выгоревшие бликами блондинистые волосы и подкаченное загорелое тело. Неудивительно, что Лерка втрескалась.

— Мне совсем не хочется, зай. Укачало, пока ехали, — канючит она, повисая на крепкой шее своего красавчика. — Давай лучше на лежаках поваляемся. Я тебе массажик сделаю, выпьем по коктейльчику...

— Тебе лишь бы нажраться, тусовщица! — смеется Костик, подтягивая ее и мацая за задницу.

С его стороны влюбленности не наблюдается, но Валерия надежды не теряет и очень старается.

— Прокатишься со мной, Лиза? — звучит низкий голос за спиной.

Макс подходит и встает рядом. Не обнимает, как мне хотелось бы.

— Даже не знаю, — сама себя обнимаю за плечи. — Думала, мы просто поплаваем.

У меня огромный синяк на бедре и при движении тянет поясницу. Море само по себе не пугает, а сесть на гидроцикл — боязно.

— Если бегать от страха, он будет преследовать. Заглянешь ему в глаза — отступит. Ты будешь со мной. И в этот раз мы застегнем твой жилет на все крабы, — уговаривает Макс.

И я соглашаюсь. Потому что он прав и потому что я доверяю ему, как никому другому.

Он выбирает самый мощный скутер, складывает в багажник наши телефоны и бутылку воды, и мы отходим от берега. Пульс частит, но это не от страха. Я обнимаю парня, который очень нравится — как тут не волноваться?

Макс не газует. Постепенно увеличивает скорость и направляет гидроцикл вдоль берега. Вскоре пляжи поселка сменяются слоистыми обрывами, высокими и отвесными. Спустится по ним к морю невозможно, клочки суши у воды выглядят дикими и пустынными. На одном из таких мини-пляжей мы высаживаемся.

Дно здесь каменистое, зато вода прозрачная и тихая. Макс помогает мне спуститься, аккуратно придерживает за талию, когда поскользнулась на поросшем водорослями камне.

— Как поживают твои страхи, девочка Элли? — улыбается.

Его рука горячая, мое дыхание частое. После жаркого момента на кухне, мы впервые остались наедине.

— Их ветром сдуло, — дернув плечом, улыбаюсь в ответ.

— Искупаемся здесь?

Макс расстегивает мой жилет, а я боюсь смотреть ему глаза. Смотрю на руки и вдруг чувствую, что возбуждаюсь. Резко и неконтролируемо. Тело вспыхивает, словно его бросили в костер.

— Давай... — с трудом выдавливаю из себя эти пять букв, — ...Я сама.

Отстраняюсь, стаскиваю с себя чертову жилетку и снова поскользнулась, но Макс ловит и прижимает к себе. Он в одних плавках, на мне только купальник. Мы соприкасаемся кожей, и я краснею от кончиков пальцев до самых ушей.

— Все в порядке, — убеждаю в большей степени себя. — Дальше моря не упаду.

Поворачиваюсь и, оттолкнувшись от скользкого камня, ухажу под воду. Макс ныряет следом. Выныриваем мы одновременно, в метре друг от друга. Как по команде переворачиваемся на спины, раскидываем руки-ноги и превращаемся в звезд.

— Кла-асс! — выдыхаю я.

— Ка-айф! — соглашает Макс.

— Ты уже бывал здесь?

— Нет. Пока ехали, нашел это место на карте и захотел посмотреть. С тобой.

Ох уж, эти его уточнения: *со мной, с тобой...* Они объединяют и обособляют, и мне начинает казаться, что мы с ним уже пара.

Вдоволь наплававшись, мы вместе выбираемся на торчащий из воды огромный камень. Он сухой и теплый, немного шершавый. Я подтягиваю к груди колени, упираюсь в них подбородком. Макс садится рядом, касается плечом. Вокруг так тихо, что я слышу его дыхание. Оно частое, как и мое. Рядом с нами тяжело дышит море. Здесь только оно и мы.

Мы.

— Что означает эта завитушка? — невесомо касаюсь пальцем круглой спиральки на крепком предплечье.

Тагуировка у Макса сложная и необычная. Она — его личный код, который я очень хочу разгадать.

— Это Кору, нераскрывшийся лист папоротника. Символизирует начало и дух перемен, приносит удачу и гармонию.

— А эта? — переставляю палец на знак в виде крючка.

— Символ силы и мужества.

— Ясно. А этот знак я знаю, — прижимаю палец к завитушке в виде восьмерки. — Бесконечность, правильно?

— В каком-то смысле. Это Пикоруа, символ верности и преданности. Если ты встречаешь своего человека, будь то дружба или любовь, связь с ним никогда не исчезнет.

— Ты уже встретил такого человека?

— И не одного. Костян, например. Нашу дружбу не смогли убить ни огромные расстояния, ни разные жизненные приоритеты. Есть еще Рик, мой первый бизнес-партнер. Сейчас он большой босс в Гугл, но мы на связи. Он вкладывается в мой новый проект.

— А в любви?

Сначала я спрашиваю, а потом понимаю, как наивно и неуместно звучит этот вопрос.

Максим молчит. Задумчиво водит своими удивительными глазами по моему лицу.

— Я не влюбчивый, — произносит наконец.

— Слишком сильно любишь себя и не хочешь делиться чувствами?

Он снова задумывается, смотрит перед собой. Своими провокационными вопросами я однозначно порчу очарование момента. Умею быть легкой, шутить и болтать о всякой ерунде, но рядом с ним не могу — боюсь показаться глупой.

— Себя любить — не стыдно, а других бывает больно, — усмехается Макс. — У меня большие планы на жизнь. Болеть чувствами, от которой сносит башню, в них не входит.

— Какое разное у нас с тобой виденье любви. У меня это чувство ассоциируется с вдохновением и радостью. Никогда не считала любовь болезнью, — заворачиваю очередную умную фразу.

У Макса брови взлетают:

— Уверена, что любила? Ах, да! У тебя же есть парень.

Насмешливость его тона режет слух. Вот зачем я тогда ляпнула ему про Илью? Теперь он думает, что я ветренная и собираюсь замутить с ним, пока любимый в отъезде. А это не так! Я уже решила, что расстанусь с Красовским, когда он вернется.

— Парень у меня был. Наша любовь прошла, бывает и такое...

По сути это правда, по факту — нет. Врать я совершенно не умею и не знаю, куда деться от стыда. В горле клокочет, лицо печет. Вскакиваю на ноги, разбегаюсь и ныряю щучкой. Получается эффектно.

Спустя минуточку Макс тоже ныряет, и тоже красиво. Когда выныривает рядом, я смеюсь:

— Какой-то философский камень откровений нам попался!

— Пофилософствовать бывает полезно, как и поспорить. Расширяется угол зрения, формируется новое мнение. Двигаешься вперед, — рассуждает Макс, подплывая ближе.

— Так может, теперь ты влюбишься? — брызгаюсь.

— Может и влюблюсь! — усмехается и брызгается в ответ, но я успеваю занырнуть под воду.

Макс догоняет, хватает за ногу и подтягивает к себе. Щекочет, а я хохочу и вырываюсь. Он снова догоняет. Я запрыгиваю на него и топлю. Мы дурачимся, как дети. Опять взбираемся на камень и ныряем на спор, кто быстрее доплывет до скутера. Видя, что я отстаю, Максим намеренно замедляется и дает мне себя обогнать.

— Так нечестно! Ты поддался! — в шутку пихаю его на финише.

— Что за предьявы, Элли? — возмущается наигранно. — Я никогда не поддаюсь! Ты уделала меня по-честному!

Мне приятно до чертиков. Он понял, что я не люблю проигрывать и уступил. Какой же он классный! И мне нравится, когда он зовет меня Элли. Так меня никто не называл.

Мы сидим в воде, пока солнце не садится в море. Отчего оно становится золототым и кажется еще теплее. Вылезать совсем не хочется, но пора.

— Костян звонил и три смс-ки прислал. Переживает, что скоро стемнеет. Они там заскучали, и столик в ресторане ждет.

Пересказав сообщения друга, Максим складывает телефон обратно в багажный отсек и протягивает мне бутылку с водой. Я делаю несколько глотков, он пьет много и жадно.

Мы теснимся на одном камне, пошатываемся от набегающих волн. Я пытаюсь сплести подсохшие волосы в косу, одна прядь выбивается. Макс подхватывает ее и заправляет за ухо, касается пальцами щеки. Когда наши взгляды стыкуются — оба замираем.

— В твоих зрачках отражается солнце, — произношу я смущенно.

— Я в твоих вижу звезды, — отражает он.

Он смотрит за закат, я — на наступающую с востока ночь. Это символично и так романтично, что у меня мурашки рассыпью по коже.

— Никогда не забуду этот день. Ты сделал его особенным, знаешь?..

Я зачарованно смотрю в его невероятные глаза, хватаю ртом воздух. Хочу поделиться идеей блога, поблагодарить за нужные слова, сказанные вовремя, и за то, что защитил, стал моим ангелом-хранителем... Я так много хочу ему сказать, но не успеваю.

— Больше не могу, — как-то обреченно произносит Макс и накрывает мои губы своими.

Целует он уверенно. С таким напором, что я немного пугаюсь. Так меня еще не целовали. На такой поцелуй невозможно ответить — только принять. И я принимаю. Прикрыв глаза, расслабляюсь в его руках и чувствую, как внутри взрываются салюты: мощные, яркие, разноцветные.

Вкусы, запахи... Они другие. Нравятся очень. Будят во мне что-то новое.

Макс одной рукой сжимает мою талию, второй прихватывает сзади шею. Целует чувственно и глубоко. Сногсшибательно. Ноги в прямом смысле слова не держат. Я обнимаю его за шею и льну всем телом, чтобы не упасть.

Мы почти голые и одни в безлюдном месте. Целуемся по-взрослому. Влечение взаимное и бесконечно набирает обороты. Низом живота я чувствую эрекцию. Это будоражит. Кровь во мне будто бурлит, заставляя тело содрогаться. От понимания того, что будет дальше — кончики пальцев немеют. Я хочу это «дальше».

— Еще, Макс... Еще, — молю, когда он отпускает мои губы.

— Тормозим, Лиза, — выдыхает тяжело. — Потом остановиться будет сложно. Не уверен, что смогу.

— Но я хочу продолжить, — говорю с придыханием.

Я смотрю на него предано и с готовностью, он на меня — осторожно и изучающе. Приглаживает разлетающиеся по ветру волосы и почти невесомо водит пальцами по лицу. Я дурею от этой ласки и прихватываю губами его палец.

Макс одергивает руку, берет меня за плечи:

— Не делай так, не нужно провоцировать, Лиза. Я не хочу стать главным мудаком в твоей жизни.

— Стань главным мужчиной! Первым, — предлагаю открыто.

— Девственница все-таки, — качает головой.

По виду — расстроился.

— Это не проблема, — спешу успокоить. — Ты даже не заметишь. Я не стану плакать и кричать, обещаю.

Ни стыда, ни совести у меня. Да и черт с ними! Я ослеплена страстью, обезумела от переизбытка чувств.

Я влюбилась.

Макс задумчиво меня разглядывает. В глазах смятение.

— Ну не здесь же...

— Почему? Здесь красиво, а в воде даже лучше, я читала, — намираю.

— Послушай, девочка Элли, — выдыхает он и, притянув за шею, упирается в мой лоб своим. — Я ничего не могу тебе обещать, я...

— А мне от тебя ничего не надо, — перебиваю. — Я тебе доверяю и хочу, чтобы мой первый раз был с тобой. Хочу, понимаешь? Я тебя прошу!

— Хорошо, — соглашается. — Но это будет не здесь. Давай вернемся в поселок.

Несколько раз я быстро киваю. Потом мы долгие секунды смотрим друг другу в глаза, как бы закрепляя договоренность. В его зрачках бушует огонь, и это не солнце, оно уже ушло за горизонт.

Возвращаемся в темноте.

Макс вытаскивает скутер на сушу и подает руку. Едва мои ноги касаются песка, притягивает к себе и снова целует. Сразу с языком, захватывающе. Мои рецепторы уже узнают его вкус и посылают мозгу сигнал восторгаться. Этот парень определенно умеет целоваться. Я плавлюсь и таю в его руках, готовая на все. Издаю тихий жалобный стон, когда он прерывает поцелуй и шепчет мне в губы:

— Не будем торопиться, Элли. У нас впереди ужин, и мы с тобой еще не танцевали.

— Это необязательно, — веду кончиком носа по его щеке, втягивая с кожи запах соли.

— Обязательно, котенок, — улыбается и чмокает в нос.

Боже мой... Эти его поцелуи и нежные касания, этот низкий шепот и то, как необычно он меня называет — все это сводит с ума. Взвзвись за руки, мы идем по пляжу, и меня распирает от счастья. Сердечко бьется часто-часто. Я влюбилась в Макса Доронина по самые уши.

У бара нас ждут друзья. Лера уже нетрезвая, а Костик голодный и злой. Ему не терпится заселиться в отель и пойти на ужин, а мы задерживаем. Макс с улыбкой извиняется, хмурый Баринов качает головой. Лерка суетливо собирает сумки. Все уходит к машине, а я бегу к вагончику переодеть купальник. Там и сталкиваюсь с Костей, который вернулся за зарядкой.

— Ты же в курсе, что Макс никакой не волшебник? Что скоро он уедет? — спрашивает он, преграждая мне проход. — Понимаешь, что с собой не заберет?

— Понимаю, не тупая, — улыбаюсь, поправляя перекрутившиеся бретельки сарафана. — Но зачем ты это говоришь?

— Предупреждаю, чтобы не теряла голову.

— А тебе-то что?

— Я же вас познакомил, чувствую ответственность.

— Кость, ты моего имени не знал, когда мы с Максом познакомились.

Я не сдерживаюсь и хихикаю, а Костик вздыхает:

— Думал, ты серьезнее. Ты же ничего о нем не знаешь. Может, он женат там, в своей

Кенгурятини?

Я все еще улыбаюсь:

— Это такая шутка, да?

— А ты спроси у него.

Вид у Баринова непривычно серьезный. Мне не по себе становится, улыбка тает, но я быстро возвращаю ее на место:

— Да мне пофиг, Кость! У меня тоже отношения уже два года. Подумаешь! С Максом у нас так, легкий романчик. Лето, море, все такое... Не парься, никто не влюбится.

Я несу откровенную чушь. Костик недоверчиво кивает.

— Смешная ты, Лиза. Наивная совсем. Почись у подружки ушлости, тебе будет полезно.

Погладив меня по плечу, он уходит, а я так и стою у вагончика с полотенцем в руках. Что это было вообще? Он просто приколотся или реально сдал женатого друга?

Ужин в ресторане проходит напряженно. За нашим столиком каждый чем-то недоволен: Лере кажется кислым вино, Максим не в восторге от еды, Костика бесит нерасторопность официантки. Я в таком раздрае, что мне не нравится ничего. Мое вино нетронуто, салат недоеден, настроение на нуле.

После Костиных намеков я сама не своя. Кручу и кручу его слова. Ничего конкретного он не сказал, но зерно сомнения заронил, и оно проросло. Мысль «а что, если...» стала фоновой и потихоньку гложет.

— Хочешь десерт, Лиза? Мороженое?

Макс берет меня за руку, поглаживает пальцы и заглядывает в глаза. Это так мило, а я зажимаюсь. Еще час назад мечтала, чтобы он прилюдно проявлял нежность, теперь — стыжусь.

Если он действительно женат, то кто я тогда получаюсь? Для него и для всех. Как называют тех, кто спит с чужим мужем? Шалава, шлендра? Или все-таки шлюха? Ужасно неприятные слова, и все на букву «ш».

— Нет, спасибо, — отвожу взгляд и забираю руку. Чувствую, что краснею.

Ну как же так? Не могу поверить, что Максим меня обманывает. На его пальце нет кольца, в его соцсетях ни намека на семью. Мы с ним много общались, он достаточно откровенно рассказывал о себе и своей жизни. Если бы недоговаривал, я бы заметила. Нет, не похож он на женатого. Но почему-то Костя завел этот чертов разговор?

Баринов весь день ведет себя странно. Предложил весело провести время, а сам постоянно чем-то недоволен. Нервный какой-то и шутит не в тему. До ужина мы вчетвером заселились в двухкомнатный номер. Макс хотел забронировать для нас отдельный, но в разгар сезона отель оказался забит под отказ. Костя предложил бросить монетку, кому достанется спальня и пошутил, что нас с Лерой можно тоже разыграть на «орел-решка». Я офигела, но виду не подала, а Макс в лице поменялся заметно. И Нечаева смеяться перестала. Неудачную шутку Костик замял, но осадок после нее остался у всех.

После ужина мы возвращаемся в «Альбатрос». По субботам Костя приглашает диджеев. Этим вечером играет известный в тусовочных кругах Даня Краш.

В баре битком. Сегодня здесь не только отдыхающие и местные, молодежь из соседних сел тоже приехала посмотреть на крымскую знаменитость. Музыка играет громко, биты бьют часто. Народ ритмично дрыгается, к барной стойке не пробиться.

— Что тебе принести? — спрашивает Макс, притягивая меня за талию и целуя в висок.

Его прикосновения по-прежнему приятны, но я на них не откликаюсь. Включила режим «заморозка». Не оттаю, пока не выясню, женат он или нет. Вот только как это сделать — ума не приложу. Спросить прямо я не смогу.

— Макс, захвати мне «Кровавую Мэри», плиз! — визжит Лерка, налетая на меня сзади. — Мы с Веткой будем ждать тебя здесь.

— А тебе не хватит? Пиво пила, вино пила, теперь водку, — хмыкает Максим.

Нечаева ему не нравится, и он не скрывает этого, но ей фиолетово.

— Так все правильно, я повышаю градус, — хохочет она и толкает меня к забронированному для нас топчану.

Как только Макс отходит, я придвигаюсь к ней вплотную. У меня голова взрывается от

подозрений, хочется поделиться.

— Как думаешь, Доронин может быть женат? — спрашиваю сразу по сути.

— Чего? — выкатывает глаза подруга.

— Мне вдруг показалось. Он довольно скрытный и не форсирует со мной, — поясняю.

— Ну нет, на женатика он не похож, — мотает головой Лерка, но задумывается. — А ты его гуглила?

Гуглить людей я не привыкла, а идея хорошая.

Достаю телефон, вбиваю имя и получаю десятки страниц с ссылками на самые разные сайты. Максимов Дорониных много, оказывается. Один из них известный скульптор, другой в правительстве работает...

Поняв свою ошибку, переписываю имя Макса на английском и добавляю *Australia*. В результате выходит почти пятьдесят ссылок, что тоже немало, но все они о нужном мне человеке. В основном, это обзорные статьи, связанные с рынком криптовалют. Лексика в них непонятная, Макс упоминается в числе других игроков рынка. По пятой ссылке я перехожу на его интервью одному крупному бизнес-изданию.

— За криптой будущее. Кто этого еще не понял, тот уже проиграл. Так считает молодой австралийский майнер Макс Доронин, — вслух читаю текст, выданный онлайн-переводчиком. — В прошлом году он задекларировал почти миллион долларов от реализации крипто монет...

— Чего? — тормозит меня Лера. — Миллион долларов? Макс? А какого черта он живет в старой стремной хате? Может это не о нем?

— Точно о нем. Тут есть фотография, — показываю экран.

Макс на фото чертовки хорош: загорелое лицо с открытой улыбкой, ярко-синие глаза, белая рубашка...

— Офигеть! Он реально миллионер...

Лерка аж слюной захлебывается, а я продолжаю бегло просматривать ссылки. В австралийском интернете о Доронине много информации, но вся она связана с его необычным бизнесом. О личной жизни я ничего не нахожу.

— ...Была бы жена — о ней бы написали, — делает Нечаява вполне логичный вывод.

— Он мог жениться недавно, — предполагаю я.

— И сразу мотанул в Крым развлекаться? А жену оставил дома, на хозяйстве? Ой, Вет, не морочь голову! Ерунду ты надумала. Говорю тебе: не женат он. У меня нюх на женатиков.

— А если все-таки?

— Не хочешь мутить с ним? Давай я вместо тебя. Не пропадать же такому добру! — хихикает Лера, толкая меня плечом.

— Дура ты, Нечаева! — толкаюсь в ответ. — У тебя же с Костиком любовь-морковь и секс до утра.

— Баринов товарищ ненадежный и блядовитый. К тому же миллиона у него нет. Твой Доронин — перспективнее. И вообще... Он ничего.

— Лера, не вздумай! Не смей к нему подкатывать! — цежу, как угрозу.

— Испугалась? И правильно! Молодые миллионеры не каждый день встречаются. Не щелкай клювом, подруга! Тащи его в койку и сразу беременей. Таких иначе не удержать...

Она вроде шутит, но глаза задумчивые. Нечаеву сложно назвать умной, но определенная житейская мудрость у нее имеется, равно как и ушлость, о которой упоминал Костя.

Отчасти Лера права. Макс Доронин живет по своим правилам. Он сконцентрирован на

карьере и прямо говорит, что не заинтересован в отношениях, но он ответственный и у него гипертрофированное чувство долга. Он не бросил сестру после смерти мамы, собственного ребенка тем более не оставит. Но удерживать парня таким способом — это омерзительно.

— Я никогда не стану цепляться за мужика, — категорично мотаю головой. — Если нет взаимности, какой смысл?

— Обеспеченная жизнь — вот смысл. Родить богатенькому дяде бэбика — гарантировать себе статус.

— Детей надо рожать по большой любви, а не по расчету! — возражаю резко.

Лера бесит. Нельзя же быть настолько беспринципной!

— Ну-ну, и замуж идти исключительно по большой и чистой, — снисходительно улыбается Нечаева, словно я сказала ерунду.

— Замуж — только по любви, по самой настоящей. От которой крылья за спиной и бабочки в животе, о которой на весь мир кричать хочется! Иначе на фига все это надо?

Нечаева цокает языком и продолжает кривиться. Спорить с ней бесполезно, стать такой же — противно. Костя дал мне плохой совет. Я не буду учиться у Леры ушлости, это точно не для меня.

— О чем ты тут вещаешь так эмоционально?

Макс неслышно подходит сзади, протягивает Лере ее коктейль, а мне мою колу с лимоном.

От неожиданности я вздрагиваю и тушуюсь:

— Да так, не важно...

Надеюсь, он не слышал моих излишне пламенных и максималистских речей. Когда речь заходит о любви, меня часто заносит в сторону идеализма.

Макс кладет руки на мои плечи, наклоняется и заглядывает в глаза:

— Потанцуешь со мной?

Его глубокий и проникновенный взгляд переключает фокус, как по щелчку. Я забываю о Лере с ее потребительскими суждениями и думаю о том, что будет дальше с нами. Мы собирались поужинать и потанцевать, следующим пунктом шел секс. Пока мы были наедине такой план казался идеальным и я была полна решимости, но теперь все изменилось.

Макс подает руку. Сердце проваливается, но я встаю и протягиваю свою. Мы идем не на танцпол, а к морю. Уходим в сторону и остаемся наедине.

Музыка слышна отдаленно, ветер сносит ее в другую сторону, шелест волн приглушает. Мы стоим у самой кромки, босиком на прохладном песке. Не танцуем, просто обнимаемся.

В глубоком темном небе мерцают звезды, их бесконечное количество. Самые яркие из них падают и сгорают, исчезают в черноте. Августовский звездопад над морем — впечатляющее зрелище, но у меня не получается им насладиться. Макс смотрит на меня с нежностью, гладит по спине, а я борюсь со стремительно нарастающей тревогой.

Только что я поняла, насколько для меня важна и даже обязательна любовь. Та самая, от которой сносит башню и которая чужда Максиму Доронину. Этот парень в любом случае не даст мне того, в чем я нуждаюсь. Он не ответит на мои чувства взаимностью и предупредил об этом. Костик прав: Макс просто разобьет мне сердце и уедет в свою Австралию. Чем ближе подбирается ночь, тем отчетливей я это понимаю и тем сильнее хочется сбежать. Пока еще не поздно.

Обожаю рассматривать свадебные фотографии. Лица на них счастливые, взгляды преисполнены любовью и верой в прекрасное завтра. Даже если жених без пиджака, а невеста в обычном платье и с садовыми ромашками, как на первой семейной фотке моих родителей. У них не было свадьбы, только роспись в тайне ото всех. Маме на тот момент было, как мне сейчас — восемнадцать, родители не одобряли ее выбор. Они приняли отца уже после моего рождения.

Долистав родительский фотоальбом, прикрываю глаза и сглатываю слезы. Папы нет почти четыре года, а я никак не могу в это поверить. Он такой живой на этих фотках, такой красивый... Мама смотрит на него с восхищением, он на нее — с безграничной нежностью. Как же я понимаю их теперь, когда сама влюблена, как понимаю...

Любовь — самое удивительное и загадочное чувство из всех существующих. Только оно способно приносить одновременно радость и боль. Влюбленность в Макса в считанные дни преобразила мою жизнь, наполнив ее красками и смыслом, она же стала источником тревоги и грусти. Я успела побывать на седьмом небе от счастья и почувствовать себя глубоко несчастной.

В тот вечер я всерьез запаниковала и все-таки сбежала. Придумала, что мама неожиданно вернулась и устроила мне телефонные разборки, а ей нельзя нервничать. Соврала.

Макс хотел уехать со мной, но все его отговаривали. Он заплатил за мое такси баснословную сумму.

Прощаясь, мы долго целовались. Сердце умоляло наплевать на все принципы и остаться, но разум настойчиво советовал драпать. До самого дома я терзалась сомнениями, что поступила правильно, лишь к утру успокоилась. Достала блокнот и начала прописывать концепцию будущего блога.

Следующим вечером Максим позвонил и предложил встретиться, погулять или поужинать. Я вежливо отказалась, сославшись на плохое самочувствие. Уже решила, что буду от него морозиться. Он не стал настаивать и уговаривать. Вчера сообщением спросил, как дела. Я ответила, что все хорошо, только много дел и совсем нет времени. Больше он не тревожил.

Сложив родительский альбом в коробку, заклеиваю ее скотчем и подписываю маркером. Третий день я пакую вещи по системе с нумерацией и подробной описью. Мама со Славой начали переезд в новый дом. В первой половине дня я помогаю им, после обеда хожу в поликлинику на физиотерапию. Я правда занята и стараюсь не думать о Максе, но память то и дело возвращает меня в те сумасшедшие сутки, которые мы провели вместе. Лучше бы мне все забыть, но разве возможно? Я так сильно влюбилась. И поговорить об этом не с кем. Лерка умотала на дачу, на мои звонки и сообщения не отвечает.

— Вета, мы уезжаем, — оповещает мама из коридора. — Больше коробок не возьмем, машина полная.

— Тут всего три штуки осталось, — отзываюсь через дверь.

— В следующий раз. Вернемся завтра. Пока!

— Счастливо, мам!

Высовываюсь, чтобы махнуть на прощанье, но дверь за ней уже закрывается.

Они со Славой повезли очередную партию вещей. Отделка дома практически завершена, им не терпится начать обживать. Коттедж находится за городом, в тихом живописном месте рядом с лесом, маме в ее положении будет хорошо там.

Оставшись одна, я открываю настежь окно и включаю музыку. Сегодня я снова танцевала во сне. Движения были сложными, интересными. Хочу повторить их на камеру, пока не забыла. У меня уже несколько подобных видео. Это только наброски, из которых позже я собираюсь поставить полноценный танец в студии Ники и Влада.

Установив телефон на подставку, встаю перед зеркалом, запрокидываю голову и раскидываю руки по сторонам. У меня есть пять минут, потом нужно бежать в душ и собираться. Через час я должна быть в приюте.

Танец не идет. Я никак не могу сконцентрироваться, сбиваюсь с ритма. Мысли совсем о другом. Вчера от имени Макса на счет приюта поступила приличная сумма. Владелица еще утром написала, что нужно позвонить ему и поблагодарить, а я никак не решаюсь. От одной мысли, что услышу его голос, в жар бросает.

Выключаю музыку и плетусь на кухню. Аппетита нет, но что-то съесть необходимо — в приюте мне понадобятся силы. Достая из холодильника питьевой йогурт, но открыть его не успеваю — в дверь продолжительно звонят. Уверенная в том, что это мама вернулась, я несусь в прихожую и открываю, не глянув в глазок.

Огромный букет, над ним родной взгляд... Я замираю на пороге.

— Привет! Звоню-звоню... Войти-то можно?

— Здравствуй, Илья. Я не слышала. Проходи, конечно.

Сделав шаг назад, впускаю гостя.

— Я тебе писал и звонил несколько раз. Почему не отвечаешь? С телефоном что-то случилось?

— Случилось, — киваю заторможенно.

Много всего случилось, но не с телефоном. Я намеренно не отвечала, не хотела с ним говорить.

— Держи, это тебе... С днем рождения!

Красовский протягивает увесистый букет из белых лилий и бордовых роз. Мое лицо каменеет. С недавних пор темные розы вызывают у меня острую неприязнь, но откуда ему знать, последний раз мы разговаривали накануне того вечера.

— Спасибо, — осторожно принимаю цветы. — День рождения был пять дней назад, я успела о нем позабыть.

— Только вчера вечером придетел, задержался на несколько дней в Москве. Ульяна познакомила с полезными людьми, у нее хорошие подвязки в Ассоциации, — будто оправдывается Илья, разуваясь.

Новая тенниска сиреневого цвета ему очень идет. В повседневной жизни он любит светлые тона в одежде, на паркете обычно в черном.

— И как там, в Москве?

— Как обычно. Народу много, суета, — отмахивается. — Подарок в ЦУМе тебе купил. Надеюсь, понравится.

Красовский достает из кармана коробочку бирюзового цвета и открывает ее. Там подвеска в виде сердечка. Банально, но мило.

— Красиво, — выдавливаю улыбку.

— Тиффани, — комментирует с гордостью.

Он наклоняется, чтобы поцеловать, но я прячусь за букет и ухожу на кухню.

— А что ты, как ежик? Не рада мне? — следует за мной.

Я ему не рада, но сказать об этом прямо — грубо и жестоко.

— Все нормально, тебе показалось, — бросаю через плечо и опускаю букет в раковину.

Цветочные вазы уже уехали в новый дом, а искать подходящую емкость мне некогда. До приюта добираться минут сорок, мне уже пора выходить.

Илья подходит и обнимает сзади:

— Я не слепой. Слишком хорошо тебя знаю, — дважды целует в плечо. — Ну что такое, Вета? Ты какая-то не такая...

— Что у тебя с Ульяной? — резко разворачиваюсь.

Он явно пугается:

— А что у меня с ней? Мы танцуем, пока не очень успешно. Ты это знаешь.

Я пристально смотрю ему в глаза. В висках стучит, в груди неприятно давит. Мои мысли и сердце заняты другим, почему же так неприятно?

— Я видела, как вы целовались. Случайно, в сториз у Дарины, — поясняю внезапно охрипшим голосом.

— Елизавета... — выдохнув мое полное имя, Илья качает головой. Так он называет меня, если я что-то не так говорю или неправильно делаю. — Мы чмокнулись чисто подружески. Что такого?

— Ничего. Это не было похоже на дружеский поцелуй. Я тебя тоже неплохо знаю, — бурчу.

Красовский садится на стул и закидывает ногу на ногу. Высокий, стройный блондин с аккуратной стрижкой и идеально выбритым тонким лицом. Я смотрю на него и не могу понять, что мне в нем нравилось. Он же совершенно не в моем вкусе!

— У вас тут что-то изменилось, — замечает он, оглядывая опустевшую кухню.

— Мы переезжаем в загородный дом, — встаю напротив и скрещиваю руки на груди. — Мама ждет ребенка.

— Вот это новости! Неожиданно. Что я еще пропустил? — зеркалит мою позу.

Много чего ты пропустил, Илюша. Ох, как много. Даже не знаю, стоит ли все рассказывать. Наверяд ли ты захочешь это знать.

— Мне нужно выходить, — смотрю на часы над его головой. — Сегодня день волонтерства в приюте.

— А ты забей и не ходи, это же неважно.

— Ты ошибаешься. Для меня это очень важно.

— Да ладно тебе, Веткин! Мы неделю не виделись, — подмигивает с улыбочкой. Давай хоть отпразднуем твой бёздник. Можем сходить в ресторан или заказать домой пиццу и купить вина. По-взрослому...

Он облокачивается на спинку и улыбается. На левой щеке появляется ямочка, вокруг глаз — тонкие лучики морщинок. Миловидное лицо становится по-мальчишески озорным. Я его любила и всегда буду любить. Как партнера по танцам, как друга, как родного человека... Но не так, как женщина любит мужчину. Теперь я знаю разницу.

— Она тебе нравится? — спрашиваю, вглядываясь в теплые карие глаза.

— Кто? Ульяна? — продолжает улыбаться. — Она классная. Веселая и заводная. Оторва! И танцует неплохо, но ты лучше. У нее хорошая техника, но...

— Илья! — перебиваю нервно. — Ты же понял, о чем я пытаюсь спросить.

— Ревнуешь? — сощуривает он свои улыбчивые глазки. — Напрасно. К Ульке хахаль на «Панамере» ездит, куда там мне! Она в бутиках одевается, после Англии на Мальдивы собирается...

Он еще что-то говорит, но я не слушаю. Смотрю сквозь него и думаю о своем. Совершенно точно не ревную. Мне хочется, чтобы у него был роман с Улей. Я сама всерьез увлеклась другим и мне стыдно. Пытаясь уличить Красовского в измене, я ищу возможность оправдать себя, и это некрасиво.

— Илья, прости. Думаю, нам лучше расстаться, — произношу тихо, но уверенно.

Его лицо вытягивается:

— Как это? Почему?

— Наши отношения себя исчерпали. Я больше не хочу...

— Ты это серьезно?

— Абсолютно. И я не передумаю, — припечатываю.

Илья опускает глаза и молчит. Переваривает. Вид у него растеренный и жалкий. Я чувствую себя стервой, мне его жаль и как-то горько. Непросто окончательно рушить то, что давало основу, пусть только видимую.

Я обхватываю себя за плечи, закрываюсь. Красовский вскидывает на меня красноречивый взгляд. Он настолько обреченный, что у меня все внутренности до боли сжимаются. Это я его бросаю, так получается.

Мы долго смотрим друг другу в глаза. Между нами нет трепета, притяжения, страсти... Их никогда не было, но мы дороги друг другу, мы — не чужие, и соединяющие нас нити сложно враз разорвать.

Я отвожу взгляд первой, не выдерживаю напряжения. Отворачиваюсь, дрожащими руками хватаю чайник и набираю к нему воду. Мне пора выходить. Поесть теперь точно не получится, возьму с собой термос со сладким чаем.

Макс

— Я не вор, вы не подумайте, — улыбаюсь и достаю из кошелька две новенькие купюры.

— Вижу, не дурак! — с достоинством заявляет охранник, сминая деньги в кулаке.

Спорное утверждение, но дискутировать я не настроен. Этот мужлан не хотел пускать меня на территорию заброшенного завода по австралийским правам, сказал, что не умеет читать по-английски. Правда это или способ вымогательства — без понятия, но мои деньги уже лежат в его кармане.

Прокашлявшись в кулак, охранник открывает турникет. Проходя мимо, я задерживаю дыхание. Ненавижу запах перегара и в принципе любую вонь, а от него такой ядреный выхлоп, что съеденный час назад бургер просится обратно.

У вольеров с животными ароматы тоже не из приятных. В них вроде бы чисто, но жара стоит такая, что как не драй — вонизма остается. Я непроизвольно кривлюсь и стараюсь не дышать глубоко, но как только замечаю знакомую фигурку — запахи перестают иметь значение.

— Бармалей, сиди спокойно! Весь в репьях, весь в колтунах... Где ж ты так извалялся, негодник? Специально к моему приходу старался? — приговаривает Лиза, склонившись над лохматым собакем.

На ней короткие джинсовые шорты и обтягивающий спортивный топ, светлые волосы собраны в высокий хвостик на макушке. Несколько прядей выпали и обвивают тонкую шейку. Я притормаживаю в нескольких метрах, с жадностью рассматриваю. Ровная спина, тонкая талия, стройные ножки... Капец какие красивые, несмотря на шрам. Костян сказал, что Лиза Бережная ладненькая, а мне она видится совершенной. Я не встречал девушек прекраснее.

Черный, как уголек собакем вокруг нее вьется, ластится и руки прикусывает. Она его ловит и на бок укладывает, присаживается рядом.

— Бармолеюшка, солнышко, ну что ты разнервничался? Потерпи еще немного, — уговаривает, пытаюсь вычесать сбившуюся под пузом шерсть.

Завидев меня, пес встает на лапы и порыкивает. Лиза его гладит, меня не замечает.

— Привет, девочка Элли. Зачем Тотошку Бармалеем называешь? — усмехаюсь, подходя ближе.

Лиза поворачивается, поднимается с корточек.

— Максим? Привет! Ты как здесь?

Ее хорошенькое личико озаряет улыбка. Она мне рада, а я-то как! У меня дыхание перехватывает, когда наши глаза встречаются. На ней перчатки по локоть, вокруг вонища, как в старом городском зоопарке, а мне целовать ее хочется. Я соскучился.

— Ты рассказывала, что по средам бываешь здесь. Я пришел. Не против? — делаю шаг навстречу.

— Нет, конечно! Хорошо, что пришел, — улыбка расплзается шире.

Собакем на меня скалится, она на него шикает и тоже делает шаг. Я больше не могу себя сдерживать. Дернувшись вперед, обнимаю ее и целую в уголок улыбчивых губ. В следующую секунду лохматая псина с рыком хватает меня за штанину.

— Фу, Бармалей! Иди на место! — кричит на него Лиза, оттаскивая. — Прости, это он ревнует.

— Еще бы! Сначала чешешь ему пузо, а потом с другим целуешься. Ишь, изменщица какая! — смеюсь, отряхивая брюки. — Не напрягайся, дружище, я все равно ее уведу, — помигиваю псу.

Лиза хихикает и тушует. Щеки ее розовеют, глаза вспыхивают, превращаясь в огромные яркие звезды. Ей идет смущение, а мне нравится ее смущать. Когда она закрывает собаку в вольере и снимает перчатки, притягиваю ее и нежно целую в висок. Замираю на несколько секунд. Легкий аромат цветов, слетающий с ее волос — просто манна небесная в этой тотальной вони.

Лиза опускает руки мне на плечи. Касается робко, почти невесомо.

— Как ты меня нашел?

— Если скажу, что по прекрасному запаху твоих духов — примешь за пикапера?

— Ты точно не из этих, — улыбается, качнув головой. — С директрисой нашей говорил? Она тебе адрес дала?

— Адрес был в реквизитах для пожертвований. Забавное, кстати, название у приюта — «Лапусики».

— Название смешное, но дело это серьезное. Спасибо, что тоже участвуешь. Лично от меня и от всей команды! Ирина Михайловна рассекретила мне сумму. Это... слишком, но мы все тебе благодарны. Очень! Я собиралась позвонить, чуть позже, вечером...

Она говорит так взволнованно, что я и сам начинаю нервничать.

— Я не сделал ничего особенного. Это просто деньги.

— Эти просто-деньги спасают жизни! Они как раз особенные, как и твое сердце, в котором есть доброта. Идем, — берет меня за руку, — я должна показать тебе тех, кому ты помог.

Под залиvistый лай цапнувшего меня засранца Лиза ведет меня вдоль вольеров, у каждой дверцы останавливается и кратко пересказывает непростую историю ее обитателя. Старается говорить ровно, но голос дрожит и глаза на мокром месте. Не знаю, насколько особенное сердце у меня, но у этой девочки оно точно необыкновенное. И я вдруг чувствую, что должен его покорить, занять в нем главное место. И это не просто желание — скорее необходимость. Острая, крайняя, неотложная.

Пройдя длинный ряд клеток, мы подходим к покошенному строению без окон, похожему на заброшенный ангар.

— Это наш склад, — поясняет Лиза. — Давай познакомлю с людьми, работающими здесь? Ирины сегодня не будет, но есть кураторы и другие волонтеры. Они тоже хотят сказать тебе спасибо!

— Я пришел сюда не за благодарностью, а к тебе.

Она мило улыбается и опускает глаза. Снова смущается до легкого румянца, а я внаглую ее рассматриваю. Не могу отказать себе в этом удовольствии. Четыре ночи подряд представлял по памяти — в реальности она лучше.

— Можно пригласить тебя на свидание? После того, как ты закончишь нежить и влюблять в себя бездомных кобелей.

— Я уже закончила, — хихикает. — Теперь мне нужно ехать в поликлинику, на массаж и аппаратную терапию.

— Давай отвезу, и подожду.

— Там долго. Почти два часа.

— Не проблема, я подожду, — настаиваю.

Лиза на меня не смотрит, буровит взглядом трепанные кеды. Наклонившись вперед, заглядываю ей в лицо:

— Или ты не хочешь на свидание со мной?

Она кусает сочные губки и молчит. Хочет, но боится меня почему-то. Я это вижу и стараюсь не давить. Очень стараюсь, но получается хреново. Она мне снится каждую ночь. Так чарующе откровенно, что просыпаюсь с болезненным стояком и работать нормально не могу. Задолбался, если честно. Никогда еще так навязчиво не хотел девушку. Если согласится — больше не отпущу.

— Я хочу, с тобой, — лепечет Лиза, подтверждая мои мысли.

— Тогда поехали?

Кивает.

— Только в душ сбегая...

— В какой еще душ?

Ничего не понимаю. Вокруг нас полуразрушенные корпуса бывшего завода кинескопов и вольеры с животными. Откуда тут душевые?

— Летний, — показывает куда-то в сторону. — Ребята сделали, чтобы после работы можно было ополоснуться. Только он не закрывается и вообще... Ненадежный. Я обычно в паре с одной девочкой хожу, но ее сегодня нет. Посторожишь меня, ладно?

Вот она — святая простота. Меня наизнанку выворачивает от желания видеть ее голой под собой, а она просит не подсматривать, пока душ принимает. Лиза, Лиза...

— Я почти закончила! — оповещает тоненьким голоском.

— Не торопись, я тебя жду, — откликаюсь.

Вода из пластиковой бочки перестает литься, я неслышно подхожу ближе. Что за дятел додумался сбить душевую из строительных поддонов? В них же сплошные щели! Как устоять-то?

Лиза стоит ко мне боком, надевает сарафан. Легкая ткань скользит по поднятым рукам и изгибам стройного тела. Я дышать перестаю — настолько это прекрасно. Изумительно. Лиза изумительна! Влечет к ней адски. Тормозить себя бесполезно, никакие доводы не работают, эмоции забивают логику и тупо кроют. Ничего не могу поделать с собой, дурею от этой девочки.

Из приюта мы выходим, по-детски держась за руки. Я предлагаю позже мотануть на море, Лиза легко соглашается. Она вообще покладистая, если хорошенько придавить.

Забрав на проходной два шлема, протягиваю ей тот, что меньше. У нее глаза округляются:

— Ты приехал на мотоцикле?

— Взял у Костяна покататься. Не боишься?

— Нет, что ты! Обожаю ездить на мотоцикле. У папы был «Кавасаки».

Мы подходим к ярко-красной «Хонде» Баринаова, Лиза смеется:

— Ой-ой-ой! Костя любит все яркое и красивое.

— Да, но самую красивую девушку Крыма он проворонил.

Я обнимаю ее за плечи и чмокаю. Она снова тушует, а я балдею. Меня ведет от нее и ее розовых щечек.

— В платье не очень удобно, я прижмусь к тебе, ладно? — оправдывается, устраиваясь

сзади и крепко меня обнимая.

Тонкие руки обвивают ребра, за ними бесконтрольно расплзается тепло. Приятное, щемящее. Я ловлю приход неописуемого кайфа и угаваю, будто немой или тупой. Не нахожусь, как пошутить, да и не хочется — мне не смешно. Сердце в груди толкается часто и мощно. В башке гудит так, что перебивает рев «Хонды» на старте. Походу вляпался я.

— Беременная?..

Голос четкий, а изображение плывет. Я зажмуриваюсь, морщусь. Чем так ужасно пахнет? Запах едкий, до тошноты.

— ...Девонька, на меня смотри! Ты беременная, спрашиваю?

— Не беременна она. И зовут ее Лиза, я же вам сказал!

Это Макс, по голосу его узнаю.

— А ты ей кто будешь? Друг?

— Почему друг? Лиза моя девушка.

Он произносит это раздраженно, но интонация сейчас не важна. Смысл фразы приводит в чувства лучше нашатыря.

— Что случилось? — пытаюсь приподняться.

Голова как ватная, руки-ноги и вовсе неподъемные.

— Ты упала в обморок, Лиза. У тебя проблемы со здоровьем? К доктору приходила?

Женщина в форме медперсонала помогает мне сесть, надевает на руку манжету тонометра. Я делаю глубокий вдох и прикрываю глаза. Вокруг все кружится, словно до этого я часами не слезала с карусели. Впервые со мной такое. Даже когда ногу сломала — от боли выла, но не отключалась.

— Со здоровьем нормально, — выдыхаю. — Я прохожу тут реабилитацию, после травмы, — договариваю через паузу.

Медсестра называет какие-то цифры и отходит к столу. Теперь я вижу Макса, он стоит в дверях и хмурится. Блин. Я грохнулась у него на глазах.

Вышла после процедур, а он ждет у мотоцикла. Красивый и с букетом нежных роз, похожих на зефирки. Я к нему не шла — летела, земли под ногами не чувствовала, а дальше — темнота. Влюбиться до потери сознания — такое и в реальности возможно, а я думала, только в книжках так пишут.

— Тебе точно лучше?

Макс смотрит настороженно, держит меня под руку. Дверь кабинета за нами закрывается, оставляя в полумраке душного коридора. Мне и стыдно, и обидно.

— Скажи честно, я хреново выгляжу?

Уголок его губ дергается вверх, рука сильнее сжимает локоть.

— Это невозможно. Ты прекрасно выглядишь. Идем, такси уже ждет.

Мы выходим с другой стороны здания, справа от двери замечаю табличку «Женская консультация». Только что я впервые в жизни побывала в кабинете гинеколога. Максим Доронин принес меня туда на руках. Классное свидание, ничего не скажешь.

На улице дышать нечем. Воздух влажный и горячий, как в парилке. По радио сказали, что сегодня пиковый день августовской жары. Ночью обещают ливень, после него температура снизится.

Мы идем медленно, проходим мимо парковки, на которой стоит мотоцикл. Я останавливаюсь:

— Зачем ты вызвал такси? А «Хонда» как же?

— Костян ее заберет. Тебе сейчас не до экстремальных поездок, наши планы поменялись.

— Макс, пожалуйста, давай не будем ничего менять, — прошу. — Я в порядке! Подумаешь, легкий обморок. Это из-за жары! — эмоционально вскидываю руки.

Только что мне влили в вену целый шприц раствора глюкозы, я чувствую прилив бодрости и отчаяния. Мы собирались съездить к морю, по пути свернуть на ужин в горный ресторан. Это был чудесный план, но я все испортила.

— На море съездим в другой раз, — невозмутимо говорит Макс. — Тебе нужно срочно поехать.

Он слышал, как мы с врачом выясняли причину обморока. Я призналась, что не успела сегодня поехать и физически переутомилась на работе, а еще перенервничала из-за ссоры с близким человеком. Все к одному, в общем.

У такси я растеряно оглядываюсь:

— А где те розовые розы? Я видела их у тебя в руках.

Макс оборачивается в сторону мотоцикла.

— Увели, по ходу. Я куплю тебе другие, — обещает, открывая для меня дверцу. — Цветочный как раз по пути.

— Это лишнее, не нужно, — мотаю головой.

— Нужно, — кивает в противовес.

Невозможно упертый. Из-за этой упертости и возится со мной, уже и сам не рад, что связался, наверное.

Через час мы сидим в уютном зале небольшого ресторана. Мои новые розы-зефирки стоят в вазе на подоконнике и чудно вписываются в приятную обстановку заведения. Как я могла раньше не любить цветы? Даже не замечала, сколько вокруг красоты, а теперь весь мир обнять хочется — столько во мне любви.

Максим пьет свой черный кофе и с улыбкой наблюдает, как я поочередно забрасываю в рот то ароматную малину, то сладкую голубику. Заставил меня съесть овощной суп, теперь доволен. Порция была огромной, я объелась и еле дышу, но ягодки слишком вкусные, чтобы от них отказаться.

— О чем ты думаешь? — шурюсь.

— О том, как сексуально ты ешь.

— Серьезно?! — прыскаю смехом. — Хлебающая супчик девушка кажется тебе сексуальной?

— Ты — очень.

У меня жар к щекам приливает. Он ведь не шутит сейчас.

— Ты меня смущаешь, — признаюсь.

— Знаю, — улыбается. — Смущаешься ты тоже сексуально.

Ох. Если он еще раз произнесет своим низким голосом слово «сексуально», у меня случится остановка сердца. Я ведь не дурочка и понимаю, к чему ведут такие разговоры. И мне хочется на них вестись, но сомнения по-прежнему есть.

Оставив ягоды в покое, сажусь прямо и решаюсь.

— Макс, мы можем поговорить серьезно? Я хочу кое-что спросить...

Он перестает улыбаться, тоже выпрямляет спину.

— Конечно. Спрашивай.

В глаза смотрит, открыт к диалогу, а я трушу и в горле предательски першит. Как спросить-то про жену, чтобы дурочкой не выглядеть?

— Скажи, у тебя были серьезные отношения? — начинаю, нервно кашлянув.

— Серьезные? — едва заметно хмурит брови.

— Постоянные, длительные, — поясняю.

— Были однажды.

Я напрягаюсь, но лицо держу и продолжаю.

— Они закончились?

Сердце замирает, пока жду ответ.

Кивает.

— Мы расстались прошлой осенью.

Фух! Просто гора с плеч.

— Можно узнать, почему? — наглею на радостях и тут же спешу оговориться. — Если тебе больно вспоминать — можешь не отвечать.

— Мне не больно, — хмыкает Макс, сгребая с тарелки несколько ягод голубики. — Никакой жести не было, мы разбежались мирно. Она уехала жить в Штаты, нашла там себе парня, который дал ей то, что я дать не смог.

— Например?

— Время, внимание, чувства, — перечисляет, по одной забрасывая в рот голубику.

— Получается, ты ее не любил?

— Я не влюбчивый, — напоминает, пережевывая ягоды.

Об этом я прекрасно помню, но никак не могу понять, как такое возможно.

— Почему же из всех ты выбрал ее?

— Выбрал — слово неподходящее. Мы встречались какое-то время. С ней было легко и приятно.

Я зависаю.

Блин. Со мной ему точно не так. С проблемными девушками по определению не бывает легко, а я с дня нашего знакомства превратилась в ходячую катастрофу. Но почему-то Макс продолжает общаться со мной и оказывает знаки внимания. Мало того, делает это настойчиво. Мог ведь позвать на свидание по телефону, позвонить или написать смс, но он приехал и сделал все, чтобы я не смогла отказаться. После обморока мог отправить на такси домой, но привез сюда, накормил и веселит. Это значит, что ему со мной приятно?

— А со мной тебе как?

Слегка наклонив голову, я смотрю искоса и часто моргаю. У меня нет опыта в свиданиях, но по идее этот вопрос должен перенаправить наш диалог в зону флирта.

Максим коротко смотрит мне в глаза и задумывается. Буквально на несколько секунд, за которые у меня с десятков мыслей успевают пронестись.

Да что со мной не так? Почему я веду себя, как неадекватная малолетка. То висну на нем и прошу стать первым мужчиной, но сбегая и морожусь зачем-то. Чего я боюсь? Что он в меня не влюбится? Продолжу в таком духе — сто процентов не влюбится. Кому нужны такие ебанашки?

— С тобой, Лиза, необычно. Интересно, остро и совершенно нелогично. Мне это нравится.

Вариант «легко и приятно» звучал для меня понятнее. Я перестаю моргать и строить глазки, сдвигаю брови и уточняю:

— Как на американских горках, которые во всем мире называют русскими?

Макс хмурится, и вдруг как засмеется. Да так заразительно, что я тут же подхватываю.

Потом я предлагаю необычный способ доесть ягоды, забрасывая их друг другу в рот, как

в баскетбольную корзину. Получается немного пошло и не совсем рационально — часть ягод все же оказывается на полу.

Мы отлично проводим вечер, об обмороке больше не вспоминаем. Я стараюсь вести себя непринужденно, быть легкой и приятной для Макса. Я в него влюбилась и хочу, чтобы он тоже влюбился в меня. Пусть не до потери сознания, но чтобы его драгоценную башню ему снесло. Мы потом новую построим, вместе.

Выйдя из ресторана, мы попадаем под дождь. Он летний и теплый, только начинается. Крупные капли глухо падают на еще сухой асфальт, прибивают пыль. Под таким дождем сложно намокнуть, но мы бежим к такси почти квартал и успеваем.

В салоне такси темно и прохладно. Мы с Максом сидим рядышком, жмемся друг к другу и часто дышим. Запахались. У него по виску и по щеке стекают дождевые капли, и я хочу их смахнуть. Он ловит мои пальцы, прижимает их, потом целует. Так нежно, что я задыхаюсь и сама к нему тянусь.

Вспышка встречных фар освещает салон, наши взгляды сталкиваются — и все вокруг перестает иметь значение. Мы совершенно забываем, что в машине не одни. Целуемся самозабвенно, потеряв счет времени.

У моего дома Макс быстро рассчитывается и отпускает такси. Решительно выходит дождь, тянет меня за собой.

Ливень — стеной. Я пишу и срываюсь к двери, под козырек. Там Максим сгребает меня и жадно целует, а я нетерпеливо отвечаю. Обнимаю, жмусь к нему.

К черту все сомнения!

Страсть. Бешеная, безумная, болезненная. Нарастает как лихорадка.

Набирая код, промахиваюсь с цифрой. Дважды! Руки дрожат, да что там руки — все тело ходуном.

Макс не отпускает мои губы и сжимает плечи. Они мокрые от дождя и горят под его пальцами. Я вся горю, стону ему в рот. Это какое-то сумасшествие.

Мы вваливаемся в лифт. Я не могу нащупать нужную кнопку, приходится прерваться. Макс обнимает сзади, влажно целует в шею за ушком. Я снова задыхаюсь от его нежности, цепляюсь пальцами в руки, что ведут по бедрам, задирая платье.

Низ живота пульсирует так, что мне больно. А телу жарко. И платье снять хочется, и кожу содрать. Макс зацеловывает шею и трогает, касается везде... Я в зеркало вижу, как скользит ладонями по животу и по груди. Его руки на моем теле кажутся огромными... Они сильные, с заметными венами и замысловатыми узорами. Боже! Я с ума схожу от красоты его рук.

— У меня дома никого, идем, — говорю решительно.

От лифта до двери пять метров, мы их пройти не можем. Целуемся, как чокнутые, языки друг у друга во рту. Макс прислоняет меня к стене, толкается бедрами. У него там твердо, а в глазах тьма. В ней пропасть хочется. Безумно хочется!

Пока ищу ключ в сумке — лифт уезжает. Розы на пол падают. Я наклоняюсь, поднимаю и снова их роняю. Руки слабые, ноги ватные, а в голове всего одна мысль: «хочу, хочу... дальше, больше!». Потряхивает от желания. Куда же этот ключ запропастился?

Лифт едет вверх. Интуиция подсказывает, что на наш этаж. Хватаю Макса за руку, увлекаю вниз по лестнице. Между пролетами замираю и прижимаю палец к губам.

Звук разъезжающихся дверей, шаги...

— Света, у нас тут цветы на пороге...

Это голос отчима, не обманула интуиция.

— Ой, какие красивые, — восхищается мама. — Наверное, Илюша приходил, а дома никого не было.

Эх, мама, не вовремя ты вспомнила Красовского.

— Соседи? — спрашивает Макс после хлопка входной двери.

Его губы на моей шее, руки сжимают поясницу.

— Мама с отчимом вернулись, — вздыхаю, зарываясь пальцами в его мокрые волосы.

Они гораздо жестче, чем у Ильи, мне приятно их трогать.

Макс смотрит мне в глаза. Взгляд бешенный. Обхватывает пальцами мое лицо, ведет ладонью вниз по шее. Он то нежный, то чуточку грубый, но мне нравится все, что он делает. До одурения нравится!

— Едем ко мне, — решает он и достает телефон.

Я поднимаю ногу, обвиваю его ей. Движение неосознанное, внизу живота так сильно пульсирует, что терпеть не могу.

— Что ты творишь... — стонет Макс, впиваясь в мои губы.

Тянет меня в угол, где темнее. Вжимает в стену, одним рывком задирает платье.

Он крупно дрожит, я тоже. Никогда настолько сильно не возбуждалась. Его ладонь поднимается по бедру и накрывает треугольник трусиков. Они белые и хлопковые, самые обыкновенные. Я ведь не готовилась, ничего такого не предполагала.

Макс захватывает мои губы, грубо врывается в рот языком. Внизу тоже не нежничает, вжимает руку и трет. Мне нравится до звездочек в глазах. Я зажмуриваюсь сильно-сильно, а они все равно сыплют. Всхлипнув, приподнимаюсь на носочки и отставляю ногу, чтобы было удобнее.

— Лиза, девочка моя... — выдыхает Макс и сдвигает край белья.

Я там горячая и мокрая, но мне почему-то не стыдно и совсем не страшно. Боюсь я только того, что по какой-то причине все это закончится. Я тогда умру, кажется.

— О боже, Максим...

Прошу нелепо, но он понимает. Пальцем внутрь меня проникает и ритмично им двигает, большим на клитор давит. Меня дугой выгибает. Я не раз сама себе так делала, но у него это лучше получается. Примерно раз в сто! Чувствительность в том месте просто аномальная, с каждым касанием усиливается. Я насаживаюсь на его руку и жалобно скулю.

Ничего не вижу и не слышу, концентрируюсь на ощущениях. В какой-то момент их становится невыносимо много. Настолько, что из меня стоны рвутся. Я вся в оголенный нерв прекращаюсь, вибрирую, извиваюсь... Не контролирую себя. А потом будто взрываюсь и падаю в бездну с миллиардами звезд. Лечу...

Ох, как я ошибалась, думая, что до этого у меня были оргазмы. То, что это первый, понимаю только, когда мозг включается. Его на время закоротило.

— Умничка моя, сладкая, красивая, — приговаривает Макс, зацеловывая.

Руку не убирает, прижал и держит меня там, а у самого взгляд ненормальный, он им по мне блуждает. Я понимаю: хочет меня безумно, даже сильнее, чем я его.

Восторг от этой мысли! Он будет любить меня, будет! Откуда-то я точно это знаю.

Опускаю руку, расстегиваю пуговицу на поясе его брюк. Макс их приспускает и дергает вниз резинку боксеров. Глянув туда, я нервно слглатываю. Если моему первому разу суждено случится в подъезде, то так тому и быть. Лишь бы с ним.

— Наверное, нужен презерватив? — произношу дрожащим голосом.

— Обхвати его рукой, — просит Макс.

Я слушаюсь. Мамочки, какой у него большой. Как же он в меня поместится?

Даю себе установку не думать об этом. Прижимаюсь и трусь щекой о колючий

подбородок, пальцы слегка сжимаю. Тело током пробивает от того, что чувствую.

— Так?

— Сильнее, не бойся, — хрипит Макс, обхватывая мою руку своей. — Вот так...

Он довольно сильно жмет и двигает резко, с каждым разом жестче, быстрее. Губами мои губы ловит, прикусывает их и рычит. Теперь и он вибрирует изнутри, глаза прикрывает от удовольствия. Чувственный и красивый такой, что у меня ком в горле.

Я его люблю. Люблю так, как никого и никогда не любила и полюбить не смогу. Это я тоже откуда-то знаю.

«Доброе утро, крошка Элли? Как тебе спалось?»

Это всего лишь сообщение, а я забываю, как делается вдох. От него же!

«Доброе. Прекрасно, а тебе?»

Пальцы дрожат, перед глазами картинка прошлого вечера. Его руки, губы, глаза... Вспышками, вспышками! Дурманящие запахи, касания, стоны... Божечки. Я точно чокнулась. Хотела отдаться ему прямо в подъезде, но у него хватило ума не воспользоваться моим помешательством.

«До рассвета не спал. Мучался, без тебя»

Сердце тук-тук, в животе те самые бабочки. Не могу сидеть на месте. Спрыгиваю с кровати, к окну подышать. На улице снова поливает. Я люблю его, люблю! Не дождь — Максима, конечно же!

Пишу: «Мне жаль, не хотела лишать тебя сна». Перечитав, удаляю вторую часть. Это неправда, я хотела. И ночью, и днем быть в его голове хотела. Мечтала, чтобы он с ума сходил, без меня.

«Мне жаль, что не смогла поехать», — добавляю грустный смайлик.

Он звал к себе, уговаривал, но я не смогла придумать, что сказать маме. Нечаеву подключить не удалось, она опять не взяла трубку.

«Мы бы не спали вместе, я бы тебе не дал», — приходит от Макса.

Следом прилетает подмигивающая рожица.

Я хочу так спать, чтобы «не спать» с ним, но ответить этим каламбуром не решаюсь. И смайлик подходящий не нахожу.

Макс не дожидается ответа и выходит из сети. Я открываю его фото в приложении на весь экран. Он на нем в авиаторах и белой рубашке с закатанными рукавами. Выглядит — отпадно! Я не встречала людей красивее. Ни в жизни, ни в кино. Он самый-самый!

Мама на кухне болтает с кем-то по телефону. Я не вслушиваюсь, падаю на кровать, зарываюсь лицом в подушку. Она Максом пахнет. Мне везде его запах чудится, у меня Максомания.

Надо сходить в душ и надеть чистое белье. Завалилась спать, в чем была, только платье мокрое стянула. Маме сказала, что сильно устала, лишь бы избежать ненужных разговоров. Мысленно все еще с Максом была, и до сих пор с ним. На фотку его пялюсь и вспоминаю, как смотрел, целовал, ласкал...

Ух, как это было! Страстно, откровенно. Провожу пальцами по губам, вспоминая. Трогаю шею, сжимаю грудь. Макс ее тоже сжимал, а я даже не стеснялась. Совсем стыд потеряла.

Телефон пиликает входящим сообщением.

«Пришли мне фото своего завтрака»

Я три раза перечитываю. Пфф! Еще чего выдумал!

Идея рождается быстро, от того и кажется гениальной. Нахожу в бельевом ящике черные кружевные трусики, надеваю. Ложусь и делаю фото. В кадре только бедра и моя рука, зажата между ними.

Выдыхаю. Отправляю.

Макс просматривает и набирает. Я с перепугу отбиваюсь, следом удаляю фотографию.

Он присылает мне скриншот своего экрана с этой фоткой — успел сохранить.

«Знал, что трусишь. Возьми трубку»

Снова набирает. В этот раз я отвечаю.

— Такси за тобой выехало, маленькая провокаторша, — звучит вместо приветствия.

— Какое такси? Я никуда не поеду! — смеюсь.

— Почему? Не хочешь меня видеть?

— Очень хочу!

Выпаливаю и тут же жалею. Ну кто так делает? Это ж неприлично! У нас все только начинается, а я уже на все согласна.

Вчера мы никак не могли распрощаться, долго еще обнимались и шептались на летнице. Макс шутил, что вынужденно стал со мной подростком, признался, что никогда не занимался таким в подъезде. Так и сказал: «Впервые крышу снесло». Я тихонько про себя порадовалась.

— Приезжай. Я капец... соскучился. Думаю о тебе постоянно.

Голос у него низкий, приглушенный. Пробирает от него. Я и хочу его видеть, и волнительно до дрожи.

— У меня не получится, Максим. Мама попросила сходить с ней на УЗИ, а потом у меня процедуры.

— А ко мне Машка от тетки возвращается. Обещал ей вечером шоппинг. Давай с нами?

Блин. Я и забыла о сосуществовании ванильной Маши.

— Считаешь, это нормально? В смысле, твоя сестра не удивится, что я с вами пойду.

— Да хоть бы не оглохнуть, когда она от счастья пищать начнет. Ты же ее кумир, Елизавета Бережная, — напоминает фразу, сказанную Машей во время нашего знакомства.

Все-то он помнит.

— Была, — поправляю. — Я была ее кумиром.

— И дальше будешь. И моим станешь, если сможешь выбрать ей кроссовки. Или кеды.

Она сама не знает, что хочет. Возраст idiotический, никаких нервов не хватает!

— Ты брюзжишь, как старый дядька.

— Что я делаю?! — переспрашивает возмущенно.

— Ворчишь! — смеюсь.

— Ты договоришься, Эли. Откушу твой острый язычок!

— Как же мы тогда целоваться будем? Или мы не будем? При Маше нельзя? Для нее мы только друзья? — строчу вопросами. Надо же понимать, как вести себя при его сестре.

Шумный вдох на другом конце. Пауза. Выдох.

— Мы не друзья, Лиза. Я не хотел бы скрывать тебя, ни от кого. Если тебе так нормально?

— Мне нормально, — спешу согласиться. — Я — девушка свободная.

— Ты не свободная, а моя. Хорошо?

Я словно со скалы в море прыгаю. Сначала вниз лечу, а потом вверх поднимаюсь и вынырываю самой счастливой на этом свете.

— Хорошо.

— Тогда до вечера, моя девочка...

Он произносит это с улыбкой. Я ее чувствую и у самой рот до ушей растягивается. Сердце в груди бахает, предчувствуя впереди что-то новое и захватывающее.

Так и хожу с застывшим на лице счастьем, пока застилаю постель, привожу себя в

порядок и одеваюсь. И в кухню с улыбкой вхожу, там она и стухает.

В большой кастрюле на подоконнике стоят вместе два букета: прекрасные зефирки Макса и жуткие лилии с розами от Ильи. На столе остывший омлет и тосты с сыром, за столом мама. В руках у нее телефон, на лице недоумение.

— Что происходит, Вета? Откуда столько цветов?

Начинается.

— А мы разве не опаздываем? Надо бы пораньше выехать, там дождь и могут быть пробки. Кстати, свет в доме починили? — пытаюсь перевести тему.

Все утро отчим ругался с диспетчером, требуя выслать аварийную бригаду. Вчера они вернулись, потому что в доме из-за грозы пропало электричество.

— Садись завтракать, — вздыхает мама, не ответив ни на один из моих вопросов. — И рассказывай, что у вас с Ильей? Поссорились?

Не прокатило.

Достаю тарелку с вилкой, включаю чайник. Как же неохота говорить о Красовском.

— Не то, чтобы поссорились...

— Мне его мама только что звонила.

Вот черт!

— Мы расстались, — рублю, опускаясь на стул.

— Из-за чего?

— Я так захотела.

Скрестив руки на груди, смотрю с вызовом. Мамин взгляд тоже мягким не назовешь.

— А что стало причиной того, что ты *так* захотела?

— Мое желание.

— Лизавета, — вздыхает мама. — Надо позвонить твоему психологу, — хлопает рукой по столу и встает.

— Если понадобится, я сама ей позвоню. Мне восемнадцать, и я в праве сама решать, когда и к кому обращаться за помощью, — напоминаю раздраженно. — Тебе не нужно больше беспокоиться обо мне, думай о себе и ребенке.

Мама смотрит на меня сверху, качает головой:

— Так и знала, что ты будешь ревновать и беситься. Привыкла, что все внимание только тебе.

Мои пальцы до боли сжимают предплечья. Все как обычно: я пытаюсь держать свои границы, она принимает это за протест. У меня бурлит внутри, так хочется сказать, чтобы не лезла не в свое дело, но я молчу. Коротко вдыхаю, быстро выдыхаю. Надо сдержаться, ей нельзя волноваться.

— Послушай, мам! Со мной все хорошо, правда. И я не ревную тебя к малышу. Я его уже люблю! Или ее? Ты кого больше хочешь?

Выражение ее лица поразительно быстро меняется.

— Да мне все равно, лишь бы здоровеньким родился.

— В этом даже не сомневайся! Давай попросим доктора не говорить нам пол. Пусть запечатает результат в конверт, и мы устроим гендер-пати! С шарами, тортом, дымовыми пашками. Круто же?

— Круто, — соглашается с улыбкой. Оттаивает. — Но кто-то должен знать, какого цвета дым покупать.

— Можно нанять агентство. Хотя нет! Давай я сама все организую! — загораюсь идеей.

— Веточка, — вздыхает мама, опускаясь на стул. — Пойми, у меня на душе неспокойно.

Почему вы с Илюшей расстались?

— А зачем быть вместе, если нет любви?

Вопрос риторический, но мама решает ответить.

— Но он переживает. Значит, любит.

— А я его нет, — развожу руками. — Я дру...

Хочу сказать, что другого полюбила, но вовремя прикусываю язычок. Не нужно маме знать о Максe.

— ...Дружить с Красовским могу, а любить — нет. Не тянет к нему, понимаешь?

Несколько секунд она задумчиво смотрит на меня, а потом кивает. Мы не поругались, я молодец.

Макс

Выезжать в сторону моря субботним утром — тот еще трэш. По навигатору до пункта назначения чуть больше часа, а мы почти полтора из города выползли и уже сорок минут по трассе тянемся. В конце августа крымские дороги перегружены во всех направлениях. Мы двигаемся в самом популярном — южном.

Костян громко сопит и нервно тарабанит пальцами по рулю. С его темпераментом двигаться со скоростью ниже восьмидесяти — истинное наказание. А тут еще сидящая впереди Маша раздражает бесконечной болтовней.

— Значит, у тебя будет сестренка? Как же здорово, Лиза! Я всегда мечтала о сестре. Чтобы вместе играть, в одной комнате спать и секретничать обо всем на свете. А как назовете?

За секунду до того, как эта тараторка поворачивается, Лиза успевает сбросить мою руку со своего бедра. Я шумно выдыхаю недовольство и отворачиваюсь к окну. Машка всю дорогу вертится, и каждый раз одно и то же. Она знает, что мы вместе, чего стесняться-то?

— Называть будут родители, но я предложу Алисой, — отвечает Лиза.

— Красивое имя, — кивает сестра и отворачивается.

И что ей на дорогу не смотрится? Мелочь непоседливая.

— Брат столько для нее делает, а ей сестру подавай, — хмыкает Костян. — Неблагодарная ты, Марья!

— А ты грубиян, Костичка! И тупишь, раз не понял. Я хочу сестру не вместо брата, а к нему вдобавок. Потому что мне не хватает общения. Нормального, человеческого. Макс все время работает, а с тобой, например, и поговорить не о чем. У тебя одни сисястые телки на уме, — выдает Мария.

Я хрюкаю смешком: уделала она его.

— А ты чё борзая такая? Полегче давай на поворотах, — цедит Костян, вцепившись в руль. — Макс, что стряслось с твоей прелестной маленькой сестренкой?

— Не знаю, друже. Выросла, наверное.

— Та не похоже! Мозгов явно не хватает. Это у нее дни какие-то не такие, или луна сегодня в очередной жопе. Лиза вон тоже брыкается.

— Придурок, — шипит Машка и бьет его в бок кулаком.

Лиза краснеет, как рак.

— Что такое? — беру ее за руку.

— Костя в зеркало все видит, — шепчет прямо в ухо.

Губами щекочет, грудью касается, запахом своим охренительным обдаёт... Я зубы до хруста сжимаю. Сколько мы уже целуемся и зажимаемся украдкой, где придется? Неделю или уже две? У меня выдержка на исходе. Вчера вечером фильм смотрели, Машка вырубилась на диване, а мы на цыпочках вышли на кухню. Не знаю, каким чудом я смог остановиться и не трахнул Лизу на столе. Она так чувственно стонала, так доверчиво открывалась. На все была согласна. Я посадил ее в такси, а после долго стоял под душем: двадцать минут и два раза. Докатился, бля.

Шурша колесами, Бэха въезжает в выложенный цветной плиткой двор, автоматические ворота бесшумно закрываются.

— Какой красивый дом! — восклицает Машка, выпрыгивая из машины.

— Такой большой, — удивляется Лиза.

— Мы все иначе представляли себе домик для отпусков, — комментирую я.

— Как по мне, дом бестолковый, — отмахивается Костик, — Басика нет, до моря двадцать минут пешкодралом по горам. Или на машине, но тогда не прибухнуть. Ближайший движ в городе, а до него тоже ехать. Плохое место. Родители в позапрошлом году тут все лето жили, в прошлом — только месяц, а этим всего неделю. Батя его уже на продажу выставил.

Основной источник дохода семьи Бариновых — перепродажа недвижимости на побережье. Мини-отели, квартиры в разных городках, дома — чего у них только нет. Об этом доме я ни разу не слышал. Костю отправили законсервировать его на межсезонье, он предложил смотаться за компанию. Решили поехать с ночевкой. У Лизы получилось дома отпроситься — такой шикарный шанс, но Машка тоже с нами напросилась, теперь мешается.

— Можно занимать любую комнату? — пищит сестра, взбегая по лестнице.

— Спален три, все двухспальные, — объявляет Костян.

— Чур я тогда с Лизой сплю!

— Лиза будет спать со мной, это не обсуждается, — говорю твердо. Хватит уже дурака валять.

Машка поворачивается и выкатывает глаза, Лиза за моей спиной шумно хватается ртом воздух, но ничего не говорит.

— Уяснила, малявка? — ржет Костян. — Брысь в свою комнату и во взрослые спальни чтоб не совалась. А то по заднице надаю!

Мария выкидывает ему фак и для пущей убедительности вываливает язык, после чего скрывается. Прихватив свою сумку, Лиза тоже поднимается.

— Во заноза! — комментирует друг выходку моей сестры. — Дерзкая и бесаячая, но красивая растет! Намучаешься с ней.

— Как втюрится первый раз — сразу ума наберется, и станет проще. Недолго ждать осталось.

— Какой добрый брат! — подкалывает Костян. — Кстати, про любовь. У вас с Лизой серьезно, что ли?

— А тебе что? — брови выгибаю.

— О-о, — тянет Барин. — Ты в лице поменялся, и в голосе сталь зазвенела. Я был прав, признай. Повело, да? Или уже накрыло?

— Задаешь ненужные вопросы.

— Окей, давай нужный задам. Всего один. Дальше как? Она ж хорошая девчонка, правильная. Ты уедешь — ей больно будет...

— С какого вдруг тебя это заботит? — злиться начинаю. — Без тебя как-нибудь разберемся.

— Лады, разбирайтесь! — выставляет вперед руки. — Я только предупредить. Чем глубже вратет, тем больнее вырывать.

— Иди на хер, Костя.

— Тебе туда же, Максим.

Кивнув друг другу, мы расходимся. Он выходит на улицу, а я иду вверх. Это очередная, ничего не значащая ссора, о которой мы вскоре забудем, но выбесил Костян знатно. Когда он успел стать таким душилой? Как клубных девок в тачке оприходовать — так ничего

страшного, а заходит речь о Лизе — в нем великий моралист просыпается. Мудила.

В доме тихо. Каждый мой шаг сопровождается эхом. Я ступаю по лестнице тяжело, оно звучит почти зловеще. Дверь в одну из спален открыта. Лиза сидит на стуле у трюмо.

— Я выбрала эту, тут вид на море.

Ее руки сцеплены в замок, колени плотно сжаты. Она бледная и напряжена. Стопудово слышала наш с Костяном разговор, с такой акустикой ей и подслушивать не надо было.

Остановившись в дверном проеме, бегло осматриваю комнату. В ней недавно жили. На прикроватной тумбочке лежит тубик с солнцезащитным кремом, на спинке стула висят какие-то вещи. Я жалею, что не отвез Лизу в отель, как собирался. Там хрустящие простыни, шампанское в ведерке и Машки за стеной нет, как и Кости, громко задающего тупые вопросы. Но мы уже не там, и менять что-то поздно — лимит моего терпения исчерпан.

— На море — это хорошо, — киваю и вхожу, дверь неслышно прикрываю.

Что там за окном — по барабану. Кто туда смотреть будет? Задернем плотно шторы до самого отъезда и двери запрем, замок в двери предусмотрен.

Лиза разглядывает паркет, глаза прячет. Подхожу к ней, опускаюсь на пол. Обнимаю колени и целую их поочередно. Нежная кожа тотчас мурашками покрывается. Лиза дышит еле слышно и водит пальчиками по затылку, я сжимаю крепче ее тонкое тельце. Видишь, девочка Элли, сижу у твоих ног, как какой-нибудь Тотошка — Бармалей, преданность свою демонстрирую. Костян хоть и мудила, но он прав: повело меня.

— Если ты не хочешь или сомневаешься — просто скажи, окей?

Зачем я это говорю? До жути боюсь, что передумает, и сам навязываю ей это право. Ну не дебил? Реально накрывает.

— Ты о чем? — улыбается Лиза. — Разве я могу в тебе сомневаться?

В глаза ее проваливаюсь. Столько откровения в них, столько жажды неприкрытой. Да я больше трушу, чем она. Меня рвет на шматы и в фарш перемальвает от мысли, что первым у нее буду. Но она во мне не сомневается, значит, и я не должен.

Как какой-то тупой герой-любовник из слезливой мелодрамы беру Лизу на руки и несую на кровать. Укладываю по центру и накрываю собой. Я ее просто поцелую и рядом полежу, до ночи будем аппетит нагуливать.

— Лиз, ты тут? Я войду?

Бесяче-звонящий голос сестры вкупе с энергичным стуком в дверь заставляют нас одновременно вздрогнуть. Лиза отпрыгивает от меня, как ошпаренная.

— Какого черта, Маша? Ты плохо слышала, что Костя сказал? Чего шастаешь по чужим комнатам? — рычу вопросы, глядя на сестру.

— Так я это... За Лизой пришла. Нам пора локации смотреть, чтобы на закат успеть. Мы с ней на фотосессию договаривались, — растерянно лепечет Машка, поджимая губы.

На плече у нее мой подарок на шестнадцатилетие — профессиональный Canon. С прошлого года она всерьез увлекается фотографией, уже и курсы престижные успела окончить.

Лиза сползает с кровати, поправляет одежду. Глаза горят, на лице румянец, губы алые от поцелуев. Секси девочка моя.

— Не ругайся, Макс. Мы правда договаривались и нам действительно пора, а то свет упустим.

— Куда это вам пора? — смотрю на них по очереди.

— Лиза будет танцевать на природе, а я ее снимаю. Ей для блога нужны фотки и

короткие ролики, — поясняет Маша.

Про блог я наслышан и идею поддерживаю, а вот про съемку слышу первые. Значит, Лиза будет танцевать, но меня не приглашает.

— Я иду с вами, — говорю решительно.

— Но... зачем, Макс? У тебя других дел нет, что ли? — недоумевает моя балерина.

— Мне интересно. Я десятки твоих выступлений в интернете посмотрел, теперь хочу вживую видеть.

— Так это совсем другое, смотреть еще не на что! Я только начала тренироваться, пробую разные стили. Да я вообще кривляться на камеру собираюсь! — Лиза почти визжит.

— Стало еще интереснее, — подмигиваю ей.

— Нет, я не хочу. Тебе не понравится! — выдает с отчаяньем.

— Мы или вместе идем, или вы обе остаетесь, — ровным тоном ставлю условие.

Лиза недовольно поджимает губу и смотрит из-под бровей. Она готова дальше спорить, но это бесполезно. Я пытаюсь ей донести это без слов. Тридцать секунд прямого зрительного контакта — и сдается. Смышленная девочка, все поняла по глазам.

Смысл парного танца во взаимодействии и особой эмоциональной связи. В нем один ведет и поддерживает, второй доверяет и получает опору. Я много лет танцевала в этом формате и привыкла к поддержке извне.

Одиночный танец — это откровение с миром и самовыражение, в нем тебе никто не поможет. Чувствовать опору внутри себя я еще учусь. Каждый день отрабатываю связки, тренируюсь утром и вечером. Один короткий танец отрепетировала и показала тренеру, она хвалила. Я и сама заметила прогресс, но сегодня тело, как чужое.

Завожу ногу назад и вытягиваюсь по диагонали, замираю. Держать баланс сложно — эмоции раскачивают. Нога через верх вперед, руки к груди... Отталкиваюсь. Прыжок с поворотом выходит грязным, неустойчивым. Нет четкости в мыслях — нет ее в движениях. Выпад в сторону, выхожу в свечу... Кренит влево. Вот же черт!

Я не собиралась подслушивать, но все услышала. Костин вопрос «что дальше?» остался без ответа, но у молчания тоже есть значение. Вариантов ведь не много, точнее — всего один. Примерно через месяц Макс заберет Машу и уедет, а я останусь. И да, мне будет больно.

Прижавшись лопатками к теплому камню, я складываю губы трубочкой и шумно выдыхаю. Которая попытка сделать удачные кадры в горах провалена. Место бомбезное, а я как Буратино недоделанный.

— Интересный танец, но в кадре смотрится странно, — вторит моим мыслям Маша, просматривая в фотике отнятый материал. — Ты напряжена, Лиза. Почему?

— Не знаю, надо размяться, наверное, — бубню, делая махи руками.

— Может, платье наденешь?

— В нем я хотела у моря танцевать. Оно белое и воздушное, как праус. Приятные ассоциации будет вызывать.

Сейчас на мне черные лосины с прорезями по бокам и серебристый топ, зрительно увеличивающий грудь. Волосы собраны в гульку и стянуты сеткой. В ушах крупные серебряные кольца, выше локтя такие же браслеты. Мой образ продуман до мелочей, и я довольна им, но не собой.

Сделав несколько простых упражнений на растяжку, по новой включаю музыку. С телефонного динамика она звучит тихо, звук придется наложить отдельно. Я пока не умею, но научусь. Мне многому придется учиться: писать интересные тексты, обрабатывать графический контент, настраивать рекламу, делать коллаборации... Продвижение в соцсетях — целая наука, а сам блог — ого-го какая работа.

Максим Доронин считает, что я справлюсь. Его вера в меня как ни что другое питает мотивацию, а вот его присутствие в данный момент отвлекает и раздражает. Он сидит на соседнем камне поодаль, что-то печатает в своем ноуте и иногда поглядывает. К процессу съемки интереса не проявляет и восхищения моим танцем не выказывает, что закономерно, потому что танцую я откровенно плохо.

— Так, стоп! — резко тормозит меня Маша и тут же извиняется. — Прости, Лиз, но ты сама погляди, что получается.

Мы вместе смотрим в камеру. Фон прекрасный и ракурс удачный, я на видео выгляжу хорошо, а мой танец — хуже некуда.

— Вот бездарность! — фыркаю сама на себя.

— Сделаем просто фотографии? — предлагает Маша. — Свет шикарный, жалко терять.

— Я не умею позировать и на постановочных фотках получаюсь ужасно.

Я опускаюсь прямо на землю, обхватываю себя за колени и смотрю в одну точку. Злюсь на себя и на весь мир заодно.

Макс закрывает свой ноут, подходит и обращается к сестре:

— За соседней горой отличные виды, иди потренируйся снимать пейзажи. Нам с Лизой нужно поговорить, минут пять, наедине, — делает ударение на последнем слове и смотрит так, что она без слов складывает фотик в сумку. — Я позвоню, когда закончим. Без звонка не возвращайся. Поняла?

Мария угукает и уходит, я с сочувствием смотрю ей вслед.

— Зачем ты с ней так грубо?

— Чтобы меньше вопросов задавала. Давай рассказывай, что с настроением?

Макс не меняет свой строгий тон. Протягивает руку и помогает мне подняться. Я вынужденно смотрю ему в глаза и выпаливаю, не успев как следует подумать:

— Сначала ты ответь, для чего пошел, если сидишь в своей работе и даже не смотришь на меня?

Правая бровь Макса медленно ползет вверх, в его глазах появляются смешинки:

— Вообще-то я старался не смущать тебя своим вниманием.

— Вообще-то мне твое внимание приятно, — передразниваю раздраженно. — Не нравится, как танцую? Так и скажи! Это стиль такой, он своеобразный. Контемпорари называется. В нем есть элементы йоги и акробатики. Не балет, конечно, но считается сценическим танцем и очень популярен на западе...

Макс поджимает губы, сдерживая улыбку. Бесит этим еще больше.

— ...Что смешного? Выгляжу комично? Ладно, что уж! Танцую уродски, так хоть повеселю тебя. Костю тоже надо было взять, вместе бы посмеялись!

Максим всюду лыбится, а я едва не плачу от обиды. Жалкая неудачница, которую он не полюбит, уедет скоро, бросит. Послать его хочется. К чертям или еще куда подальше. Выбирая направление, воздух ртом хватаю, хватаю... А он резко подается вперед и обнимает.

— Иди сюда, глупышка, я объясню, — притягивает к себе за шею. — Ты такая охрененная сейчас, такая секси, что мне тяжело смотреть, понимаешь? Я тебя так сильно хочу, что физически больно, — шепчет в ухо.

Это щекотно, а его слова не вяжутся с моими мыслями и уязвленными чувствами. Я пытаюсь увернуться, но он не отпускает. К скале мягко толкает, сверху нависает. В синих глазах блеск сумасшедший. Заметь я его раньше — танцевала бы, как богиня. Но я близорукая и без линз, а Макс сидел далеко.

— Тебе правда нравится? То, как я танцую? — уточняю.

— Мне в тебе все нравится, Лиза. Как танцуешь, говоришь, смеешься... Как смотришь на меня и стесняешься, а стоит поцеловать — дикой становишься, — шепчет в губы, дыханием их согревая. — Как ты пахнешь нравится, как дышишь рывками сейчас...

Его губы прижимаются к моим, руки спускаются по спине и сжимают. Я пытаюсь сделать вдох, но уже не могу, задыхаюсь в его фирменном глубоком поцелуе, трепещу в его руках.

Думать больше не получается, только чувствовать, как сильно люблю и хочу быть с ним.

Никто не знает, что будет дальше. Простым смертным это не дано. Жить моментом и уметь им насладиться — это все, что мы можем. Этому я тоже учусь и сейчас у меня получается.

А потом я танцую. Сначала у скалы, позже на берегу — босиком на мокром песке и уже почти в темноте, потому что разговаривали, а точнее — целовались, мы дольше пяти минут. Маша снимает и приговаривает, что все идеально. Максим держится в стороне, но все время смотрит. Я его взгляд кожей чувствую и танцую только для него. Хочу и дальше ему нравиться, остальное «дальше» не так уж и важно.

Жизнь — маятник: чем глубже страдание, тем сильнее счастье. Это сказала Айседора, та «босоногая американка», что пленила сердце молодого русского поэта. Недавно я читала ее мемуары, некоторые фразы запомнились.

Сегодня я была в отчаянье. Чувствовала себя бесталанной и, как следствие, никому не нужной. Ненавидела обезображенную шрамом ногу, деревянную спину и корявые руки. Гнобила себя. Но стоило Максиму обнять и нашептать приятностей — у меня раскрылись крылья, запорхали и душа, и тело.

Маятник качнулся.

После съемки на пляже нас забрал Костик. Пока ехали к дому, Макс не сводил с меня восторженных глаз и держал за руку, сплетая наши пальцы. От счастья распирало! Какие там гормоны вызывают это чувство? Дофамин, эндорфин, серотонин? У меня передоз каждого, я от них, как пьяная.

Смотрю в зеркало и обалдеваю — так сияю, словно внутри меня кто-то свет зажег. И я знаю, кто это сделал. Сушу волосы феном и сама себе улыбаюсь. Лучшему в мире парню во мне все нравится, он это сказал.

Внизу тихо играет музыка. Когда я поднималась, там шло активное обсуждение, ехать на ужин в город или заказать доставку еды на дом. Костик хотел остаться и выпить пива, Маша была настроена погулять, они спорили. Мне все равно, где пройдет вечер, я думаю о ночи, что наступит после. Тешу себя иллюзией, что готова.

Никак не могу решить, что лучше надеть: джинсовые шорты и топ или сарафан? В город лучше платье, но не факт, что мы поедем. Надеваю шорты, переодеться, если что — одна минута.

По лестнице бегом спускаюсь. Меня уж заждались, наверное.

Вижу Макса — и сердечко ускоряется. Он стоит у кухонного островка, выкладывает пиццу из коробки. До этого был в шортах, теперь на нем льняные брюки и рубашка. Переоделся, чтобы ехать в город? Пицца тогда зачем?

— Ты долго, — смотрит на меня и улыбается.

Божечки, какой же он красивый!

— Не знала, что надеть, — признаюсь.

— Можно было ничего не надевать, — подмигивает.

Мне резко становится жарко. Он еще не видел меня голой. Трогал везде и даже живот целовал, задрав майку, но полностью не раздевал.

Макс снимает с навесного держателя два высоких бокала, достает из холодильника шампанское. Пробка вылетает громко, я оглядываюсь по сторонам:

— А где все?

Пространство первого этажа — это большая гостиная и открытая кухня, мы здесь одни.

— Костя повез Машу на набережную кормить мороженым и катать на каруселях. Вернутся поздно. Шампанское будешь?

Макс протягивает наполненный бокал, медленно ведет по мне взглядом. Выглядит он обалденно, эта рубашка ему очень идет. Ярко-синяя, под цвет глаз. Я очень хочу сделать ему комплимент, но не решаюсь.

— Буду, спасибо, — заметно стусевавшись, беру бокал и делаю глоток.

— А пиццу? Она сырная, ты такую любишь.

Пицца выглядит аппетитно, но что-то мне не до еды. Внутри стремительно нарастает напряжение. Мы остались вдвоем и пьем из запотевших бокалов шампанское. Это значит, что все начинается?

— Пиццу не хочу.

— Я знал, предвидел, — усмехается Макс. — Есть запасной вариант.

Он придвигает блюдо, на котором яркими треугольниками выложены три вида ягод.

— Это что, клубника? — вытягиваю шею.

— В том числе. Попросил Костяна купить для тебя ягод, так он расстарался. Она местная и мелкая, но сладкая.

— Потому что под палящим солнцем зрела. Второй клубники обычно мало, зато она слаще. Когда мы жили в доме, я ее прямо с грядок съедала. Так она даже вкуснее. Не знаю почему, но с дерева и с куста все всегда вкуснее кажется.

Я болтаю и вожу рукой по мраморному ребру столешницы. Бессмысленные движения и многословие — признаки крайней степени беспокойства. Капец, разволновалась.

Макс берет самую крупную ягоду и протягивает. Я хочу взять, но он подносит ее прямо к моим губам. Смотрит на них, затем в глаза. Так откровенно, что я понимаю: это такая прелюдия.

От этой мысли снова в жар бросает, но губы я размыкаю и клубнику съедаю. Она ароматная и ожидаемо сладкая, малина после нее кажется кислой и я морщусь. Макс смеется и протягивает голубику, но я мотаю головой.

— Ладно, — прищуривается он и снова берет клубнику. — Сладкой девочке — самое сладкое.

Залпом допив шампанское, я резко тянусь за ягодой и нечаянно целую его пальцы. От этого контакта губы будто током ударяет, волоски над кожей поднимаются. Ух, как будоражит!

— Можно мне еще? — протягиваю бокал.

Говорят, алкоголь расслабляет. Мне не помешает.

Макс наивает почти полный. Я выпиваю, не дождавшись, пока сойдет воздушная пенка — так быстро, что пузырьки дерут горло.

— Хочешь напиток?

— Немножечко!

В носу щекотно, я зажмуриваюсь. Вдох-выдох. Фух! Дышать как будто легче, отпускает напряжение.

Я смелею, подхожу к Максиму ближе и съедаю из его рук еще несколько ягод. Уже намеренно касаюсь губами его пальцев и облизываюсь. Дышу поверхностно и часто, как ему нравится. Его дыхание, напротив, тяжелеет, складка между бровей становится заметнее. У него всегда все под контролем, но я откровенно провоцирую, и он с трудом держится. Быстро разливает шампанское и протягивает мне бокал.

Перед глазами у меня слегка плывет, поэтому я только пригубляю, а Макс свое выпивает. Я в это время кошусь на его ширинку. Ничего себе там бугор!

Лицо вспыхивает. Сердце подскакивает, стучит где-то в горле. Мне не то стыдно, не то страшно — стараюсь не думать, быстро отворачиваюсь и иду к дивану. Песня играет знакомая, медленная. Я под нее бедрами виляю, а у самой колени дрожат.

— Что дальше делать будем?

Тон заигрывающий, внутри зреет паника.

— Сама как думаешь? Есть предложения?

Его низкий голос чуточку хрипнет. Я слышу, потому что он подходит близко. Резко разворачиваюсь. До чего же он хорош! И пахнет фантастически приятно. Я его парфюм из тысячи узнаю и помнить буду вечно.

— Может потанцуем? Ты хотел научиться. Вальс, кажется, — вспоминаю, что он как-то обмолвился.

Макс усмехается:

— Вальс — не тот танец, который мы с тобой станцуем.

— Танго? — предлагаю с задором. — Танец страсти!

Делаю несколько базовых шагов из аргентинского танго, затем выпад и падаю на диван. Дурочку валяю, на нервах хорошо получается.

Максим смеется. Я сажусь по-турецки и смотрю на него снизу вверх. Жду, что подойдет и поцелует, но он просто рядом садиться. Глаз с меня не сводит. Они у него чумовые, как и улыбка. Мурашки от нее бегут. Мы оба сдерживаемся, это игра такая.

И тут я представляю, что Костя и Маша вернулись, а мы ничего не успели. Паникую еще больше. Сама придвигаюсь к Максиму и перекидываю ногу, сажусь на него верхом. В этой позе мы, можно сказать, познакомились, с нее все началось.

Накрывает нас, как по пощелчку.

Едва тела соприкасаются — сцепляем губами. Как сумасшедшие целуемся, весь кислород выпиваем друг из друга. Притираемся, распяляемся.

Макс опускает руки на поясницу, медленно ведет ими вверх. Ух, горячие они у него! И большие, но сжимают мягко. Сначала ребра под грудью, а потом и саму грудь. Так бережно трогают, так умело, что я улетаю. Запрокинув голову, мелко дрожу.

Макс целует в шею, влажно и горячо. А потом раз — и рывком снимает с меня топ. Я дергаюсь, пытаюсь руками закрыться. Без лифчика же, без пуша-апа своего любимого.

— Тебе нечего стесняться, Лиза! Ты совершенна. Доверяй мне, ладно? — произносит Макс, глядя в глаза, и я коротко киваю.

Он заводит мои руки за спину и держит меня так, словно боится, что упаду. Шею и грудь поцелуями покрывает, делает это невозможно нежно. Меня покачивает от удовольствия, я забываю про стыд, про свои комплексы. Чувствую, как соски твердеют и приятно ноют, и уже жду, когда Макс уделит им внимание. Он трогал их, я знаю, как это круто. Когда его губы накрывают и всасывают чувствительную плоть, низ живота сводит мощным спазмом, и я начинаю методично двигаться и стонать.

— Идем наверх, — произносит Макс.

Это не вопрос и не предложение — его решение. Удерживая меня, он поднимается и направляется к лестнице. Я обвиваю его торс ногами и цепляюсь в плечи. Пока поднимаемся, крепко держусь, отпускаю руки только на кровати.

Макс расстегивает мои шорты и дергает их вместе с бельем. Тем же отлаженным рывком, что до этого снял топ. Пикнуть не успеваю.

Оказавшись полностью голой, совсем теряюсь. Смущаюсь и не понимаю, что должна делать. Приподнявшись, принимаюсь дрожащими пальцами расстегивать пуговицы на его рубашке.

Максим садится и снимает ее через голову, следом быстро стаскивает брюки. Раздевается так же технично, как меня раздевал. Торопится будто. А я вдруг чувствую, что

продолжения боюсь.

— Ма-акс, — зову тихонечко.

Хочу признаться и не могу, но он как-то понимает. Сгребает меня и шепчет:

— Не бойся, все будет хорошо.

Целует жарко в губы, а я глаза его ищу.

— Ты уверен?

— Я от тебя без ума, Лиза.

Смотрит так проникновенно, что я понимаю: не успокаивает — признается. Сердце удар пропускает.

Господи, спасибо!

— И я, я тоже, Максим, — спешу ответить.

Он находит мои губы, впивается в них, но быстро отпускает, поцелуями ниже спускается. Зацеловывает шею, живот и дальше... Я едва не взвизгиваю, когда там губами касается. Ноги пробую сдвинуть, а не получается. Макс занял все пространство между ними и за щиколотки держит, к кровати прижимает.

От осознания того, что происходит мозг взрывается. Я в неразумное существо превращаюсь: извиваюсь, царапаюсь и звуки странные издаю. И мне даже не стыдно — мне дико кайфово сейчас. Я дурею от остроты ощущений и совершенно теряю контроль. Бьюсь в экстазе долго, ярко, громко...

Макс поднимается и смотрит так, будто любит, в его глазах лихорадочный блеск. Каждой своей клеточкой я чувствую его желание. Чувства переполняют. Кричать о них хочется, но я движениями выражаю. Обнимаю его за шею и к себе притягиваю. Хочу его всего.

Макс поддается, ложится сверху, но на руку опирается, а другой ласкает меня. Я еще летаю где-то между звезд, соображаю плохо, но меня подбрасывает, когда там не пальцы оказываются. Впервые же! Чувство распирающее, незнакомое, но определенно приятное. Почему все уверяют, что первый раз всегда больно? Мне повезло, наверное. Только успеваю об этом подумать и вскрикиваю вовсе не от удовольствия.

И все-таки мне повезло. Боль была резкой, но короткой и быстро прошла. И крови практически не было, она только бедра перепачкала. Можно подумать, что все прошло хорошо, но на деле — плохо.

В составе жидкого мыла целых девять ингредиентов. Не знаю, сколько именно раз я их перечитала, но много. Теперь рассматриваю скучный узор напольного мрамора. Выходить из ванной не спешу, стыдно перед Максом.

Я его укусила. В тот самый момент, в плечо, до крови. Он стерпел и после посмеялся, а мне ни разу не смешно. Как я могла такое сотворить? Уму непостижимо!

Максим готовился и предусмотрел все: от шампанского с клубникой до презервативов. Он был нежен и осторожен в процессе, он старался! А что я? Пролежала под ним бревном и цапнула в благодарность. Хреновая из меня любовница.

— Лиза, у тебя там все нормально? Ты что-то долго, — слышится за дверью низкий голос. — Я уже внизу в душ сходил. Выходи, давай...

— Две минуты, — отвечаю.

Почему «две»? Надо было сказать «пять». Через пять минут — это и через семь, а две — это две. Хотя разница невелика. Выйти все равно придется, и посмотреть в глаза Максиму тоже.

Дверь открываю и стою. Ужасно неловко себя чувствую.

Макс сидит на кровати, на бедрах белое полотенце — такое же, как на мне.

— Что-то случилось? Тебе нехорошо?

— Все окей, — отвечаю максимально беспечно.

— Болит? Кровь идет?

— Нет и нет. Говорю же: все отлично!

— Точно?

— Зачем мне врать? — дергаю плечом.

— Тогда чего стоишь там, как чужая? Иди ко мне, ну! — руки раскрывает.

Выглядит довольным и так очаровательно улыбается, что я с разбега прыгаю к нему в объятия. Он укладывает меня на кровать и целует, целует... Щеки, губы, нос, глаза... Все лицо покрывает короткими поцелуями.

Я зажмуриваюсь и выпаливаю:

— Все просто ужасно, да?

Макс приподнимается:

— Ты о чем?

В окно заглядывает полная луна и в комнате достаточно светло, чтобы считывать мимику. Я вижу, что он действительно не врубается, о чем речь. Отползаю к изголовью и сажусь прямо. Краснею, как рак в кипятке.

— Ну-у... — тяну, набираясь смелости, — ...я ведь понимаю, что тебе такой секс неинтересен, и осознаю, что не оправдала твоих ожиданий, — строчу с серьезным видом. — У меня пока нет опыта, но я смышленная и быстро схватываю, поверь. Если тренироваться... в смысле практиковать...

Громкий смех Макса не дает договорить. Я замолкаю на полуслове, сраженная его бурной реакцией.

— Извини, Элли, но про ожидания и неинтересный секс — это ты круто завернула. Убила формулировками! А идея с тренировками мне нравится. Готова упражняться каждый день?

Он лукаво улыбается, а у меня лицо полыхает. Вот уж действительно ляпнула! Напросилась, получается, но слово не воробей, и заднюю я не включу.

— Мне все понравилось и да, я готова, — говорю уверенно, как мне кажется.

— Что, и кусаться больше не будешь?

Он опять хохочет. Ну что за человек! Я от стыда сгораю, а ему все хаханьки.

— Не буду, — бурчу, глянув на отпечаток своих зубов. Выглядит он ужасно. — Прости, пожалуйста, я не хотела.

— Не волнуйся, я привит от бешенства! — веселится Макс, потирая укус. — Зачетная отметина. Вот бы шрам остался, я бы им гордился и всю жизнь стебался над тобой.

Что он такое говорит? *Всю жизнь!* Тоже мне шутник нашелся. Поупражняется со мной пару недель и улетит за океан.

По спине холодок пробегает. Даже думать об этом жутко. Придвигаюсь и обнимаю Макса со спины. Утыкаюсь носом в теплую шею и вдыхаю, вдыхаю в себя аромат его кожи. Никогда не забуду.

Мы долго так сидим. В комнате тихо, только наше дыхание слышно. Воздух нежностью пропитан и я снова чувствую себя невозможно счастливой.

— Знаешь, а ты мне не понравился сначала, я про тебя всякие гадости думала, — пробивает меня на откровения.

— А я на тебя с первого взгляда залип. Подумал: ах-хренеть, какая девочка, хочу себе! — усмехается Максим.

— Мне казалось, я тебя раздражала.

— Раздражала — это слабо сказано! Ты конкретно бесила тем, что не велась.

Я пока не скажу ему, что повелась на третьей минуте нашего знакомства, как только в глаза ему посмотрела. Не стану кормить его самомнение, оно и так запредельно высокое.

— Я тебя первой поцеловала, — вспоминаю и зажмуриваюсь. До сих пор стыдно за ту выходку в день нашего знакомства.

— Ну нет, Лиза. Первым поцеловал тебя я, — спорит Макс. — Ты была не в себе, когда попыталась, это не считается. Извинялась потом, что бес попутал. Еще и дружить постоянно предлагала.

— Потому что я думала, что Маша — это твоя девушка, — признаюсь.

Макс резко разворачивается:

— Ты серьезно? — Я закрываю лицо руками и киваю. — Жесть какая! По-твоему, я похож на педофила?

— Есть немного! — прыскаю.

— Та ну на фиг, — бурчит он, укладываясь поперек кровати на спину. — Ты самая юная, кого я целовал, не говоря об остальном.

Я ложусь рядом, смотрю в потолок.

— У тебя были девственницы? — спрашиваю спустя минуту.

— Нет, — отвечает сразу же.

— А вот и врешь! Я была! — подскакиваю.

— Ты не была, Лиза. Ты есть, — поправляет.

Улыбка расплывается на все лицо. Я есть у него, а он у меня. Мы вместе, мы — пара. У

нас не просто летний романчик, все серьезнее.

— Мне с тобой очень хорошо, — произношу чувственно.

— Мне с тобой тоже, чтобы ты себе не думала. Я тебя чувствую, и думаю о тебе бесконечно. Рядом ты или нет — постоянно в моей голове.

У Макса голос хрипнет, а у меня мурашки по коже бегут и слезы наворачиваются. У нас точно любовь. Он, возможно, этого еще не понял, а у меня ноль сомнений.

— И что мы теперь будем делать?

У вопроса смысл глобальный, но Макс то ли не понимает, то ли намерено к шутке сводит:

— Мы будем спать, а завтра утром начнем «упражняться», как ты выразилась. Набирайся сил, Элли, с каждым разом тренировки будут усложняться.

— Я спортсменка, и усилением нагрузок меня не испугать, — отшучиваюсь и затихаю в своих мыслях.

Представляю наше будущее. Пока только ближайшее, надолго загадывать рано, да и сложно в нашей ситуации. Он ведь уедет, у него вся жизнь на другом полушарии.

Мы так и лежим поперек кровати. Я дышу неслышно, он громко и часто. Не спит, естественно, тоже о чем-то думает. Наощупь нахожу его руку и глажу ее, по одному сжимаю пальцы: большой, указательный. Когда обхватываю средний, Макс надо мной нависает:

— Провоцируешь?

Взглядом прожигает, и у меня низ живота спазмирует. Руками его обвиваю, ногами обхватываю, тянусь за поцелуем.

Страсть накрывает бурлящей волной и уносит. Как чокнутые целуемся. Полотенце с Макса падает, мое раскрывается и сминается. Контактимусь коже к коже. Горячо, жарко. Касаемся максимально, вжимаемся до легкой боли. У Макса каменная эрекция, у меня адовая пульсация между ног. Он так нужен мне там.

Нас прерывает, хлопанье дверей и приглушенный разговор внизу — Костя с Машей нагулялись. Макс замирает, отрывается и скатывается. Меня дрожью пробивает и это не от холода. Мы оба дышим часто и молчим, прислушиваемся. Быстрые шаги на лестнице, хлопок соседней двери — и все стихает.

— Я тебя хочу, — говорю шепотом, придвигаясь.

— Лиза, — вздыхает Макс сожалением. — У тебя не зажило еще. Давай потерпим до утра, я не хочу причинять тебе боль.

— А ты сможешь?

Во все глаза смотрю на вздрагивающий член. Он большой и красивый — идеальный, как его обладатель. Это удивительно, но я рассматриваю его совершенно не стесняясь, и чувствую не отвращение, которое возникло однажды, когда крупным планом увидела мужской орган в порно, а интерес и какой-то азарт что ли.

— Макс, я хочу его попробовать. Это нормально? — спрашиваю, пошло сглотнув.

— Это супер, Лиза! Просто гениально! — смеется Доронин, откинувшись на подушки.

— Ни один парень не откажется от минета, да? — вслух вспоминаю сказанную Нечаевой фразу.

— Не знаю, я собираюсь отказаться, — хмыкает Макс, почесав нос.

— Ты не собирался! Тебя жест выдал!

— Окей, поймала, — соглашается. — Сложно отказаться от такого предложения, но я умею думать верхней головой. Тебе еще рано.

— А Лерка говорит, что мужики не умеют терпеть. Что им надо все и сразу, иначе на сторону глядят.

— Не слушала бы ты эту Лерку и не водилась с ней. Она тебе не ровня.

— Вот ты ее не любишь, а она о тебе самого хорошего мнения. Прямо уговаривала меня замутить с тобой.

— Но ты зачем-то упиралась, — хитро улыбается Макс.

— Я сомневалась. Думала, что ты женат, представляешь?! Накрутила себя, дурочка! Гуглила тебя, компромат искала...

Я смеюсь, а Макс, напротив, становится серьезным и как-то в лице меняется.

— Лиза, — зовет и смотрит странно. — Ты меня выслушай, ладно? — просит таким тоном, что хорошего не жди.

Веселье как рукой снимает. Я напрягаюсь каждой клеткой, становлюсь сверхвосприимчивой.

— Так ты женат? — не то спрашиваю, не то догадку озвучиваю.

— Я просил тебя послушать, — напоминает. — Это не так просто объяснить.

— Да или нет? — давлю.

Уже знаю ответ, когда он выдыхает:

— Да, официально состою в браке...

Я не дышу, не получается пока. Затихла и перевариваю это предложение. Воздух вокруг меня уже стал колючим и неприятно дребезжит.

Прикрывшись простыней, Макс спускает ноги на пол и ерошит волосы:

— ...Это договорной брак. Фиктивный, понимаешь? Мне было необходимо жениться для оформления опекуинства! — поясняет эмоционально. Таким нервным я его не помню. — У одной моей знакомой, с которой мы учились в универе, возникли проблемы с документами. Она искала фиктивного мужа с австралийским паспортом, мне нужна была жена по документам...

— Подожди! — останавливаю, выдвигая вперед руку. — У тебя реально есть жена, но ты не посчитал нужным сказать мне об этом? — уточняю зачем-то.

— Она фиктивная жена, она мне никто.

— Это неважно. Важно то, что ты не сказал. Она сейчас в Австралии?

— Нет, у родителей в Москве.

— Русская?

— Армянка. Но семья давно в России.

— Как ее зовут?

Зачем мне вся эта информация — ума не приложу.

— Карина.

— Карина Доронина — звучит неплохо, — добиваю себя.

Я ему доверилась и полюбила, а он жену скрывал. Как же так? Ничего не понимаю. В висках стучит, в голове жуткий треск. Все, о чем я только что думала и мечтала рушится быстро, как карточный домик.

Вот и качнулся маятник обратно.

— Она не Доронина. Фамилию не меняла. Это временный брак! Ты меня слышишь Лиза? — Макс дергает меня за руку, потому что я смотрю в одну точку на стене. — Ты что, не веришь?

— Мне нужно на улицу, — с трудом выговариваю слова. Горло как в тисках.

— Идем!

Макс берет меня за руку, но я ее выдергиваю и за спину прячу. Полотенце дурацкое раскрывается, я его запахиваю резко, со злостью.

— Нет, я сама! Хочу подышать, и подумать. Мне нужно, понятно!

Я грублю, мне плохо. В груди болит нестерпимо. Каждый вдох, как битое стекло скатывается по горлу и продирает, царапает.

Чертов ты маятник, тормози уже!

Пол под ногами будто мягкий. Я ступеней не различаю, скатываюсь с лестницы. Несусь, не зная, куда и зачем.

Поверить не могу, что это со мной происходит. Вот бы эта ночь и этот дом оказались сном. Но нет, они реальны, как и давно остывшая пицца на островке, и мое недопитое шампанское.

Как я могла не понять? Мы так много общались, все время проводили вместе. Ничего не замечала, дурочка влюбленная. А ведь Костя предупреждал.

А вот, кстати, и он — обеспокоенный моей наивностью шутник Баринов. Развалился в темноте на диване, смотрит видосики в телефоне.

Обозначив свое присутствие покашливанием, подхожу и встаю напротив. Высказать ему хочется, а нечего. Сама виновата, не услышала его.

Костик поднимает глаза:

— Что такое, Лиза? Чего ты бродишь в ночи, в белом платье, как призрак невесты?

Ну и сравнение.

Когда я танцевала в этом платье у моря, Маша меня ангелом называла, а сейчас на приведение похожа. Есть в этом смысл, если вдуматься. Тогда я чувствовала себя наполненной светом и счастьем, теперь внутри пустота.

— Не мог нормально сказать? Тогда, на твоём пляже... Ты просто намекнул, я ничего не поняла и приняла за шутку. Только это ни разу не смешно!

Все же нахожу, что предьявить. Пытаюсь разделить ответственность за собственную глупость, выставляю себя ещё большей дурой.

— Ясно, — хмыкает Баринов, спуская ноги с дивана. — Узнала, значит. Спросила или он сам все рассказал?

Я-то спрашивала раньше, но не так, как следовало. Растерялась, застенялась, протупила. Глупая, глупая!

— А есть разница?

— Вообще никакой, — соглашается Костя. — Присаживайся, потрещим за жизнь, — стучит ладонью по дивану.

Я сажусь с самого края, держу спину ровно и смотрю перед собой.

— Он сказал, что брак фиктивный.

— Ну, раз сказал — значит, так и есть, — буркает Костя, откидываясь на высокую спинку.

— Скажи мне правду, — прошу шепотом и смотрю умоляюще.

— А ты не веришь Максусу? — удивляется, красноречиво вскинув брови. — Ты же ему в рот заглядываешь, дышишь при нем через раз. И не доверяешь? Как так, Лиза? Ай-яй-яй...

— Постебать меня вздумал? Не нужно, Кость, мне и без этого хреново. Я же люблю его, — признаюсь и рот рукой зажимаю.

Глупышка продолжает делать глупости. Зачем я откровенничаю с его другом? Куда меня несет? К чему вообще говорить о чувствах, у которых нет будущего?

Отложив телефон, Костя на меня косится:

— Любовь частенько бывает жестокой. Ты разве не знала?

— Но это так неправильно и так несправедливо! Он врал мне, получается, — прикрыв

глаза, качаю головой.

— Велком во взрослую жизнь, Лиза, — приветственно разводит руками Баринов. — Если вдруг найдешь тут справедливость, правду и чистые чувства — сбрось мне явки и пароли, лады?

По моим щекам стекают слезы, я их стираю тыльной стороной ладони.

— Я с парнем из-за него рассталась, маме беременной вру, а он... Разве можно быть нечестным с тем, кто тебе доверился?

— Можно. В некоторых случаях лучше соврать. Правда иногда ранит сильнее лжи. Вот ты ее узнала и плачешь.

Костя смотрит на меня с сочувствием, протягивает руку и касается плеча, а я его одергиваю.

— Ты ее знаешь? Карину эту? — всхлипываю. Он кивает. — Дашь мне ее контакты?

— Прости, Лиза, но я не буду в это лезть. Можешь спросить у Машки, она подписана на нее в соцсетях. Или через гугл поищи. Карина Фароян. Она бью-блогер и у нее дофига подписчиков, какие-то миллионы. Косметику рекламирует, из салонов не вылезает...

Его слова повергают меня в шок. Макс женат не на бедняжке, у которой возникли проблемы с визой. Его жена — инфлюенсер и, судя по всему, красавица. А кто я? Всеми забытая бывшая чемпионка, вызывающая жалость хромоножка. В моем блоге чуть более сотни фалловеров, я никому не интересна.

Ненужность — это мой триггер, пусковая кнопка для панической атаки, которая почему-то не срабатывает. Я не паникую и не плачу больше. Смотрю сквозь Костика стеклянными глазами и с силой сжимаю кулаки. Разочарование, неприязнь и злость — вот что я чувствую.

Макс оказался не героем, а трусом и лжецом, Костя — ценичным козлом, а ванильная Маша — двуличной. Набиваясь в подружки, сладко пела о моих талантах и молчала, что брат женат. Милая сучка.

Невольно вспоминаю Нечаеву. Она далеко не идеальная подруга, но сейчас мне ее не хватает.

— Я все поняла, Костя. Извини, что побеспокоила.

Процедив это сквозь зубы, резко встаю и делаю шаг в сторону входной двери.

— Куда это ты собралась?

Баринов хватается за руку и дергает обратно. Плюхнувшись рядом, я отодвигаюсь и смотрю на него исподлобья.

— Какое твое дело? Ты сделал все, что мог: поддержал, успокоил, приободрил... Bravo, Костя! На фоне женатого друга ты просто молодец. Девушку тебе желаю найти такую же честную и искреннюю, — язвлю с улыбочкой.

Снова поднимаюсь. Он тоже подрывается и преграждает собой проход.

— Не глупи, Лиза. Я вижу, что ты не в себе. Давай-ка остынь и поговорим нормально.

Нас разделяет меньше полуметра, я слышу запах алкоголя. Странно, что Костя пил, он же был за рулем.

— Не хочу я больше разговаривать, домой хочу. Можешь отвести меня на автовокзал?

— Я выпил, Лиза, — признается. — Машина в городе осталась, мы с Машей на такси вернулись.

— Тогда дай номер такси, — скорее требую, чем прошу.

— Не нужно, Лиз. Завтра все вместе поедем.

— Я сама решу, когда ехать, мне никто не указ. Дай пройти! — толкаю его в грудь.

Я не истеричка, не собираюсь бежать из этого дома, сломя голову в ночь. Хочу выйти на улицу, как и планировала, чтобы остыть и подумать. Уеду после разговора с Максом.

— Никуда ты не пойдешь, — говорит Костя, расставляя руки по сторонам. — Не дури, я тебя не пушу, — улыбается миролюбиво, бесит этой улыбкой.

— Иди ты на хрен, Костя! Отвали! — срываюсь на крик и пихаю, что есть силы, а он стоит, как вкопанный.

Бороться с высоким и крепким парнем — очередная глупость, которую я совершаю. Толкаюсь и луплю Барина по груди и плечам, шипя что-то вроде: «Пусти, придурок!».

Он терпит, дает мне выпустить пар, но, когда я нечаянно попадаю по шее, рычит и блокирует, зажав в стальных объятиях. Пошатнувшись, мы заваливаемся на диван. Я взвизгиваю — он тут же отпускает, но подняться мы не успеваем.

— Ты охуел, Костян?!

Голос звучит оглушающе громко, сотрясает воздух. Отскочив в сторону, я обхватываю себя за плечи. Костя поднимает руки и поднимается сам:

— Спокойно, Макс! Она хотела...

Договорить он не успевает. Максим замахивается и в следующую секунду я слышу холодящий душу звук, похожий на хруст. Костя заваливается назад, но тут же подскакивает и встает в стойку. Он не слабее и не медленнее друга, просто не ожидал. Ответит — драка будет серьезная.

Парни сверлят взглядами друг друга, дышат громко и вразнобой. Агрессии в воздухе столько, что он звенит. От мысли, что это происходит из-за меня, кровь в венах стынет. Нужно что-то сделать! Объяснять долго, встать между ними страшно. Я не придумываю ничего лучше, чем закричать:

— Ненавижу!

У этого емкого слова нет адресата, это мое отношение к ситуации.

Макс принимает на свой счет и переводит взгляд на меня. Костя вздыхает и мотает головой. На лестнице появляется сонная Маша с наивным вопросом: «А что здесь происходит?». Градус общего напряжения снижается, но я натянута до предела и больше ни секунды не хочу оставаться в этой компании и этом чертовом доме. Перепрыгнув через спинку, подворачиваю больную ногу и несусь к входной двери, забив на боль.

Макс догоняет меня на пороге. Почувствовав его пальцы на локте, я вздрагиваю, как от удара током.

— Постой, пожалуйста! Я не обижу, — обещает в спину.

Развернувшись, стискиваю зубы и сжимаю кулаки. Вот бы я могла вмазать ему, как он Костику. Как у мужиков все просто решается: двинул раз и все этим сказал.

— Чего тебе? — в глаза смотрю, хоть это и непросто.

— Как это понимать? Ты говоришь, что хочешь подышать воздухом и бежишь с другим зажиматься, на том же диване.

Его глаза холодные, как лед, лицо и шея перенапряжены. Он в гневе, но я его не боюсь.

— Дурак, — качаю головой.

Разворачиваюсь и дальше иду, к калитке. Куда я босиком — сама не знаю. И нога ноет. Я ее берегу, лишний раз не опираюсь в танце, а тут прыгнула, не подумав, и вот результат.

— Может и дурак. Ты объясни!

Следом идет, индюк упертый. Знаю, что не отстанет. Торможу посередине двора и

кратко пересказываю, как дело было. Умещаю все в три предложения, там и рассказывать нечего.

Выслушав, Доронин кивает. Не усмехается, не фыркает, вопросов каверзных не задает. Смотрит на меня с тоской.

— Что-то еще? — сглатываю нервно.

— Куда ты идешь?

— Куда глаза глядят, лишь бы подальше.

— От меня?

— В первую очередь.

— Не веришь? — вздыхает. Я уверенно мотаю головой. — Могу доказать. У нас контракт подписан, там все четко. Идем в дом, дам почитать.

Я подвисяю. Это неожиданно, что Макс так борется за меня. Лучшего друга ударил из ревности, а я знаю, как он дорожит этой дружбой. Теперь вот предлагает посмотреть документы. Зачем он это делает? Вроде как получил, что хотел.

— Мне неинтересно, — привираю, конечно же. — Оставаться в этом доме я не собираюсь, встречаться с тобой тоже. Я не буду спать с женатым, не на помойке себя нашла! — вздергиваю подбородок.

— Вот ты и ответила на свой вопрос, почему я тебе не сказал.

— Прямо нужно было меня трахнуть, да?

— Да, и не только трахнуть. Мне больше нужно, Лиза. Ты нужна...

Голос у Макса проседает. Он подается вперед, тянется рукой, но дотронуться не решается. Чертит взглядом короткие линии на моем лице и дышит рывками, а я совсем не дышу. Это был запрещенный прием.

— Отлично, Вета! Просто супер!

Я заканчиваю танцевать под два привычных хлопка бывшего тренера и расплываюсь в улыбке. Она не строгая, но ее комментарии редко бывают настолько восторженными.

— Работать есть над чем, — на всякий случай осаживаю свою гордыню.

— У совершенства нет предела, — соглашается, — Но танцевала ты хорошо. Четко в такт, чисто. Гнула изумительно, эмоции давала! Я тебе верила, от начала и до конца. Вторую половину снимала. Посмотри, — протягивает телефон.

Досмотрев минутный ролик, хмурю брови. Низкое качество телефонной съемки портит все впечатление. Мне нужны профессиональные студийные видео, такие — не годятся.

— Хочу попросить Влада поснимать меня. С софитами, экраном и на профкамеру, как он для сайта делает. Сколько это будет стоить?

— Для тебя — нисколько, — улыбается. — Ты же наша девочка.

Сложив телефон в сумку, Ника достает ключи от машины.

— Но любая работа должна быть оплачена. Это для блога.

— Станешь знаменитой — сводишь нас с Владленом в ресторан. Хороший и дорогой, желательно парижский или миланский, — смеется, направляясь к выходу.

Я остаюсь стоять посреди зала:

— А если не стану?

Ника оборачивается:

— Станешь, даже не сомневайся! Ты не против, если я отправлю это видео одному знакомому? Он работает в Москве в продюсерском центре, спрашивал интересную девочку для клипа какого-то рэппера.

— Отправь, конечно. Если что, я и в массовке готова потанцевать.

— Не нужно размениваться, красота моя. Массовка — не для тебя. Ты не просто хорошо танцуешь, ты в танце искришь! Что-то магическое в тебе раскрылось, очень мне нравится.

— Спасибо, — смущаюсь.

— Откуда ты движения берешь? Ты же бальница, столько лет в паре и в рамках правил, и вдруг такая свобода. Подсматриваешь у кого-то?

— Нет, они приходят, как видение, или во сне, — смущаюсь еще больше.

— Интересно! Расскажешь потом, я уже опаздываю, у меня встреча с родителями юниоров. Будешь уходить — не забудь поставить на охрану. Код помнишь?

— Обязательно! — обещаю ей в спину.

Оставшись в одиночестве, поглаживаю плечи. Моя магия — это боль, которую я пробую вылечить. Танец, который Ника так высоко оценила, родился в том чертовом доме, в той самой комнате. Я все-таки осталась на ночь, потому что автобусы уже не ходили, а ночное такси с южного берега в августе стоит, как половина почки.

Макс ночевал в другой комнате. Не знаю, спал он или нет — я глаз не сомкнула. Лежала в простынях, хранящих запах нашей близости, смотрела в потолок. Низ живота тянуло, нога ныла, сердце на части рвалось. Всей этой боли назло я поднялась с кровати и начала танцевать — так, как чувствую...

Отдохнув, по новой включаю песню. Она не подходит по смыслу и это раздражает. Вечером буду искать другую, пока танцую под эту. Мне нельзя терять время. С понедельника

начнутся занятия в универе, тренироваться ежедневно не получится, а у меня грандиозные планы — на блог и на жизнь.

С финальным аккордом оседаю на пол. Устала. За окном еще день, но солнце уже низко, еще лето, но осень уже близко.

— Круто танцуешь! Не знал, что ты так умеешь.

По спине прокатывается дрожь. Я не ожидала услышать этот голос и не могу сказать, что рада его слышать.

— Что ты здесь делаешь?

Красовский стоит в дверях, подпирает плечом косяк. Руки в карманах белоснежных брюк. Он весь в белом, а я вся в черном, под цвет настроения.

— Заглянул попрощаться. Вечером в Москву улетаю, — говорит с улыбкой.

Вот странный, мы вообще-то расстались.

— Ну, прощай! Удачи в Москве! Что там, кстати?

— Свадьба какого-то олигарха, будем пьяных гостей ча-ча-ча развлекать.

— Если за это платят, почему нет? — пожимаю плечом.

Илья кивает, соглашается. Мы с ним часто танцевали на частных мероприятиях за деньги, это нормально.

— Может кофе выпьем?

Оттолкнувшись, он направляется ко мне. Все так же улыбается, выглядит хорошо. Не могу понять: стрижка новая, что ли?

— На самолет не опоздаешь?

— Успею. Идем?

Красовский протягивает руку. Я машинально вкладываю в его ладонь свою и поднимаюсь. Держать его за руку в нашей родной студии так же естественно, как щуриться на солнце. Это на уровне рефлекса.

— Не уверена, что хочу кофе.

— Можем выпить чай или сок, — он не настаивает, именно предлагает. — Отметим твоё возвращение в студию.

— Ладно, — соглашаюсь. Повод действительно есть.

— Хорошо у тебя получается в этом стиле. Неожиданно.

Красовский не жадный не комплименты. И сам похвалу любит, тот еще нарцисс.

— Спасибо. Ника показала мне ваш выход в Штутгарте. Ты отработал безупречно, — спешу сделать ответный реверанс. — Ульяна переигрывала, на мой взгляд.

— Есть такое, — вздыхает.

Со мной он уже стал бы Чемпионом Европы, мы оба это знаем, но реальность такова, что вместе танцевать мы больше не будем.

Я ухожу в раздевалку, Илья выключает стереосистему и гасит в зале свет. У меня чувство, похожее на дежавю, но это не оно. Мы сотни раз вот так уходили после тренировки вместе.

— В дом уже переехали?

— Мама со Славой — да, я пока в городе живу.

— Одна?! — удивляется.

— Мне не страшно, вокруг люди, — отшучиваюсь, нервно хохотнув.

Волнуюсь отчего-то. Руки дрожат, пока вещи в рюкзак складываю. Это не из-за Ильи, что-то другое.

Студия находится на втором этаже. Пока Красовский включает сигнализацию, я медленно спускаюсь. С каждым шагом вниз уровень моего волнения ползет вверх. Илья догоняет, галантно открывает передо мной дверь.

— Куда пойдём? — подставляет локоть, и я беру его под руку

— Мне все равно.

Мы синхронно преодолеваем спуск с порога в пять ступенек. Двигаться в паре с Ильей мне по-прежнему комфортно, но что-то не так — предчувствие не отпускает.

Сначала я ощущаю легкое покалывание между лопаток, а потом слышу:

— Лиза, можно тебя на минутку?

Сердце подпрыгивает. Этот низкий голос тоже звучит неожиданно, но ему я рада до резко вспотевших ладошек.

— Кто это? — спрашивает Илья, не шевеля губами.

А я в замешательстве, что ответить.

Максим Доронин стоит рядом с красной бариновской «Хондой» и выглядит, как чертов мачо. Высокий, широкий и brutальный настолько, что колени мои слабеют.

Глаз от него отвести не могу. Мы не виделись после той поездки и не разговаривали. Я заблокировала его номер, но не мысли о нем.

Боже мой, как сильно я соскучилась!

— Это... Это... — заикаюсь шепотом, — ...брат мой двоюродный, по линии отца. Подожди, я быстро.

Намеренно не отпускаю Красовского. Его присутствие — хоть какая-то гарантия моей адекватности. Очень слабая гарантия, надо признать.

— Ты нас не познакомишь? — удивляется Илья.

Зря я лягнула про брата.

Мы подходим вместе, сердце срывается в галоп.

— Привет. Что-то случилось? — очень стараюсь вести себя непринужденно.

— Добрый день! Или уже вечер? — весело здоровается Илья.

Макс молчит. Смотрит только на меня, да так, что волоски приподнимаются.

— Знакомься, Илья, — говорю чужим высоким голосом. — Это Максим, он недавно приехал, а вообще живет... далеко.

Тупейшее представление.

У Доронина едва заметно дергается уголок губ, он еще раз называет свое имя и протягивает руку Красовскому. Тот пожимает ее и говорит дежурное «приятно познакомиться». У меня перед глазами мушки и во рту напрочь пересохло. Как люди вывозят подобные ситуации без инфаркта?

— Извини, Илья, но нам с Лизой нужно поговорить. Наедине. Минут пять-семь, — произносит Макс, глядя почему-то на меня.

Очень похожую фразу он сказал Маше в горах, а потом целовал меня так, что земля из-под ног уплывала. Ох, как он целовал. Память — та еще предательница, картинки подбрасывает невовремя.

— Окей, без проблем, — отзывается Красовский. — Я тогда в нашем кафе подожду, — это уже мне говорит.

Я киваю, как болванчик, и радуюсь, что ложь осталась незамеченной, но тут Илья все портит:

— Не знал, что у Веты есть взрослый брат, но рад нашему знакомству.

Парни обмениваются рукопожатиями, я покрываюсь нервной испариной. Вот это залет!

— Брат, значит. Интересно, — хмыкает Макс, когда мы остаемся вдвоем. — Ты снова с ним? Помирились?

Он понял, кто такой Илья. Видел наши выступления, сопоставил факты.

— Что? Нет! Я... Мы не ссорились, — путаюсь в показаниях, переминаясь с ноги на ногу.

Хочу сказать, что мы расстались по-хорошему и общаемся, как друзья, но получается иначе.

— Даже так, — снова хмыкает Макс. — Все интереснее и интереснее.

У него какие-то претензии ко мне? Я ему ничего не должна! Вздернув подбородок, сощуриваю глаза и перехожу в наступление:

— Ты как здесь оказался? В смысле, как нашел меня?

— А ты от меня пряталась?

Его очередной хмык уже бесит.

— Что нужно?

— Прокатимся?

Вот как! Разговаривать вопросами будем, значит. Ладно.

— Зачем?

— Если скажу, что соскучился — согласишься?

В этом вопросе есть и ответ. Услышав его, мое влюбленное сердце радостно подпрыгивает. Я сцепляю зубы, силясь не улыбнуться. Ни за что не скажу ему, что тоже скучала.

— Ты предлагаешь просто покататься? С какой целью?

Макс вздыхает. Достает шлем и протягивает мне:

— Садись — и узнаешь.

Его голос смягчается, на губах появляется улыбка. А глаза... Я не могу в них не смотреть, утопаю в их синеве. Приворожил он меня, что ли?

— Я не люблю сюрпризы, — предупреждаю, но шлем зачем-то беру.

— Все любят сюрпризы, если они приятные.

— С чего ты взял, что мне понравится? — хмыкаю в его же манере.

— Просто знаю. Уверен.

Какое вопиющее у него самомнение, и как же сложно мне ему противостоять.

— У меня есть планы на вечер, — делаю последнюю попытку.

Сегодня я врунишка в превосходной степени. Нет у меня никаких планов, кроме как страдать по нему, рассматривая фото в телефоне. И я хочу сесть на этот красный мотоцикл и уехать с ним.

— Еще не вечер, мы успеем. Отвезу тебя, куда скажешь и как только захочешь. Соглашайся, Элли, ну же!

Макс уже сидит на «Хонде» и смотрит игриво, уверенный, что поддамся на уговоры. А что я? Я плавлюсь под его взглядом, как сыр в микроволновке.

— Только до вечера, — ставлю бестолковое условие. Вечер — растяжимое понятие, если проводишь его с парнем, в которого влюблена.

Надев шлем, перебрасываю ногу и берусь за пассажирские поручни. Хорошо, что я сегодня в брюках. Плохо, что пытаюсь вспомнить, какое на мне белье.

— Лучше держись за меня, — советует Макс.

— Быстро поедем?

— Мне так будет спокойнее.

Мне так будет беспокойнее, но я его обнимаю.

«Хонда» трогается резко, вынуждая теснее прижаться к крепкой спине. От нахлынувших чувств крепко зажмуриваюсь. Ни гордости у меня, ни совести, да и ума становится меньше, когда он рядом. Но я лучше сделаю и пожалею, чем буду жалеть, что не сделала.

Не знаю, сколько времени прождал меня Красовский и понял ли он, что Макс — никакой мне не брат. Несколько раз он набирал, но я не слышала, мы уже мчали по трассе.

Впереди виднеется ярко синяя полоска моря, в высохшей за лето траве оглушительно громко стрекочут кузнечики. Мы уже съехали с асфальта и катимся по проселочной дорожке между виноградников. Скорость маленькая, а я все так же прижимаюсь к широкой спине Макса и мечтаю, чтобы этот чудесный момент продлился подольше.

Есть у времени жестокая особенность мучительно тянуться, когда тебе плохо, и незаметно пролетать, когда очень хорошо. Не знаю, сколько времени мы с Максом ехали, согласно часам, по моим ощущениям — жалкие минуты.

Мотоцикл тормозит на краю песчаного обрыва. Макс спрыгивает с первым, снимает шлем и достает свой рюкзак из багажника.

— Ты привез меня на дикий пляж? Зачем?

— Не нравится здесь?

Я оглядываюсь по сторонам и смотрю вниз на безлюдный клочок суши. Место очень живописное и нетронутое цивилизацией. Не знала, что в Крыму остались такие.

— Нравится. Но что мы будем делать? — резво спрыгиваю с мотоцикла, отдаю шлем.

— А что обычно делают на пляже летом?

Мы продолжаем разговаривать вопросами. Эту бессмыслицу пора прекращать.

— Обычно плавают и загорают, но для этого нужен купальник, которого у меня нет.

— Найдем другое занятие.

Макс уже начал спускаться по высеченным в глинистой породе ступеням. Пройдя несколько метров, остановился и ждет. Щурится на солнце. Ветер треплет его темные волосы, раздувает надетую поверх футболки рубашку. Я на него поглядываю, фотографирую на память глазами и под ноги не смотрю. На первой же ступеньке поскальзываюсь и съезжаю по утоптанной глине, как по ледяному катку.

— О-ой, — выдыхаю, впечатавшись в твердое тело.

Максим обнимает. Уверенно так, по-свойски. Я напрягаюсь. Одно дело на мото за него держаться и совсем другое, когда он меня касается, да еще так.

— Осторожнее, Лиза.

Он произносит слова медленно, почти шепотом. Поглаживает по спине и смотрит на мои губы. Буду стоять так и молчать — поцелует. Как пить дать, поцелует! И я, дурочка, жду этого, а ведь слово себе дала не никогда больше.

— У меня подошва гладкая, — оправдываюсь, глядя в сторону.

Нельзя сейчас смотреть ему в глаза, в них все мои желания крупными буквами. Угораздило же меня так влюбиться!

На пляже Макс расстилает небольшое покрывальце и приглашает меня присесть. Достает из рюкзака две банки какой-то газировки, коробку с ягодным ассорти и сырную нарезку в вакууме. Раскладывает все это по центру и вытряхивает из бокового кармана гору шоколадных конфет.

— Не знал, какие тебе нравятся, поэтому купил разных, — поясняет, рассыпая их рядом с остальной едой.

Значит, у нас тут мини-пикник намечается. Очень мило, что Доронин подготовился, только не понятно, с какой целью. Я четко дала понять, что между нами все кончено, он мою позицию принял. Мы попрощались сухо, без поцелуев и обнимашек. И вот, спустя

почти неделю, сидим на пляже и едим конфеты.

— Подай мне «Ромашку», пожалуйста, — протягиваю руку.

Макс подбрасывает мне конфету и себе берет, но другую.

— Я «Красный мак» люблю. Однажды слопал целый пакет и расцарапал язык вафельной крошкой. Он так разбух, что пить не мог! — смеется.

Своими воспоминаниями я делиться не хочу. Конфеты «Ромашка» любил мой папа, после его смерти я их ни разу не ела.

Максим открывает и протягивает мне банку газировки. Я делаю глоток и понять не могу: запах знакомый, вкус непонятный.

— Что это?

— Кокосовая вода. Ты не любишь?

— Не пробовала раньше. Вкусно, — улыбаюсь, смакуя новый вкус и всматриваясь вдаль.

Солнышко почти дошло до горизонта, в конце лета оно садится быстро и особенно ярко, окрашивая небо и море разными оттенками желтого и красного.

С Максом я полюбила закаты. Только их мне и дальше можно любить с чистой совестью, а у чувств к этому парню сомнительное будущее. Я прочла чертов брачный договор, он был заключен в июле, сроком на два года. Все это время Макс и Карине запрещено заводить другие отношения. Раскрытие фиктивности брака грозит серьезными проблемами с законом, поэтому правила поведения прописаны четко. Макс обязан сопровождать Карину на светских мероприятиях и различного рода активностях, связанных с ее блогерством, а также проводить с ней рождественские праздники и раз в полгода ездить вместе в отпуск. Не представляю, как можно встречаться с парнем, у которого столько обязательств перед другой девушкой. Очевидно, что никак.

— Потанцуешь? — спрашивает Макс так неожиданно, что я вздрагиваю и смотрю на него с недоумением. — Закат красивый, а у меня Машкина камера с собой и я неплохо снимаю, — спешит пояснить он.

— Муж популярного блогера просто обязан снимать хорошо, — хмыкаю. — Пилить контент нужно бесперебойно!

Я не пытаюсь быть милой, у меня самое незавидное положение в этой почти мыльной истории с фиктивным браком.

Мой язвительный тон Максим пропускает мимо ушей. Достает из рюкзака камеру и открывает объектив.

— Ты посмотри, какие тени причудливые на обрыве образовались. Можно на их фоне, а можно море захватить. Цветность в кадре чудовая!

Мне интересно посмотреть, я придвигаюсь ближе и заглядываю. Максим тут же приобнимает. Почти невесомо, но достаточно для того, чтобы мир вокруг начал меняться. Тени плывут, краски расползаются в непонятно откуда взявшемся тумане. Я слышу глубокое дыхание, чувствую знакомый, слегка древесный запах и перестаю контролировать собственное тело. Меня мелкой дрожью пронизывает, следом жаром обдаёт.

— Хорошие виды, — произношу хрипловато и отползаю обратно. — Но с танцем есть проблема: музыку никак не подберу, а после накладывать — может не состыковаться.

— Ты запись делала? Покажи мне.

Отнекиваться бесполезно, он знает, что я часто снимаю себя, чтобы анализировать ошибки, видел, как я вышла из студии. Запустив снятый Вероникой ролик, я передаю ему свой телефон и затаиваю дыхание.

Макс смотрит без звука. Я закусываю губу и дышу через раз. Этот танец о нас, о моей любви к нему. В нем столько трагичности, что ее сложно не почувствовать.

Мистер Доронин верен себе: эмоций не выдает, комментариев тоже. Неужели не понимает? Досмотрев, перезапускает видео, параллельно включив на своем смартфоне неизвестный мне трек.

— Эта песня во всех западных чартах сейчас. По настроению вроде подходит.

Я слушаю и понимаю: это то, что нужно! Темп, тональность, тембр голоса, надрыв... Мне все нравится!

— О чем поется? Переведи мне, — прошу, потому что от волнения слов не разбираю.

— Давай, любовь моя, продолжай бежать, — говорит Макс. — Сдерживай свои слезы, продолжай пылать. Ты подождешь их всех, любовь моя, превратишь их в пламя...

Это всего лишь перевод чужих слов, а я вся в слух превращаюсь, впитываю каждую букву. Если бы Макс сказал мне это от себя, я бы умерла от счастья.

Глаза поднимаю — он на меня смотрит, не в экран. Мне говорит как будто. Господи!

Нет, умирать я не хочу. Хочу жить долго и счастливо, и только с этим парнем. Однажды это ведь станет возможно.

— ...Не останавливайся, завтра наступит новый день. Тебе уже не будет больно, — переводит Макс следующий куплет. — Просто продолжай идти, не дай прошлому отвлечь тебя. Ты знаешь, что нужно жить настоящим...

— Эта песня подходит идеально! — подсказываю на ноги. — Включи погромче, начиная с первого припева, и будем снимать. Сначала на фоне обрыва, потом я к воде смещусь и камера за мной. Надо торопиться, солнце садится!

Я раскидываю руки по сторонам и бегу к воде. Внутри меня такие мощные энергетические разряды фигачат, что на месте стоять не могу. Макс выбирает ракурсы и наблюдает за мной с улыбкой. Крылья за моей спиной крепнут. Я так его люблю! И два года ждать готова, и дольше.

Солнце уходит быстро, уносит с собой свет. Мы успеваем снять всего один дубль. Я выкладываюсь по полной и с последними аккордами обессиленно падаю на колени. Слышу, как Максим подходит сзади и опускается, ощущаю его близость.

— Я не умею так танцевать, но чувствую то же, что и ты. Не отталкивай меня, Лиза, — выдыхает он с болезненной хрипотцой.

Его руки обнимают мои плечи, грудь прижимается к спине. Я успеваю провернуться в кольце его рук до того, как оно смыкается, успеваю посмотреть ему в глаза. Говорить мне ничего не нужно, минутой назад я все сказала в танце, и он понял. Ни за что не оттолкну.

Его губы накрывают мои — и я улетаю. Вкус этот, запахи — они, как наркотики, попадают в кровь и меняют сознание. Мир стремительно сужается до размеров этого пляжа, а потом до наших объятий. Все вокруг исчезает, вообще все: небо, звезды, море... Словно в черную дыру уносит.

Этот поцелуй бесконечный, душу из меня вынимает. Столько в нем жажды и необходимости. Не прерывая его, Макс укладывает меня на песок и ложится сверху. Он тяжелый, а мне под его тяжестью легко. Мне очень хорошо. Тактильность сверхъестественная, ощущений — триллион, а хочется больше.

Я с силой прижимаюсь к Максиму, чувствую его возбуждение. В дрожь бросает. Кайф от нашей близости какой-то ненормальный, раздирает изнутри, выжигает. Это агония, ее не остановить.

— Макс...Я не могу, не могу, — шепчу сбивчиво, шаря руками под его футболкой. Снять ее хочу, кожу его почувствовать.

Он понимает и сразу же действует. Оголяет торс и меня раздевает. Топик вверх задирает, брюки тянет вниз. Они на резинке и легко поддаются. Почувствовав кожей песок, я прихожу в себя и вспоминаю, где мы находимся.

— Нельзя здесь, — мягко отстраняюсь и поправляю одежду.

Макс хмурит брови.

— Почему? Мы одни.

— Но это пляж, вдруг кто-то придет и застукает, — поясняю.

— Иди ко мне, — улыбается он, за ногу подтягивая к себе. — Уже темно, никто сюда не придет, — уговаривает и снова целует, да так, что у меня мозг отказывает.

Обхватываю его руками и ногами, лгну телом. Не могу не отвечать на его ласки. Физически больно без них. Кожа огнем пылает, спазмы до боли сводят низ живота.

Поцелуи становятся жарче, движения откровеннее. Макс стягивает мои брюки, следом свои. Очередь доходит до белья, и у меня снова происходит откат.

— А вдруг кто-то сверху стоит? — шиплю, отползая попой по песку. — Мы же тут, как на ладони.

— Ты смерти моей хочешь? — вздыхает Макс.

— Я так не могу, прости, — шепчу виновато.

Он снова вздыхает. Смотрит вверх и по сторонам, потом произносит настойчиво:

— В воду идем!

— Гольшом? — выкатываю глаза.

Максим игнорирует глупый вопрос, раздевается и с разбега ныряет.

— Бегом ко мне, Элли. Вода — парное молоко, — негромко зовет из темноты. — Ты же хотела попробовать в море.

Я хотела, и сейчас хочу. Но мне страшно до стука в висках. Трогаю то лифчик, то трусы. Никак не могу решить, что первое снять.

— Отвернись, пока войду, — прошу смущенно.

Макс усмехается, но просьбу выполняет. Я за секунду раздеваюсь, за вторую забегаю в воду. Она и правда теплая, но я бы и в холодную влетела, не раздумывая. Так стыдно, что все возбуждение на нет сошло, кажется.

Но это мне только кажется.

Максим подплывает сзади, подхватывает и прокручивает меня. Так ловко и быстро, что голова кружится. Я вцепляюсь в его плечи, обхватываю бедра ногами, прижимаюсь и не дышу. Мы же голые совершенно, в воде это иначе ощущается, острее как-то.

— Скромница моя, — улыбается Макс. — Покраснела-то как...

Я не просто покраснела, я огнем полыхаю. Вся целиком, и вода не помогает.

А Макс снова целует. Нетерпеливо, вкусно. И ласкает приятно. Губы у него соленые, руки горячие, сердце бьется громко и часто. Мое не отстаёт, кровь гоняет с ненормальной скоростью. Я трепещу вся, задыхаюсь от желания.

— Что же мы делаем? — спрашиваю как-то обреченно.

— Любим друг друга, — отвечает Макс, и я чувствую его в себе.

Нет больше никаких сомнений, тревожных мыслей, страхов... Ничего нет.

Мы любим друг друга.

От универа до дома Максима двадцать минут пешком, но я еду на троллейбусе и буду через пять. Волнуюсь. Кручу в руках пакет-маечку с голубыми цветочками, в нем булочки из университетской столовки. Макс только прилетел и наверняка не завтракал, а они еще теплые, вкусно пахнут ванилью и корицей.

Мы не виделись два с половиной дня, а я соскучилась до легкой степени безумия. В голове с утра только одна мысль: «Скоро увижу его! Скоро увижу!»

Через двор почти бегу, забыв про каблуки, от которых за год совершенно отвыкла. Порывы ветра спутывают волосы и поднимает юбку. Она короткая и солнце-клевш, приходится придерживать руками. Не по погоде я оделась, зато красиво, для него.

В подъезде после улицы темно и душно. Он еще хранит тепло лета, которое уже ушло. Это было лучшее лето, оно подарило мне Макса.

С того вечера на море мы практически не расставались. Несколько дней совсем не выходили из квартиры. Заказной пиццей питались и душ принимали вдвоем, боясь оторваться друг от друга. С катушек слетели на пару.

Потом началась учеба, пришлось вернуться домой. Я прибежала к Доронину после или вместо пар, но вечером уезжала. Пока мама и Слава не умотали в санаторий, выдав мне карт-бланш на взрослую жизнь. С прошлых выходных я ночую у своего парня.

Скрипучий лифт поднимается медленно, мой пульс за это время взлетает до предела. Поправляю юбку, волосы. Ветер всю укладку растрепал, но и пусть, зато на мне белье сегодня кружевное, это важнее.

Дверцы разъезжаются — сердце замирает. Я собиралась уйти после второй пары, но сбежала с первой. Хочу поскорее увидеть его и обнять, почувствовать тепло его тела. Я помешалась на Максе Доронине.

Он летал в Москву забирать документы для вывоза Маши. Мы круглосуточно были на связи, слали друг другу фотки и бесконечные смайлики, а перед сном болтали по видеосвязи, но я все равно скучала и переживала. Вчера не выдержала и спросила, виделся ли он с Кариной. Сказал, что нет и не планирует до отлета в Австралию. Я заставила себя поверить. Глушу ревность в зачатке, иначе у нас ничего не получится.

На ватных ногах подхожу к знакомой двери и прислушиваюсь. Макс предлагал в его отсутствие ночевать в этой квартире, но я не решилась и не взяла ключи. Тихонечко стучусь. В это время дня мой деловой парень проводит рабочие созвоны по видеосвязи, я не хочу ему помешать.

Максим открывает почти сразу, с ноутбуком в руках и наушником в ухе. Глянув мельком, коротким кивком приглашает войти и уходит в комнату. У него важный звонок, это понятно по напряженной спине.

Стараясь не стучать каблуками, прохожу на кухню. В своей Австралии Доронин привык не разуваться дома, я следую его правилам.

Макс с бешеной скоростью тараторит за стенкой по-английски. Судя по интонации что-то доказывает. Он взрослый и умный, у него миллионный бизнес, а я заурядная студентка, ведущая убыточный блог. Все что умею — танцевать, но не Плесецкая и даже не Волочкова. Сегодня же запишусь на онлайн-курсы личностного роста. Нужно соответствовать, я буду стараться.

Включаю чайник и выкладываю булочки на тарелку, непроизвольно подслушиваю разговор. Что-то понимаю, что-то нет. Надо написать репетитору по инглишу и возобновить занятия. Раньше я на них халтурила, теперь буду выкладываться на сто двадцать процентов. У меня ого-го какой стимул появился!

Перед отъездом в Москву Доронин рассказал и наглядно показал мне, как видит наше будущее. Сделал небольшую слайд презентацию, в которой, по сути, уговаривал меня продолжить отношения, встречаясь на нейтральных территориях.

Я обалдела от подачи и от самого предложения, попросила время подумать. Тогда Макс показал мне финальный слайд в виде сердечка с моим именем внутри. Под ним была подпись: *«Ты — лучшее, что случилось со мной в жизни, я не хочу тебя потерять»*.

В тот момент мне хотелось запрыгнуть на него, расцеловать и сказать, что люблю больше жизни, но я сдержалась.

Эти два дня много думала. Не видеть его месяцами, встречаться тайно в каких-то азиатских странах, продолжать обманывать маму, жить двойную жизнь... Это будет непросто, но я готова. Я не просто не хочу его терять, я этого до ужаса боюсь.

Чай уже заварился, булочки остыли, а Макс все болтает. Теперь он шутит, смеется со своим далеким собеседником или собеседницей. Разговор вышел из деловой плоскости, но никак не закончится. Одну из шуток о старых пердунах в правительствах я понимаю и радуюсь, что не совсем тупая.

Нарезаю кубиками сыр, поливаю его медом и смеюсь тихонечко себе под нос. Мне с первого дня интересно с этим наглым австралийцем, мне с ним во всех смыслах хорошо. Если б не его фиктивный брак, все было бы просто идеально.

В квартире становится тихо.

Я достаю и ставлю на стол чашки, когда Макс заглядывает на кухню и присвистывает:

— Ох ничего себе!

У меня улыбка на все лицо. Это мой первый завтрак для него после тех шедевральных оладушков, которые жарила здесь, кажется, сто лет назад.

— Как долетел? Я принесла булочки, нашла в холодильнике сыр. Ты же голодный?

— Еще какой! — Макс проводит по мне взглядом, тоже улыбается. — От такой сладкой первокурсницы ни за что не откажусь.

Он на меня надвигается, я хихикаю и пячусь.

— Не знала, что в Австралии питаются людьми. Или это только миллионерам позволено?

— Им много что позволено, но я такой себе миллионер, из бедных, — отшучивается Макс.

Он не из тех, кто кичится богатством. Свой первый миллион считает жалким, у него грандиозные цели, деньги в которых — лишь инструмент.

— Такой себе, согласна. Даже на штаны не хватает, — прыскаю, оглядывая его с ног до головы.

Прикид у него чумовой: снизу кеды и трикотажные шорты, сверху идеально отутюженная белая сорочка для важного онлайн-собеседника. Или все же собеседницы?

Макс подходит почти вплотную. Руками не трогает, глазами пожирает. Я себя очень сексуальной чувствую под этим его взглядом.

— Ты с кем сейчас разговаривал? — прищуриваюсь. — Хорохорился прям, шуточки шутил...

— С главным инвестором новой фермы. Классный мужик. Простой, несмотря на свои даже не миллионы, а миллиарды.

— То есть ему на штаны хватает? Познакомишь нас?

— Ни за что! Вдруг ты меркантильная и сбежишь к нему от меня.

— Он высокий синеглазый шатен с улыбкой бога, у него крутая татуха и в тех самых штанах восемнадцать сантиметров?

Макс улыбается и качает головой:

— Что у него в штанах — я не в курсе. Но ему за пятьдесят, он не высок и слегка лысоват.

— Тогда у него нет шансов, — развожу руками.

Доронин смеется и сгребает меня.

— Соскучился, — выдыхает в шею. — Капец, как по тебе соскучился. Сожрать готов!

Где ты взяла эту развратную юбку?

— Купила вчера. Специально для тебя. Ее можно не снимать.

— Ты сейчас договоришься, Лиза, — предупреждает грозно, прикусывая щеку.

— И что ты мне сделаешь?

— Трахну прямо на столе, — отвечает абсолютно серьезно.

Между ног от его слов горячо становится. Я превращаюсь в извращенку, это побочный эффект Максомании.

— Ты мне снился сегодня, — шепчу, сминая пальцами гладкую ткань его рубашки.

— Сон был эротическим? — его голос понижается, руки спускаются и задирают юбку.

Я мотаю головой. — Порнографический? — он резко сжимает мои ягодицы.

— Мы просто целовались! — смеюсь.

— Как это — просто?

Макс отстраняется и резковато обхватывает рукой шею. Смотрит в глаза ровно секунду, но мне ее хватает, чтобы вспыхнуть.

Его губы впиваются жадно, язык вторгается нагло и глубоко. Неожиданно очень. Я бы вскрикнула, но не могу. Отвечаю. Губами, руками, телом... Каждой клеточкой своей отвечаю Максусу.

Безумно соскучилась! Безумно его люблю!

— Примерно так целовались?

Он отпускает мои губы, но не шею. Ее держит и поглаживает.

То ли от счастья, то ли от нехватки кислорода в глазах узоры, как в детском калейдоскопе. Радостные и цветные, а по телу тепло волнами. Я тянусь губами:

— Не успела сравнить.

Макс сжимает меня в объятиях и снова целует, еще жарче. Я дурею от его напора. Хаотично трогаю спину, плечи, шею... Возбуждаюсь так быстро, что дрожу.

Его руки снова под юбкой, пальцы ласкают. Нежно, в то же время настойчиво. Калейдоскоп быстрее крутится, узоры мелькают. Страсть бывает разной, сегодня она яркая. Накрывает сумасшествием, уже знакомым, не пугающим.

— Сладкая, красивая... девочка моя, — хрипит Максим, влажно зацеловывая шею. — Хочу тебя, сильно.

Нас трясет синхронно, мы на грани. До дивана не дойдем, до спальни — и подавно.

— Трахни меня. Прямо здесь, — прошу дерзко.

Не смущаюсь нисколько. Это во мне похоть говорит, концентрированная до острой

нужды, до адской жажды. Утолить ее — способ один.

Макс меня разворачивает, нажимает рукой ниже лопаток. Я упираюсь в стол животом, прогибаюсь. Чувствую, как кружево сползает по бедрам и остается в области коленей.

Плавный толчок, следом еще один, неглубокий. Макс церемонится со мной, а я умираю, как хочу большего. Прогнувшись в пояснице, делаю движение навстречу. Он понимает, резко входит глубже. Я приглушено вскрикиваю, хватаюсь руками за стол. Булочки подпрыгивают на тарелке, крышечка заварника стучит... Калейдоскоп как центрифуга крутится, сбивая узоры в яркое месиво...

Мы друг друга любим.

О том, что мы опять не предохранялись, я вспоминаю только в ванной.

Когда выхожу после душа, Макс лежит на диване и тянет ко мне руки. Обнимашки после секса — это обязательный ритуал. Затянув полотенце покрепче, я подхожу и ложусь рядом.

— Мы разбили чашку, — вздыхаю.

— Да и хрен с ней, — весело усмехается Доронин. — За такой секс весь сервис перебить не жалко.

— Мне очень хорошо с тобой, — прижимаюсь и целую его в плечо.

Постоянно повторяю эту фразу, никогда не устану.

— Ты моя девочка, моя любимая, — он играет моими волосами, перебирает их пальцами. — У нас должно получиться.

Я лежу, затаив дыхание. Нереально хорошо рядом с ним, невозможно прекрасно. Никто и ничто не мешает нам любить друг друга.

— Когда ты улетаешь? — спрашиваю и зажмуриваюсь. Я видела билеты на комод, но не смотрела на число. Страшно узнать эту дату.

Макс выдерживает долгую паузу.

— В следующую пятницу.

Жмурюсь сильнее, но уже поздно. В голове запускается таймер обратного отчета.

— Всего неделя осталась, — вздыхаю.

— Я и так задержался, Лиз. Там много дел накопилось.

Макс обнимает крепко, целует в висок. Я вбираю в себя тепло его тела, тону в его запахе. Растворяюсь в его руках и молю время хоть немножечко притормозить, пока мы еще вместе.

— Твою мать! — смачно выдает Нечаева, с грохотом ставя чашку на блюдце. — Женат таки козлина!

Оглядевшись по сторонам, я виновато улыбаюсь женщине за соседнем столиком. Лера в своем репертуаре — на всех вокруг плевать.

— Фиктивно женат, — напоминаю шепотом, добавляя ложечку меда в чай.

— Ага! Это ты маме своей расскажи, из меня делать дуру не надо. Он хоть миллионер или это тоже брехня?

— Он не врет, Лера. Я брачный договор читала.

— Заверенный нотариально?

— Нет, конечно. Он же нелегальный, — поясняю спокойно, помешивая чай. — У них и настоящий есть, но там больше про имущественные вопросы, а в этом прописана суть фиктивного брака. Это секретный договор.

— Ты реально такая наивная или придуриваешься? Он же эту бумажку специально для тебя нарисовал.

— Чушь какая! Зачем?

Лерка пожимает плечами и задумывается. Я достаю ложечку из чая и кручу ее в руках. Уже жалею, что рассказала. Мы давно не виделись, мне захотелось поделиться, а она так странно реагирует.

— Может, он с Костей на тебя поспорил, а может, из принципа решил трахнуть. Получить награду за твоё спасение. Ты ж его не знаешь. Вдруг он псих? Манипулятор или абьюзер...

Я напрягаюсь. Сжимаю пальцами чайную ложку так, что она гнется. Мое доверие Максимуму основано на чувствах. Никогда не думала, что у него может быть какой-то скрытый мотив. Но Лера выдала несколько, и я уже кручу их в голове.

Нет, я не буду думать плохо о своем парне. Нечаева судит о людях в меру собственной испорченности, у меня есть собственное мнение.

— Макс нормальный, я достаточно его знаю и люблю! — признаюсь на эмоциях. — Зачем ты говоришь о нем гадости? Он ведь нравился тебе? Что изменилось?

— Ничего он мне не нравился! — возмущается подруга, встрепенувшись. — Всегда казался ненормальным, а оказался еще и женатым. Не раскусила я его, подвело чутье, — разводит руками. — Кстати, кто его жена? Блогерка, говоришь?

Я бросаю ложку и хватаюсь за телефон. Открываю профиль Карины в самой пафосной из соцсетей и поворачиваю экран.

— Зачем ты мне Рину показываешь? — не понимает Нечаева.

— А это и есть фиктивная жена Максима. Карина Фаросян.

У Лерки лицо вытягивается, в глазах бешеный блеск появляется.

— Да ты гонишь! — восклицает она изумленно, выхватывая у меня телефон. — Почти четыре миллионов подписчиков, лицо люксовых брендов и икона стиля Рина Фаро — жена твоего Доронина?! Охренеть! И ты веришь, что он женился на этой красотке фиктивно? Ты совсем ку-ку, Бережная?

Лера крутит пальцем у виска, а я мысленно ругаю себя за повышенную болтливость. Вот уж кому не нужно было знать всех подробностей, так это Лере. Но я уже лоханулась.

— У меня нет оснований не верить ему, — произношу с гордостью и делаю глоток зеленого чая с жасмином.

— Она же звезда! Ты посмотри, какая у нее кожа. Я смотрела эфир, в котором она рассказывала, что в детстве бабушка купала ее в специальном отваре трав, который очищает кожу и делает ее блестящей. Там состав секретный, она его продает.

— Помогает? — спрашиваю со смешком.

— Я еще не покупала, но думаю. У меня не самая плохая кожа, но такого блеска нет и близко.

— Купи хайлайтер — будет.

— Думаешь, брешет? Типа рубит на туфте бабло?

— Это бизнес, часть ее работы, — дергаю плечом и пью свой чай.

Мне не хочется говорить о Карине плохо, и хорошо не хочется. Я о ней ни говорить, ни думать не хочу.

— Классная у нее работа. Ходишь себе по салонам, разъезжаешь по съемкам. С тобой все носят, подарочки дарят. Знаешь, Ветка, вот не в обиду тебе, но Рина охрененная. Не абы на ком женился твой Максим. Правда о нем она ничего не рассказывает. Только пост написала, что вышла замуж и безмерно счастлива, но подробностей не будет. Вот он! — Нечаева тычет мне фотку со свадебным рукопожатием и обручальными кольцами на пальцах. — «Я встретила своего человека, люблю, любима и знаю, что это навсегда», — цитирует слова Карины под фото.

— Навсегда, — усмехаюсь и отворачиваюсь. — Это даже не его рука на фото. Сплошная фикция.

— Почему не его? Он просто снял кольцо.

— Я его руку из тысяч узнаю.

Про себя добавляю: *«Как и запах его тела, и вкус его поцелуя».*

У кого навсегда, так это у меня.

— Вляпалась ты, подруга, — качает головой Нечаева. — С такой женой соперничать нереально. Вы же и рядом не стояли, уж прости.

— А ты умеешь поддержать, — иронизирую с грустью, подливая в чашку чай из чайничка. Его приятный аромат хоть как-то скрашивает разговор, ставший для меня малоприятным.

Мы с Кариной совершенно разные. Она выхоленная брюнетка, блестящая, как Ким Кардашьян. На ее фоне я бледная и слишком натуральная, кажусь серой мышкой, которой никогда себя не считала.

— Нос только не вешай! — бодро советует Лера. — Она всю себя сделала: филлер, ботокс, татуаж, кератин... Губы подколоты, скулы натянуты. Грудь тоже не своя, естественно. Все очень профессионально сделано, но при наличии бабок так любая сможет. И ты не исключение. Сбей с Доронина бабла побольше и через год будет в твоём блоге пять миллионов. Ты же еще и танцуешь у нас.

— В смысле, сбей бабла? — уточняю и чувствую, как закипаю.

— А что ты zenки выгаращила? Знаешь, сколько твоя девственность стоила? — спрашивает Нечаева настолько громко, что я испугано озираюсь. — Ты могла поднять на ней до десяти штук баксов! Прибавь сюда за каждый трах по соточке, умножь на два за моральный ущерб и выстави счет. Нет, лучше на три умножай. Ты же Красовского бросила из-за него. Не переживай, этот кобель заплатит! Только сделай это до его отъезда...

Лера говорит с выражением, активно жестикулирует. Раскладывает по полочкам, как правильно бабло из мужиков выбивать. С каждым ее словом во мне зреет протест, сдерживать который я не в состоянии.

— Прости меня за мой французский, но ты ебанулась, подруга? — грубо перебиваю, не желая дальше слушать этот бред. — У нас любовь, какие на хрен соточки за трах? Где ты вообще взяла эти расценки? Как тебе в голову пришла такая хрень?

Вывалив это, я громко выдыхаю. Женщина за соседним столиком демонстративно просит счет. Мы встречаемся с ней глазами — и я ставлюсь пунцовой. Она с мальчиком школьного возраста делает уроки, а я матом крою. Никогда не выражалась на людях так грубо, а тут вырвалось.

— Любовь? Ты что-то путаешь, Вета. Трахаться с женатым мужиком — это блядство, — гаденько улыбается Лерка.

Я закусываю губу и опускаю веки. Хочется послать ее на хрен, встать и уйти, но я сижу. Мне всегда было важно знать, что обо мне думают другие. Вот оно — мнение со стороны, получите и распишитесь. У мамы будет не лучше, у Ники, думаю, тоже. Ни одна замужняя женщина не одобрит отношения с женатым.

— Все не так, как тебе видится, Лер, — говорю, потупив взгляд. — Максим с Кариной не живет и не спит.

— Они все так говорят, — цокает Нечаева. — Все женатики на словах не трахают жен и вот-вот подадут на развод.

— Макс разведется только через два года, он не обещает мне того, что сделать не может. Я приняла его ситуацию, мы решили продолжить встречаться. В ноябре я лечу на Бали, он тоже туда прилетит. Мы уже взяли билеты и забронировали отель. Макс на год вперед распланировал наши встречи на разных островах в Индийском океане. Там шикарные локации для съемок, для моего блога. Он пообещал помочь мне раскрутить его, сделать доходным бизнесом. У нас отношения, Лера!

Мне не стоило рассказывать все это, но я чувствую себя облитой грязью и пытаюсь как-то отмыться.

— Так Доронин тебя в соержанки взял? Что ж сразу не сказала?

Лерка будто радуется, а я не понимаю, чему именно.

— Что значит «в соержанки»?

— Ну раз он бабки в тебя вкладывает и на год выписал в постоянки — это содержание называется. Сколько в месяц платит?

Я подвисяю. Судорожно пытаюсь вспомнить, каким модным словом называется проституция. Не «содержание» вроде, как-то иначе.

— Ничего не платит.

— А на что ты жить собираешься?

— Работать буду. Меня Ника к себе берет с малышами заниматься. Я онлайн уроки начала записывать. А еще мне в клипе у известного рэпера предложили сняться, уже репетирую.

— Это все хорошо, — кивает Лерка. — Доронин тебе платить совсем не планирует?

— Почему он должен мне платить? Я не проститутка, не эскортница какая-нибудь! — выпаливаю, резко вспомнив вылетевшее из головы слово.

Женщина за соседним столом складывает школьные тетради в рюкзак и идет рассчитываться к стойке, не дожидаясь счета. Она устала вынужденно слушать наш

дичайший по своей сути разговор и не хочет, чтобы сын нечаянно подцепил ругательство. Ему на вид лет восемь, самый возраст для плохих слов.

— Да уж, — вздыхает Лера. — До эскорта тебе, как до Китая раком. Туда идут бабы умные, а ты собираешься бездарно слить два года на женатого мудака. Снимай лапшу с ушей, подруга, вот тебе мой финальный совет.

— А я его не просила, — огрызаюсь, чувствуя, как настроение катится к чертям.

Лера крутит в руках чашку от капучино и обиженно сопит, я рассматриваю тортики в витрине. В детстве мы с ней любили эту кондитерскую, часто приходили с родителями. Тут делали нежнейший «Наполеон», теперь он сухой и слишком сладкий. Взятый на двоих кусочек остался недоеденным.

— Жаль, что тут не наливают, — сетует Нечаева, хотя сама предложила встретиться в этом кафе. — Сейчас бы взяли по шампусику и выпили с тобой мировую.

— Можем выпить лимонад, у меня через полчаса тренировка. Но мы не ссорились, чтобы мириться. Просто поспорили, взгляды разные.

Мой тон почти ровный, я успокоилась.

— Не обижайся на меня, Ветка, — просит Лера. — Я не верю таким, как Доронин. Он эгоист, по трупам пройдет, если это ему надо. Хоть стреляй, не верю!

— Давай тогда закроем эту тему, — предлагаю миролюбиво. — Ты о чем поговорить хотела?

Лера позвонила мне спустя месяц полной тишины, сама попросила о встрече. Я уж было решила, что нашей дружбе пришел конец, но оказалось, что она утопила телефон и долго была без связи, восстанавливала контакты.

— У меня проблемы. Родаки финансов лишили. Полностью, прикинь! Я искала работу, но без опыта никто не берет, — вздыхает она.

— Вот блин... А я грузу тебя своей любовью, — тоже вздыхаю. — Тебя из дома выставили?

— Нет, жить пока разрешили, но по их правилам и жесткому режиму. Никаких дискотек, поздних возвращений, алкоголя...

Лерка недовольно закатывает глаза, а я думаю, что родителей ее можно понять. Ей скоро двадцать, она сидит у них на шее и в клубах околачивается едва ли не каждую ночь.

— Какого плана работу ты ищешь? Давай, я у отчима спрошу, в приюте и в студии у ребят спрашиваю.

— Да я в общем-то уже нашла. Это что-то типа моделинга на одной платформе. Она еще новая, но само направление очень перспективное.

— Будешь что-то рекламировать?

— Угу! В основном, свое голое тело.

Я в очередной раз за разговор подвисяю, не понимая о чем речь.

— Тебе предложили стать ню-моделью для какого-то журнала? Каталога белья?

— Ты не поняла. Я буду сама себя снимать и выкладывать это на один сайт. Мне будут платить за то, чтобы посмотреть эти фото и видео.

— Видео? — переспрашиваю. — Это что, порно?

— Да нет же! — смеется Лера. — Хотя о карьере порно актрисы я тоже подумываю.

У меня мороз по спине. Лерка отчаянная, я всегда это знала, но не думала, что настолько.

Дальше Нечаева подробно рассказывает мне о новой платформе, у которой есть

приложение и уже миллионы пользователей. Там можно создать закрытое сообщество и постить откровенный контент, за просмотр которого участники будут платить тебе определенную сумму раз в месяц.

— Это как абонемент в театр? — уточняю, ошарашенная новыми веяниями.

— Ага! Что-то общее есть, — хохочет Лерка.

Веселит ее моя растерянность. Я же чувствую себя ханжой из прошлого века. Даже представить не могу, как можно гольшом кривляться на камеру. Да еще и за деньги! Ужас.

— Для старта мне нужно пару-тройку штукарей. На технику, реквизит разный, на рекламу. Это как блог, вложения те же, — поясняет Лера деловито. — Сможешь занять?

— Откуда у меня, Лер? Ничего еще не заработала, у мамы денежку беру.

— У тебя же от отца осталось что-то, ты мне рассказывала.

— Ты про счет? Так он еще заблокирован, до декабря по договору. Но я могу у Макса спросить. Сколько точно нужно?

— Он мне не даст, даже не спрашивай, — отмахивается Нечаева.

— Почему? Мне же на блог дает.

— Тебя он трахает, Ветусь. А я... Проехали, короче. В других местах поищу. Мир не без добрых людей, так говорят.

Нечаева сникает, мне ее жалко становится. Занятие она выбрала отвратительное. На что только люди не идут от безысходности! Сама я ни за что не стала бы заниматься таким. Уж лучше туалеты мыть.

На телефон падает сообщение от Макса. Он уже рядом, мы договаривались встретиться и вместе пойти в студию.

— Максим будет здесь через минуту, давай все же спросим у него.

Я беру Лерку за руку, легонько сжимаю. Хочется помочь ей, бедолаге. А она вдруг в лице меняется и за сумку хватается.

— Не нужно, Вет. Правда, не стоит, я сама найду, — тараторит, подскочив со стула. — У меня это... прокладка протекла. Я в туалет, срочно. Заплатишь, ладно?

— Конечно. Ты беги, мы подождем. А вон и Макс, — киваю на окно, заметив в нем знакомую фигуру.

Лерка дергается, оборачивается.

— Не надо ждать, у тебя же тренировка. А у меня это... живот прихватило. Это надолго. На связи, короче! Пока!

Чмокнув меня в щеку, она уносится к туалетам и разминается с только что вошедшим в кафе Максом.

В любой непонятной ситуации — танцуй. Есть такой рецепт борьбы со стрессом. Мне обычно помогает, но не в этот раз.

Последнюю неделю я тренируюсь ежедневно, но тревожность не уходит и это выматывает. Утром не смогла заставить себя пойти в универ. Проснулась рано и ходила по квартире молчаливой тенью.

Макс вел сложные переговоры, звонил то в Штаты, то в Австралию, разговаривал много, на повышенных тонах. На полу лежал открытым его собранный чемодан. Я смотрела на стопку аккуратно сложенных футболок и уговаривала себя не реветь, хотя бы до завтра.

Завтра Максим улетит в свою Австралию.

Мне страшно от одной мысли, что это случится. Страшно от того, как далеко находится эта страна. Другое время, другая погода, все там другое! Вдруг он тоже станет там другим, мой Макс? Что, если разлюбит?

Паника от этих мыслей, атакует нещадно. Я и сражаюсь с ней, как умею — пришла в студию и танцую.

Ника с Владом улетели в Англию, повезли на чемпионат сразу три пары. Детки и юниоры выступают хорошо, Илья и Уля провалились с треском.

Я посмотрела их выходы. Ульяна двигалась, как робот, никакой пластики, полное отсутствие чувств. Своей агрессивной техничностью снова забила Илью и привела пару к краху. Уже ясно, что после этого турнира они не будут танцевать вместе.

Мне искренне жаль Красовского. Столько времени, сил и денег вложено — и все напрасно. Хочется как-то поддержать его, чисто по-человечески.

Выключив музыку, забираюсь на подоконник и пишу несколько банальных фраз. Путь к большому успеху невозможен без болезненных поражений, напоминаю ему об этом. Только успеваю отправить сообщение, как получаю входящее от абонента, подписанного в моей телефонной книге очень официально: «Доронин Максим».

«Ты не против потусить сегодня?»

Неожиданное предложение. Это наш последний вечер, и я думала, мы проведем его тихо и наедине. Будем долго и нежно любить друг друга, а потом Макс обнимет меня и станет подбадривать, а я буду хныкать и ненавидеть завтра. Потому что завтра в это время его уже не будет рядом.

Предчувствие страшной самой беды, мучительнее. В моем электронном ящике хранится билет в Денпасар и бронь в сказочный отель с видом на рисовые террасы, а меня не покидает чувство, что конец нашей истории наступит завтра. Хочется вцепиться в Макса и не отпускать. Плакать, умолять, силой держать... Дурь такая лезет в голову, что жутко. Развеяться не помешает.

«Вай нот? Куда пойдём?»

«Заеду через полчаса. Ты в студии, надеюсь?»

Станный вопрос. Кроме универа по утрам и студии по вечерам я нигде не бываю.

«Нет, я поехала танцевать в «Рай», давно не соблазняла извращенцев»

Прикрепляю смеющийся смайл и отправляю.

Макс долго не отвечает. Экран успевает потухнуть, когда от него приходит голосовое. Назидательным тоном он просит меня больше не шутить, как «тупая малотетка».

Что?

Я дважды переслушиваю, гадая, что случилось с чувством юмора моего парня. У него неприятности на работе, он весь день ругался с поставщиком оборудования и взвинчен, но при чем здесь я? Даже неудачная шутка — не повод хамить!

На скорую руку приняв душ, вытираюсь и натягиваю джинсы, нервно застегиваю пуговички на рубашке. Настроение летит в пропасть. Мелькает мысль поехать домой, но я ее гоню. Не время строить из себя обиженку и ломать трагедию, в наших отношениях ее и так хватает.

Ровно через полчаса выхожу из студии. Макс фанатично пунктуален, не сомневаюсь, что уже приехал и ждет. Глазами ищу такси, а нахожу хамелеонистую бэу Баринава. Он приехал с Костей.

Суровый, молчаливый, брови сдвинуты. Открывает для меня заднюю дверь, сам садится вперед. Мне снова хочется поехать домой. Пошутила я так себе, но разве это повод так злиться?

— Как дела, балерина? Натанцевалась? — лыбится Костя, обернувшись.

— Нормально, — натянуто улыбаюсь в ответ.

Мне неловко. Мы не виделись с той ночи, когда все перессорились и Макс вмазал ему из-за меня. Они помирились, значит. Это хорошо.

— Ты теперь сама танцуешь, без партнера? — снова оборачивается Костик. — Круто получается, я подписан на тебя и смотрю. Это ничего, Макс, что я на твою Лизу смотрю? — косится на Доронина.

— Смотреть можно, трогать нельзя, — бурчит Максим, печатая в телефоне.

— Это я уже понял. Челюсть неделю болела! — усмехается Баринав. — Врагу не посоветую трогать твою Лизу.

— Правильно. Ты всем советуй близко к ней не приближаться. Настоятельно советуй. У нее неприкосновенность, лично мной выдана.

Макс не шутит, тон у него серьезный, энергетика тяжелая. Они с Костей переглядываются, тот медленно кивает:

— Ясно. Твоя личная Лиза, никому не трогать.

— Именно, — припечатывает Макс и снова утыкается в телефон.

Мы с Костей на секунду встречаемся глазами в зеркале заднего вида. Я успеваю заметить эмоцию, похожую на... жалость? Какого черта?

Что это было вообще? Разговор обо мне, словно меня рядом нет. Макс сердится, ведет себя странно. Костя повторяет, как попугай: *Твоя Лиза, твоя Лиза...*

Лерку друг вспоминаю с ее глупой радостью, что я стала содержанкой Доронина. Я потом погуглила, что это значит, и фильм один посмотрела. Ужаснулась, если честно. Никакая я не содержанка! Ни за что не позволю относиться к себе, как к вещи, которую можно купить. Я скажу это Макс, обязательно скажу позже.

Он строчит длинные сообщения в телефоне. Я не вижу кому, но очевидно, что это по работе. Брови постоянно сдвинуты, челюсть напряжена. Костик сделал музыку громче, качает головой в такт, подпевает. Я узнаю песню, а точнее, голос. Это тот самый рэпер, в клипе которого мне предложили сняться. Песня из старых, уже раскрученных, я буду танцевать под другую.

— Мне прислали контракт. Съёмки через неделю, — говорю Макс.

— Перешли, я посмотрю условия, — отвечает он сухо, читая в телефоне очередное

сообщение.

Костик расспрашивает меня, что за съемки, я охотно рассказываю, озвучиваю название песни. Она с начала лета в ротации, Баринов ее прекрасно знает.

— Хрена се! — восклицает. — Ты снимешься в клипе про ту самую суку, что любит только за деньги? Дор, а ты в курсе, кого сыграет твоя Лиза?

Снова «*твоя Лиза*»... Точно попка-дурак!

— Ссылку на песню тоже пришли, — буркает Макс, глядя в телефон.

Голос у него холодный, у меня мурашки неприятные. Ему не понравится текст, мне и самой он не нравится, но это моя первая работа, как одиночного танцора. Крутая работа, с известным музыкантом. И заплатят за нее столько, что я покрою поездку на Бали.

— Ты же не слушаешь русский рэп, Макс, — напоминаю.

— Послушаю ради тебя. Пришли.

— Она есть в моем плейлисте, — сообщает Костик и тут же включает.

Мы едем по проспекту, быстро мелькают ночные огни. Баринов с чувством подпевает, а точнее, читает речитативом: «Думал, ты ангел. Ошибся. Ты сука. Продажная сука, но пока моя... За бабло, за бабло...».

Макс отложил телефон и смотрит прямо, шея напряжена. Я тоже напрягаюсь, непроизвольно. Даже если он будет против, все равно снимусь в этом клипе, чтобы вернуть ему деньги за поездку. Да и вообще, кто он такой, чтобы мне указывать?

— Хуйня полнейшая, — усмехается Доронин, не дослушав, и утыкается в телефон.

— Ну не скажи. Это жиза! — возражает Костя, продолжая подпевать.

Я смотрю в окно и улыбаюсь. Максим не станет запрещать мне участвовать в съемках, он не относится ко мне, как к вещи. А по поводу смысла песни я с ним согласна.

Спустя минуту мы паркуемся у необычного заведения, похожего на заводской цех. На кирпичной стене холодным неонам мигает название — «Подвал».

— Ты серьезно не была здесь? Это же любимое место всех студентов! — удивляется Баринов, когда мы спускаемся в реальный подвал старого здания.

Лестница длинная и бетонная, свет на ней тусклый, какой-то угнетающий.

— Я только вчера получила студенческий билет и еще не успела обойти все значные места города, — шучу, пропуская Костю вперед.

Макс отстает, на ходу набирая текст в телефоне. Как вышел из машины, все пишет и пишет, залом между бровей все глубже и глубже.

— У тебя серьезные проблемы на работе? — спрашиваю шепотом, когда подходит. Он переводит на меня задумчивый взгляд. — Ты будто уже не здесь, уже не со мной, — говорю с прорывающейся в голосе обидой.

— Прости, — он убирает телефон в карман. — Я с тобой, — приобнимает и целует в уголок глаза.

Мы спускаемся обнявшись. Костик толкает тяжелую дверь, пропуская нас внутрь огромного пространства с разными зонами. Тут и пивбар, и бургерная, и вагончик с шаурмой. Это вовсе и не клуб, что-то типа фудкорта с игровыми зонами. Прямо по курсу сцена, на которой два парня играют на гитарах. Хорошо играют, мелодия приятная. И в целом обстановка здесь классная, повсюду обычная молодежь. Кто пиво пьет и пританцовывает, кто в «Монополию» играет на диванчиках, а кто конспекты переписывает тут же.

Это место мне определенно нравится.

В «Подвале» многолюдно, но не слишком шумно. Огромная площадь и разумное зонирование позволяет нормально разговаривать и наслаждаться живой музыкой, доносящейся со сцены.

Мы сидим за высоким барным столом, едим бургеры, пьем пиво. Костя балагурит, рассказывает смешные истории, связанные с этим местом. В студенчестве он тут частенько бывал, есть что вспомнить. Я слушаю с интересом, смеюсь от души. Рассказчик Бариное классный, умеет поднять настроение.

В какой-то момент Макс придвигает свой стул и кладет руку на мое колено, вжимает пальцы в джинсовую ткань. Я накрываю его ладонь своей, протираюсь щекой о крепкое плечо и тяну в себя древесный запах его туалетной воды. Мы еще рядом, а мне его уже не хватает. Господи, как я жить без него буду? Я же не вывезу!

— Ладно, голубки, поворкуйте пока без меня. Там прикольная девочка танцует, пойду попытаю удачу, — говорит Костик, вглядываясь в сторону небольшого танцпола.

Музыканты на сцене сменились. Теперь там молодежная группа, играют каверы на известные хиты. Несколько компаний девчонок вышли танцевать, одну из них присмотрел Костик.

Когда он уходит, Макс обнимает меня за талию и заглядывает в глаза:

— Вижу, ты не в восторге, но я не мог не попрощаться с Костяном. Он приехал, предложил посидеть всем вместе.

— Я не против, — спешу заверить. — Твой друг — мой друг.

— От себя такого сказать не могу. Мне твоя подруга категорически не нравится, — кривит губы Макс.

— Это я уже поняла. Не страшно, мы с Лерой не так близки, последнее время почти не общаемся.

— Будет лучше, если совсем перестанете. Ты же понимаешь, что с такими людьми дружить опасно? У тебя была возможность убедиться в этом, и не раз. Правда, Лиза?

Я киваю, а про себя думаю: надо же, какая неприязнь у них взаимная.

— Осознанно Лера не делала мне зла, — пытаюсь защитить Нечаеву.

Макс ведет бровью и хмыкает:

— Уверена? Не суди всех по себе, котенок. Тебе не нужна такая подруга, поверь. Пообещай мне не ходить с ней по тусовкам. Ни в клубы, ни на вписки. Чтобы никаких чужих хат, дач, тачек... Окей?

Макс вовсе не просит, он будто условие мне ставит. Ощутимо сжимает рукой под ребрами и взглядом требует согласие.

— Окей, — дергаю плечом. — Мне тусить некогда. Тренировки, учеба, работа... Волонтерство опять же...

— Вот и славно, Лиза. Ты умничка, все поняла, услышала меня, — он приятно поглаживает поясницу, наклоняется к уху. — Хорошая девочка, послушная моя...

Меня плавит от его низкого голоса, от горячих касаний. Мир перед глазами плывет в легкой дымке. И вдруг, как черт из табакерки, выпрыгивает Лерка со своим предупреждением, что Макс псих и манипулятор, и верить ему нельзя. Я напрягаюсь в момент, отстраняюсь. Стряхиваю наваждение и включаю логику. Доронин явно пытается

ограничить мою свободу, и это недопустимо, но с другой стороны, он ведь беспокоится обо мне. Ничего не понимаю, какой-то сумбур в голове.

— Она меня отшила. Прикинь, Макс! Во малолетки борзые пошли. Охреневшие! — возбужденно делится своим провалом Костик. — Лиза, сорян, речь не о тебе.

— Лиза тебя тоже в свое время отшила. Может, дело в тебе, Костян? Старый ты для них! — смеется Макс.

— Чья б корова мычала, дядя Максим, — ерничает Баринов и залпом допивает свое пиво. — Еще по одному возьму? — кивает на пустой бокал Макса.

Тот соглашается, а я отказываюсь, у меня и первый допить не получается. Как и расслабиться. Мыслей в голове целый рой, одна тревожнее другой.

Когда Костя возвращается, я решаю оставить друзей наедине. Отправляюсь погулять по залу, посмотреть поближе на музыкантов и в туалет заодно. Там и сталкиваюсь с Бариновым.

— Ты туда? А я оттуда, — смущенно улыбаюсь, пытаюсь проскочить мимо.

— Как там твоя подруга? Видишься с ней?

— Если ты о Лере, то на днях пили кофе, а вообще не дружим больше.

Я делаю шаг в сторону. Обычно наши разговоры с ни к чему хорошему не приводят, не охоташний раз убеждаться в этом. Костя повторяет мой шаг, не давая пройти, в глаза смотрит.

— Что она тебе рассказывала?

— Тебе привет не передавала, — ухмыляюсь. — Жаловалась на проблемы с родителями, а что?

Как-то подозрительно много разговоров о Нечаевой для одного вечера. Только с Максом вспоминали ее, теперь с Костей.

— Значит, про своих новых друзей она тебе не сказала? Стасик и Артурчик, те самые, от которых мы тебя отбивали. Она теперь с ними тусуется, прям в десна целуется, с обоими, причем. Ну, ты понимаешь...

Я вообще ничего не понимаю, и не очень-то верю, что Лера общается с придурками, опойшими меня наркотиком.

— Ты их видел вместе? Когда это было?

— Постоянно вижу. Вот вчера, например, — он протягивает мне свой телефон. — Фото сделал специально для тебя, посмотри.

Фотография темная, но бамбуковые стены клуба «Рай» я моментально узнаю, а потом разглядываю Леру, которая сидит на коленях у Артура, но целуется при этом со Стасом. Чьи руки на ее груди, а чьи на бедрах — разобрать сложно.

— Зачем ты это снял? — отдаю телефон и вытираю руку о джинсы. Они словно в грязи, так мне противно.

— Что, не понравилось? — косится Костик.

— Ты это Макссу показал, да?..

Он молчит, а мне не нужно его подтверждение, теперь мне все понятно.

— ...Она сказала, что по клубам больше не ходит. Совсем. Что собирается работать моделью, просила дать взаймы, — рассказываю растеряно, не понимая, зачем Лера мне врал.

— И ты ей поверила? Денег хоть не дала?

— У меня нет столько. Пока, — добавляю важное слово.

— Когда будут, тоже не давай. Она на кислоте, каждый вечер обдолбанная, дальше будет кокс или сразу герыч. Ты не знаешь, наверное, у этого Артура что-то типа порностудии своей, там такое жесткое кино делают, что без допинга никак.

У меня внутри холодеет. Как же так, Лерка?

— Господи! Надо что-то делать, — произношу испугано. — Может, мне ее родителям позвонить? Предупредить, пока не поздно.

— Попробуй, если хочешь остаться крайней в этой истории. По опыту говорю, влезешь — только обостришь их конфликт. В итоге всех собак спустят на тебя. Тут ничего не поделаешь, Лиза. Ее выбор, — разводит руками. — Ты держись подальше от этой холеры и не верь сказкам, которые она тебе рассказывает.

Баринов обходит меня и направляется туда, куда изначально шел. Наверное, он прав, но я все равно поговорю с Нечаевыми или попрошу маму сделать это. Нельзя оставаться в стороне.

— Кость, спасибо, что рассказал, — бросаю ему вслед.

Он оборачивается, кивает. В глазах снова эта жалость. Или я неправильно читаю его знаки?

Вернувшись в зал, некоторое время наблюдаю за Максом со стороны. К вечеру ощутимо похолодало, он в джинсах и светлой рубашке с неизменно подкатанными рукавами. Сидит на барном стуле, широко расставив колени и уткнувшись в смартфон. Весь в своих деловых переписках и не замечает стреляющих в него глазками студенток. Стильный, уверенный в себе красавчик.

Мой.

Быстрым шагом подхожу и обнимаю его со спины. Макс убирает телефон и поворачивается, ловко сгребает меня и сразу же целует. Я размыкаю губы, впускаю теплый и влажный язык и прикрываю глаза. Тело словно миллиарды микроскопических иголок пронзают. Как я буду жить без его поцелуев целых два месяца?

Со сцены доносится знакомая песня. Максим отрывается от моих губ, но рук не размыкает. Прижимает меня к себе, заглядывает в глаза и подпевает. На английском, но я неожиданно понимаю. Все до единого слова понимаю и мысленно перевожу.

Пусть все против нас, я знаю, что все будет хорошо. Просто держи меня за руку и будь моей девушкой, а я буду твоим мужчиной. В твоих глазах я вижу свое будущее.[1]

Боже, как это романтично. У меня земля из-под ног уплывает, но Макс меня крепко держит, и поет очень красиво. Я не знаю слов этой песни, поэтому только слушаю и гляжу на него восхищенно. Низкий бархатистый голос действует, как гипноз. Ничего вокруг не вижу, только любимое лицо. Целую его, покрываю короткими поцелуями.

— Поехали домой, моя славная Элли, у нас последняя ночь, — вздыхает Макс, поглаживая меня по спине.

Слезы прорываются, не могу их больше сдерживать. Плачу, уткнувшись лицом в его плечо.

— Не говори так! Она не последняя. Мы же встретимся на Бали? Пообещай прилететь что бы не случилось.

Макс берет мое лицо в свои руки, проникновенно смотрит в глаза:

— Мы обязательно встретимся. Что такое может случиться?

— Не знаю. Вдруг самолеты летать перестанут, — всхлипываю. Это одна из сотни страховок, крутящихся в моем паникующем мозгу.

— На кораблике к тебе приплыву. Найду способ, не волнуясь, — улыбается и смотрит снисходительно, как на маленькую. В его холодных синих глазах сейчас столько тепла.

— А вдруг ты не захочешь? Передумаешь? Влюбишься в кого-то... Не знаю! В жену свою, например, — называю самую страшную из страшилок. — Чисто теоретически такое ведь возможно? Как думаешь?

— Я о таком не думаю, Лиза. Чисто теоретически и ты можешь влюбиться. В Костю, например.

Взгляд его меняется, настолько острым становится, что пораниться можно.

Тоже меня ревнует. Костик вроде друг, а постоянно подливает масла в огонь, а тут еще Лерка.

— Мне кроме тебя никто не нужен. Разве ты не видишь? Я однолюб!

Макс стирает пальцами слезы с моих щек и улыбается:

— Поехали, однолюб.

Берет меня за руку, ведет к выходу. Я немного теряюсь. Не то, чтобы ждала от него признания, но мне хотелось его услышать. Момент казался подходящим.

Свободных такси у входа не оказывается. Пока Максим вызывает машину, я обращаю внимание на тату-салон, находящийся по соседству. Несмотря на поздний час, в нем еще горит свет, у двери курит худощавый парень. Его шея и руки плотно забиты татухами, губы выпускают дым то тонкой струйкой, то колечками.

— Извините, вы еще работаете? — обращаюсь к нему громко.

Он обрачивается, внимательно осматривает сначала меня, потом Макса и понимающе улыбается:

— Парные тату хотите?

Я подхожу ближе, чтобы не кричать.

— Сможете набить мне пикоруа? Это такой знак, похожий на бесконечность. У моего парня уже есть, я тоже хочу.

Выбросив окурок, он кивает на дверь:

— Милости прошу...

[1] Перевод песни Эда Ширана «Perfect»

Небо с утра налилось свинцом, потемнело и посерело в цвет моего настроения. Я знала, что прощаться будет больно, не ожидала, что настолько. На физическом уровне изнываю, словно заболела чем-то страшным и неизлечимым.

Мы не отлипали друг от друга всю ночь. Бесконечно обнимались, шептали нежности сквозь сон. Утром Макс разбудил меня ласками и любил необычайно чувственно и долго, подарил новое по ощущениям удовольствие. Казалось, я умерла в его руках, а потом воскресла, но святой не стала, точно нет. Первое, о чем подумала, когда пришла в себя — как я теперь без этих оргазмов? Макс посадил меня на секс с собой, как на наркотик.

В здании аэропорта оживленно, повсюду очереди. Мы приехали впритык и бежим. Таксист попался нерасторопный, все красные светофоры поймал, потом час тянулся в пробке на выезд из города. У Макса колено дрожало от напряжения. Он ненавидит опаздывать, у него какой-то пунктик по этому поводу.

Марию привез Костя, они ждут нас у стойки регистрации. Поправив на плече рюкзак, Доронин берет меня за руку и сплетает пальцы, второй рукой толкает чемодан. Я торможу нас посередине зала, висну у него на шее. Еще какие-то минуты и мы расстанемся на долгие два месяца. Точнее — шестьдесят четыре дня. Сейчас мне кажется, что это очень много и столько я не выдержу.

— Опаздываю, котенок, нужно торопиться, — говорит Макс, обнимая за шею.

Я шиплю и отстраняюсь. Задел рукой мою татушку, она прямо под линией волос на шее сзади, совсем маленькая, но печет ого-го как.

— Болит? Как домой приедешь, сними пленку и обработай антисептиком, потом мазь наложи, поняла? — сдвигает брови Доронин.

Он пытался отговорить меня делать татуировку. Уверял, что мое тело — это шедевр и портить его противозаконно. Я остроумно пошутила, что всего лишь ставлю на обратную сторону шедевра печать его владельца. Мастер тату шутку оценил и пообещал шедевр улучшить. Сделал аккуратно, мне понравилось.

— Все заживет, не беспокойся. Зато теперь мы связаны навечно, — отодвигаю воротник толстовки.

Место очень чувствительное, любые касания мне остро неприятны, но мысль о том, что означает эта татушка — лучше любого обезболивающего. Макс тоже набил на руке пикоруа, еще один, лично мой. Мы сделали парные тату в первом попавшемся салоне, ночью. Двое сумасшедших.

— Идем, Лиза! Мне еще багаж сдавать, — бурчит Доронин и идет дальше.

Я слеую за ним. Что еще остается?

Всю дорогу до аэропорта смотрела на дождевое небо и молила мироздание обрушить на полуостров шторм или ураган. Такой лайтовый, чтобы без жертв и разрушений, но самолеты отменили, хотя бы до утра. Чтобы еще одну ночь побыть рядом с ним, всего одну...

Не помогло.

— Может, ну ее, эту Кенгурятину? Оставайтесь! У нас тут тоже много солнца и безумные сумчатые по дорогам не скажут, — пытается пошутить Костя, стоя с нами в очереди на сдачу багажа.

— Зато парнокопытных хватает, — парирует Макс. — Только что ехали с одним.

Объясняю, что опаздываю, прошу перестроиться в левый ряд, этот дундук назло плетется в правом.

— Дал бы ему в бубен для ускорения. Делов-то! — смеется Костя.

Ему одному весело. Макс хмурится, то и дело сверяя документы, я обхватила его за предплечье и еле сдерживаю подступающие слезы. Маша тоже грустит. Ни слова не проронила после того, как сквозь зубы поздоровалась. С того уикенда в отпускном доме Бариновых мы не общались, она постоянно жила у тетки.

По пути к зоне вылета я считаю плитки под ногами. Не могу смотреть по сторонам, законсервировалась и тону в отчаянье. Сердце едва бьется, а в пальцах столько силы! Они сжимают руку Макса до побелевших костяшек. Полтора месяца назад я знать не знала о существовании этого парня, а теперь у меня нет никого ближе и дороже. Я так его люблю!

— Будем прощаться, — решительно говорит Макс.

Он пожимает руку Косте, коротко обнимает друга. Я сама себя обнимаю за плечи, уже чувствую одиночество.

— И чего тебе на родине не живется, друже? — недоумевает Костик. — Лизу бросаешь, сестру увозишь против воли. Она в твою Австралию совсем не хочет.

Маша кусает губы и отворачивается, пряча слезы.

— Хочет не хочет, а надо. Есть такое слово, очень по жизни помогает, особенно, когда мотивация пропадает.

Доронин постукивает Костю по предпечью, тот разводит руками:

— Кому надо? На хрена? Когда теперь увидимся?

— Прилетай к нам в гости, Коть, — подает голос Маша.

Плачет больше не таясь, бросается к Баринову и цепляется в его футболку, а он ее по голове гладит и что-то говорит тихонько в волосы, успокаивает. Она ему, как сестра, с пеленок знает. Мне они героями мелодрамы видятся. Я в какой-то прострации нахожусь, вижу все искаженно.

Макс берет меня за локоть и уводит в сторону. За панорамным окном стоят самолеты разные, большие и не очень. Я их рассматриваю, силясь сдержать слезы. Обещала не реветь, а как? Машка вон тоже рыдает.

— Посмотри на меня, Лиза, — просит Доронин низким шепотом, беря мои руки в свои. Я скидываю глаза, их жжет, лицо его плывет. — К чему эти слезы, что за траур? Как на войну меня провожаешь.

— Мне страшно, Максим, ничего не могу поделать. До ужаса страшно!

— Чего ты боишься? Мы все с тобой проговорили и решили. Даты определены, билеты куплены. На связи будем каждый день...

— Не знаю, не верю, — трясущей головой.

— Посмотри на меня, — снова просит он, и я смотрю. Слезы скатываются, резкость появляется. — Верь мне, Лиза. Я тебя люблю.

Макс говорит так уверенно, будто это всем давно известный факт, а у меня в глазах темнеет от избытка чувств и хлынувших в кровь гормонов.

Он же впервые признался!

— И я тебя, Макс. Очень люблю!

Подпрыгиваю и как обезьянка повисаю на нем, обхватив руками и ногами, а он смеется, прижимая к себе. Смех приглушенный, чувственный, счастьем пропитанный. Я тоже смеюсь еле слышно. Громко нельзя, чтобы это счастье не спугнуть.

Когда они с Машей скрываются за поворотом терминала, все еще улыбаюсь. Мне уже не так грустно и шестьдесят четыре дня больше не кажутся чудовищным сроком. Он меня любит, прямо так и сказал!

— Давай, подброшу, Лиза, — предлагает Костя по-свойски. — Ты у Макса теперь будешь жить? Он сказал, ключи тебе оставил.

— Только чтобы вещи забрать. Я домой возвращаюсь, у меня семья, они не поймут, если я вдруг перееду в квартиру женатого человека. Вряд ли моя мама поверит в историю с фиктивным браком, — все еще улыбаюсь.

— Ну, ты же веришь.

— А не должна?

Баринов морщит лоб, достает смартфон и смотрит в экран. Долго смотрит, показательно игнорируя мой вопрос.

— У меня всего час, — бросает небрежно. — Если помощь нужна, поехали.

— Не нужна, я и сама справлюсь. Езжай по своим делам, — произношу уверенно.

Пошел он со своей помощью, советами, намеками прозрачными и не очень... Никого не буду слушать. Макс любит меня, только это важно.

Мы прощаемся, расходимся в разные стороны, и у меня вдруг тошнота подкатывает к горлу. Так резко, что я рот рукой закрываю и несусь в туалет. Закрываюсь в кабинке, хватаюсь за живот. Он болит как-то странно, то остро, то тянет. Вырвать нечем, я с утра только воду пила.

Дышу, дышу...

Немного отпускает, лоб испариной покрывается. Что ж это такое?

На белье небольшое пятнышко крови. Фух! Это месячные пришли, долгожданные. У меня цикл длинный, их иногда по полтора-два месяца не бывает. Я привыкла, но в этот раз волновалась. У нас был незащищенный секс, и не раз. Макс тоже спрашивал, но я его успокоила. Если верить моему женскому календарю, мы в безопасные дни занимались.

Строчу ему сообщение:

«Приложение не врет, я не беременная. Повезло»

Смайлик дурацкий прикрепляю и отправляю.

Он еще не в самолете и тут же отвечает:

«Отличные новости. На будущее надо продумать надежный метод контрацепции»

«Я решила пить таблетки. Читала, что полезно для регулирования цикла»

«Сначала сходи к врачу! Сама не вздумай!»

«Слушаюсь, мистер Доронин. Хорошего полета»

Моя руки, смотрю в зеркало и сама себе усмехаюсь. В свои восемнадцать я стала тайной любовницей заграничного миллионера. Это больше похоже на пошленький сюжет бульварного романа, но на самом деле реальность, к которой нужно привыкать.

Тошнота постепенно отпускает, ее сменяет голод. Проходя мимо аэропортовского кафе, я чувствую, что дико хочу съесть какую-нибудь гадость типа хот-дога или шаурмы. Четыре года не ем мясо и на тебе. Вот это я стрессанула!

«Ты с Костей домой едешь?», — приходит от Доронина, пока выбираю, что заказать.

«Он предлагал подвести, но я лучше на автобусе», — отвечаю честно.

«Ок. На пересадке позвоню, целую»

«И я тебя, буду ждать звонка»

Макс выходит из сети, я беру себе кусок сырной пиццы и сок. С аппетитом ем и смотрю

на взлетающие самолеты.

Доверие — оно такое хрупкое, одно неверное движение — разлетится на осколки. Ведущий свою игру друг, нуждающаяся в помощи распутная подруга, фиктивная красавица жена... С такими вводными нам с Максом будет непросто, но мы любим и у нас должно получиться. Он так сказал, он мне пообещал.

Отель находится в самом центре. Вид из окна номера на двадцатом этаже должен быть потрясающим, но увь, ночная Москва плывет внизу безликим пятном, тонет в туманно-дождевом киселе. Осень в мегаполисе неприглядная: серость, сырость, грязь. Но это совсем не расстраивает, если видишь недостатки из салона представительского авто и панорамного окна гостиничного люкса.

Не ожидала, что меня так встретят. Трансфер с табличкой, дорогой отель, оплаченный ужин с бокалом шампанского. Я чувствую себя не начинающей танцовщицей, а суперзвездой.

Широко раскинув руки, лежу на широкой кровати. Матрас упругий, но при этом мягкий, постель гладкая, как шелк и пахнет свежестью. Я впервые буду ночевать в номере такого уровня и немного в шоке. В приятном, естественно. Хочется всегда так жить — дорого, красиво, с привилегиями. Есть к чему стремиться.

Вспоминаю, как Лерка насмеялась над моей зарплатой тренера. Сказала, что в эскорте за ночь больше получают и мне, как будущей соержанке, надо отталкиваться от этих расценок. Каждый месяц брать у Доронина определенную сумму, чтобы со временем иметь возможность вложиться в бизнес. В моем случае — открыть собственную школу танцев.

Лерку с ее советами я послала, а после отъезда Макса обнаружила в его квартире банковскую карту, специально оставленную для меня. Она и стала причиной нашей первой и пока единственной ссоры.

Доронин только приземлился и был настолько уставшим, что еле языком ворочал и оправдывался как-то вяло. Я прошипела в трубку, что перед тем, как покупать, ему следовало спросить, продаюсь ли я. Вскипела и крикнула, что не шлюха, что он ошибся, и я тоже ошиблась в нем, что больше ни слышать, ни видеть его не хочу.

Макс позвонил через день. Спокойно объяснил, что не считает меня своей соержанкой, а кредитку оставил на всякий случай и я в праве не пользоваться ей, если не хочу. К тому моменту я успела остыть, мы помирились.

Приняв ванну с ароматной лавандовой пеной, подсушиваю волосы феном и смотрю на время. Через час наступит полночь, а Австралии уже рассвет. Разница в восемь часов — это кошмар. Максим просыпается, когда я засыпаю, а когда просыпаюсь — занят на работе. Освобождается — у меня пары в универе, а мое свободное время наступает, когда у него глубокая ночь. Мы катастрофически не совпадаем и общаемся запоздалыми сообщениями.

«Я в отеле, тут очень круто! Мне шампанское в номер принесли (довольная рожница). Скоро буду ложиться, хочу выспаться перед съемками»

Это мое послание, как и предыдущие пять, Макс не читает. Он еще спит, а мне так хочется поговорить с ним, я так сильно соскучилась.

Отношения на расстоянии — это ужас и кошмар!

Закутавшись в белоснежный гостиничный халат, устраиваюсь на кровати с планшетом и запускаю недосмотренную в самолете мелодраму. Только начинаю вникать в сюжет, как по видеосвязи звонит Макс.

— Доброе утро! — смеюсь, увидев его сонное лицо на подушке. — Прости, я тебя разбудила своими письмами.

— Что там за лимузины, люксы, шампанское? Мне нужно волноваться?

Он такой хорошенький спросонья. Лохматый, мятый. Голос хриплый, дико сексуальный. Меня в дрожь бросает, хотя в номере тепло.

— Волноваться? Только о том, что я привыкну к красивой жизни, — улыбаюсь, поправляя халат, потом волосы.

— Это хорошая привычка, привыкай, — улыбается Макс, приподнявшись на локоть.

Рассматривает меня, прям любит. Я себя в квадратике внизу вижу и знаю, что выгляжу хорошо. Щеки порозовели, глаза горят. Люблю, когда он так смотрит, обожаю ему нравиться.

Мы пялимся друг на друга и молчим. Соскучились оба, но говорить не хочется. Хочется обняться, прижаться... Тоска по телу разливается.

— Ты там одна? — щурится Макс.

— Нет... С тобой, — добавляю через паузу.

— Все-таки сама полетела, маму с собой не взяла, — догадывается.

Я хотела лететь на съемки клипа с мамой, но передумала. Она подозревает, что у меня кто-то появился, выпытывает постоянно. В совместной поездке я бы точно рассказала ей о Максе и нарвалась бы на скандал. Он неизбежен, но пусть случится позже.

— У мамы свои дела, а мне нужно привыкать к самостоятельным перелетам. Скоро на Бали лететь, к тебе. Скорей бы, — добавляю и губу кусаю.

Хочу к нему! Безумно хочу!

— Ох, Элли, — вздыхает Макс. — Я сам дни считаю. Знаешь, что мы будем делать с тобой на острове? — Я мотаю головой. — Рассказать? — Теперь киваю. — В подробностях?

Не дождавшись второго кивка, он садится в кровати и начинает рассказывать. Низким голосом и очень подробно. Как и куда будет целовать, где трогать. Я смущаюсь, но слушаю. Как под гипнозом слушаю и возбуждаюсь. представляя. Губы покалывают, грудь становится чувствительной, а между ног тепло и влажно.

Макс жжет меня взглядом и описывает, как я буду стонать, а потом кричать, когда он станет насаживать меня на себя. От слова «насаживать» низ живота простреливает. Я вздрагиваю, непроизвольно напрягаю бедра. У Макса взгляд темнеет, он дышит тяжело, но продолжает говорить. Как будет двигаться, сначала медленно, а потом быстрее... Я пальцы на ногах поджимаю.

Жарко становится. Халат слишком пушистый и теплый, я его на груди раскрываю и пересохшие губы облизываю. Макс тоже проводит языком по губам и просит хрипло:

— Покажи мне больше. Открой грудь, хочу ее видеть.

— Я стесняюсь, Макс, — лепечу.

— Это же я, Лиза, — уговаривает он. — Представь, что я рядом и касаюсь тебя. Покажи мне сосочек. Он уже твердый? Напрягся?

Вдох у меня получается громкий. Мне резко не хватает кислорода, когда я выполняю его просьбу и на несколько секунд раскрываю полы халата.

— Стыдно, — признаюсь, запахиваясь обратно.

— Сними этот чертов халат, Лиза! — уже не просит, а требует Макс. — Давай, будь послушной девочкой. Мне нужно тебя видеть.

Дрожащими пальцами я развязываю пояс, достаю руки из рукавов и щелкаю выключателем, гася верхнее освещение. Света от прикроватных светильников достаточно, чтобы видеть, как стремительно пунцовеют мои щеки и от возбуждения подрагивают губы.

— Так нормально?

Макс пожирает меня глазами, дышит порывисто.

— Идеально, — выдыхает, сжимая челюсти. — Теперь опусти руку вниз и потрогай себя.

— Что? Нет!

— Почему нет? Я же это делаю, и ты давай...

Он направляет камеру вниз и показывает, что именно делает. Я ойкаю и чуть не роняю телефон. Жар огненным шаром скатывается и концентрируется внизу живота.

— Макс, — шепчу, нервно сглатывая.

— Ты смотришь?

— Да.

— Нравится?

— Да. То есть. Боже. Макс. Это... так пошло.

Глаз оторвать не могу от экрана и чувствую приятную пульсацию между ног. Сильно заводит картинка.

— В этом и смысл, Элли. Давай с тобой поиграем. Делай, как я говорю. Прижми ладони и пробирайся пальчиками ниже... Покажи, как ты это делаешь... Поменяй камеру и направь туда, я хочу смотреть...

Я не спорю, послушно делаю все, что он говорит. Макс у я ни в чем не могу отказать. На все ради него готова! Люблю его невозможно, хочу дико. Максомания у меня, это неизлечимо.

После нашей с Максом шалости я спала, как убитая, но проснулась раньше будильника и с непонятной тревожностью. Позавтракать не смогла, нервная тошнота не дала. Вызвала такси и поехала на киностудию.

Съемки расписаны на два дня. Сегодня снимают массовые и танцевальные сцены в павильоне, завтра романтические в загородном доме одного из продюсеров.

По поводу съемок в доме Макс возмутился. Сказал держать телефон наготове, он будет проверять меня каждые полчаса. Смешной. Что со мной может случиться? В продюсерской компании работают серьезные люди, съемочный процесс четко регламентирован.

В павильон я приехала за полчаса до назначенного времени. Успела очно познакомиться и поболтать со знакомым Вероники, который оказал мне протекцию. Он тоже из бывших бальников, отвечает за постановку танцев и подбор танцоров, со всеми в доску свой, потому что очень приятный в общении. Представил меня съемочной группе и собственно исполнителю хита «За баблом». Хамовитый рэпер в жизни оказался нормальным парнем, приехал на съемки с женой и вовремя, в отличии от режиссера, который только вошел и звонит застрявшему в пробке оператору.

Старт откладывается примерно на час, но помощник режиссера уверяет, что время нагоним и никто не задержится дольше положенного.

Я сижу в удобном кресле и пью зеленый чай, приготовленный для меня услужливой девушкой, отвечающей за кейтеринг. Настрочила Максусу с десятков сообщений, теперь переписываюсь с мамой.

— Главную актрису на грим! — звучит из недров павильона.

Это первые мои съемки и все, что происходит на площадке, мне чрезвычайно интересно, но в данный момент мысли о другом. Вчера мама виделась с отцом Нечаевой. Оказывается, Лерка уже неделю не ночует дома. Не на шутку разволновавшись, я набираю номер подруги и слушаю монотонные гудки, когда женский голос прямо за спиной произносит негромко:

— Бережная — ты у нас?

В подскоке поворачиваюсь:

— Так точно! Я.

— А чего сидишь? В примерную тебя приглашаю, — с теплом улыбается рыжеволосая женщина в оранжевом свитере.

Главная актриса — это я, оказывается. Ничего себе, как круто звучит!

Через пять минут я сижу в малюсенькой комнатухе перед ярко освещенным зеркалом. Яркая женщина с ярким именем Ярослава кружит вокруг меня, жонглируя кистями для макияжа.

— Хорошая у тебя кожа, чистая и тон ровный, — нахваливает. — Сколько тебе, двадцать?

— Восемнадцать.

— Ребенок совсем, — качает головой. — Свежая, как утренняя роса. Я б тебя вообще не красила, но для камеры нужно. Акцент на глаза сделаю, яркие губы опошлят всю милоту.

— По смыслу песни я вообще-то сука, — напоминаю со смешком.

— А кто сказал, что суки не бывают милыми? — усмехается визажистка. — Демонов с

ангельскими лицами достаточно, особенно в мире больших денег. Я знаю, о чем говорю, почти десять лет работаю с селебрити.

— Делаете макияж звездам? — спрашиваю для поддержания разговора.

Сама открываю соцсеть, проверить нет ли там чего от Лерки, но эта балда закрыла свою страницу, спрятавшись от меня и в виртуальном мире тоже. Поддавшись искушению, я просматриваю сториз Рины Фаро. Обещала себе не подглядывать за ней, но как удержаться? Она сейчас где-то рядом с Максом, он говорил, что они в одном районе живут.

— Последний год сотрудничаю больше с шоубизом, а раньше «рублевским» лица рисовала, — рассказывает Ярослава, складывая одни кисти в кофр и доставая другие. — Еще работаю с некоторыми блогерами. Например, с Каринкой, которой ты любишься, — усмехается, увидев, на чьих сториз я залипла.

— Вы ее знаете? — немного удивляюсь.

— Давно и очень хорошо, — подтверждает.

— Она красивая...

— Красивая. Но сглупила и похерила карьеру. В нее столько денег вбухали, а она в черту на кулички эмигрировала.

— Почему похерила? Блог введет, подписчиков меньше не стало.

— Она все рекламные контракты разорвала из-за своей Австралии. Не знаю, какие там убытки, но не малые. Мать ее волосы рвет! Это же она сделала из нее звезду, а отец спонсировал.

— Они богатые, да?

— Очень, — выразительно моргает визажистка. — Он — известнейший адвокат, она — настоящая светская львица, владеет сетью косметологических клиник, мы давно знакомы, — говорит с гордостью, раскрывая палетку с разноцветными тенями. — Поначалу они пытались выучить дочку. Еще школьницей отправили Карину в Англию, потом она сама попросилась в Сидней, за компанию с подружкой. Год еле отучилась и вернулась — не потянула. Тогда мать стала лепить из нее бьюти-блогерку.

— Лепить? — переспрашиваю и опускаю веки, на которые Ярослава наносит тени. — В смысле спонсировать ее блог?

— И это тоже. Но сначала девочку перекроили. Нос, скулы, грудь сделали... Даже верхние ребра удалили, чтобы грация появилась. Дальше аппаратная и инъекционная косметология работали.

— А я думала, она в спортзале сутками пропадает, — хмыкаю.

— В спортзал она ходит сториз снимать для таких зрителей, как ты, — смеется Ярослава, откручивая тушь для ресниц. — Не жизнь, а сплошная показуха.

— Не сплошная. Она замуж вышла недавно, а мужа не показывает. Говорит, счастье любит тишину, — забрасываю удочку и жду.

— Не моргай, — просит Ярослава, и я послушно замираю. — Ее тихое счастье всем боком выходит. Своим отъездом кучу проблем создала. Блог ее закроют, кем она будет?

Ярослава включает утюжок и раскладывает в ряд расчески для волос. С макияжем мы закончили, осталась укладка. Меня раздражает от любопытства, хочется узнать побольше сплетен о Карине и ее браке. Никто не знает, что он фиктивный. Интересно, что говорят?

— Будет счастливой женщиной и женой, начнет вести другой блог, мамский, например...

Говорю и пальцы скрещиваю, чтобы не дай Бог не сбылось. Не хватало еще накаркать!

— Не сможет она так. Привыкла к славе и к роскоши.

— Разве они важнее любви? Ради настоящего чувства всем можно пожертвовать!

Договариваю и чувствую, что что-то не так. Речь ведь не обо мне, а о Карине. Это я ее поступок чувствами оправдываю, не свой. По спине холодок пробегает еще до того, как слышу подтверждение догадке.

— Вот она и пожертвовала. Не вернется в ближайшее время — хана ее блогу, будет при своем австралийце счастливой домохозяйкой, — хмыкает Ярослава, проводя расческой по моим волосам. — Он вроде тоже не бедный, успел разбогатеть за то время, что она по нему сохнет. Еще с университета с ума сходит, как одержимая любит этого парня.

— А он ее? — спрашиваю дрогнувшим голосом.

— Откуда ж мне знать? Они то встречались, то расходились. Лет пять это длилось. Сколько раз она плакала, сидя вот так у меня в кресле, — обводит меня руками. — Женились они тайно, свадьбы не было. Не знаю... Наверное, там и правда большая любовь.

У меня внутри все леденеет. Я смотрю на свое отражение в зеркале и чувствую, как начинаю проваливаться в какую-то дыру.

Карина любит моего Макса! Они встречались много лет и поженились наперекор ее родителям и обстоятельствам!

Мне все преподносилось иначе.

Ярослава сбрызгивает мои волосы защитным спреем, прочесывает и вытягивает утюжком. Параллельно расспрашивает, как я попала в продюсерский центр, чем занимаюсь, кроме танцев, где учусь. Я отвечаю отстраненно, иногда невпопад. Мысли путаются.

Что, если Лера права и брак Макса настоящий, а сказку про проблемы с документами он придумал для меня? Тогда получается, он ведет двойную игру. Ночью жарко обсуждает со мной отдых на Бали, а за обедом планирует с женой Рождество на горнолыжном курорте.

Не может быть!

Не хочу в это верить, отчаянно не хочу, но вязну в трясине мерзких подозрений, захлебываюсь в ней.

День проходит как в тумане. В съемочный процесс я вливаюсь незаметно, участвую в общих планах и танцую соло. Хорошо танцую, на надрыве. В перерывах хватаюсь за телефон, чтобы набрать Макса, но не знаю, что ему сказать. Вошла в гримерку окрыленная его любовью, вышла опутанной липкой паутиной его лжи.

Я растеряна и подавлена, но виду не подаю. Режиссер дает задание снять несколько дублей на хромакее. Выкладываюсь на максимум. Оператор уверяет, что в кадре я — огонь, ребята из подтанцовки смотрят с восхищением, некоторые с завистью. Девушка с кейтеринга просит сделать селфи со мной, потом мы фоткаемся с рэпером и делаем большое совместное фото всей съемочной группой. Я стою в центре и широко улыбаюсь. Никто не замечает, что со мной что-то не так, я держусь, я молодец.

После съемок большая часть группы едет праздновать, меня тоже зовут, но я отказываюсь, ссылаясь на усталость. Впереди у меня еще один съемочный день, а я как выжатый лимон. Вот только утомили меня не съемки, а десять часов смятения и внутреннего напряжения.

Я не знаю, что думать и кому верить. Хочу Макс, но как?

Какова была вероятность, что я узнаю правду вот так, в случайном разговоре на съемках? Один к двадцати миллионам проживающих в Москве людей? Да я счастливчик, повезло так повезло.

Умом можно двинуться от такого везенья.

Войдя в гостиничный номер, не раздеваясь, падаю лицом в подушку и плачу. Выпускаю чертово напряжение, после чего проваливаюсь в мутный сон, в котором продолжаю думать, взвешивать, размышлять...

В час ночи просыпаюсь, как по хлопку. Решительно достаю телефон и набираю Макса.

Слезы бегут по щекам, ну и пусть! Все равно дождь, а я без зонта. Бреду от приюта к троллейбусной остановке, мешаю ботинками грязь. Волосы сосульками висят, джинсы промокли... Плевать. Так больно внутри, что как выгляжу снаружи — не имеет значения.

Бармалей умер. Еще на прошлой неделе, но я узнала сегодня. Пришла, а он не встречает. У него была редкая форма рака, никак не проявлялась.

Наш ветеринар сказал, что он не мучался. Я стараюсь в это верить.

Успела полюбить его, считала своим. Чучело мое лохматое, кому я теперь колтуны вычесывать буду? Тототка мой непоседливый.

Впервые за пять дней хочется забить на обиду и позвонить Макс. Мы поссорились той ночью. Сильно поссорились, до взаимных оскорблений. Я сходу обвинила его во лжи, прямо рассказала, что и как узнала на съемках. Думала, он мне все объяснит, как-то успокоит, а он не стал оправдываться. Наехал в ответ, что я слушаю непонятных куриц и веду себя подобно им. Что у него и так проблем выше крыши, в том числе из-за меня, и я достала своими претензиями. Я крикнула, что он лжец, и я жалею, что связалась с ним. Он назвал меня истеричной малолеткой и запретил впредь звонить в таком настроении. Отбился первым.

Я проплакала до утра и глаз уже не сомкнула. Как пережила следующий день — сама не знаю, отработала на съемках на автопилоте. Гримерша работала другая, молчаливая и понятливая, в душу не лезла и мешки под глазами замазала хорошо.

Сиденье в троллейбусе холодное, низ живота неприятно тянет, но я сижу, надеюсь прогреть кресло своим теплом. Откуда во мне тепло? Арктика внутри и одиночество тотальное. Кажется, не нужна никому. Бармалей и тот меня бросил.

Макс позвонил на следующий же день, но я не взяла трубку. Мне нужно время. Сложно принять его обман, но я хочу простить, все еще верю в нашу любовь.

Боли накопилось много, а поделиться не с кем. Маму на сохранение положили, да ей и не расскажешь. Вероника не успела прилететь из Англии, как умотала в Португалию. Ей я тоже не могу рассказать всего, не поймет. Хоть в церковь иди исповедоваться, но я не умею, да и стыдно.

В отчаянье набираю Леру Нечаеву. Уже не надеюсь, что она ответит, и вдруг слышу бодрое:

— Ветка! Привет, пропажа! Как поживаешь?

— Да по-разному, — признаюсь растеряно. — Как у тебя дела?

— Отлично все! Квартиру классную сняла. Заезжай на рюмку чая.

— Я с удовольствием. Когда, куда?

— Да хоть сейчас! Я адрес сброшу...

Квартира оказывается современной студией в элитном доме в самом центре города. Уже через полчаса я стою в прихожей и пачкаю зеркальный светло-бежевый мрамор пола грязевой жижей, стекающей с тракторной подошвы моих ботинок. Нечаева в шелковом халатике на голое тело и бархатных тапочках на танкетке носится вокруг меня со шваброй:

— Черт, Ветка, ты что, по кладбищу гуляла? Бледная, как смерть, промокшая, грязная. Что стряслось-то?

— Много чего, с порога не расскажешь, — бурчу. — Но если дальше не пускаешь, могу тут начать.

На самом деле Лера встретила меня тепло, обняла и расцеловала, как обычно, но когда увидела, в каком я состоянии, занервничала.

— Вот, держи мой спортивный, — сует трикотажный комплект с аппликацией из стразов на спине и стягивает с меня мокрую куртку. — Переоденься пока, а твои вещи я на батарею повешу сушиться.

— Можно мне умыться и руки вымыть? — спрашиваю смущенно и оглядываюсь.

Квартира роскошная, мебель и отделка дорогостоящие, да и костюм, который держу в руках, из брендовых. Хорошо устроилась Лерка.

— Лучше в душ сходи, отогрейся. Господи, у тебя пальцы на руках синие, — причитает она, таща меня в ванную.

Пока я стою под горячими струями воды душевой, Нечаева приносит мне полотенце и фен, а сама идет на кухню делать чай. Она на удивление органично смотрится в этой элитной обстановке, словно всю жизнь жила, как мажорка, а не прозябала с родителями в старенькой времянке в конце бабушкиного огорода. Интересно, откуда у нее деньги на такую хату и фирменные штотки? У дивана я заметила штатив и специальную лампу для съемок. Неужели, продавая в интернете нюдсы можно столько зарабатывать?

— Значит, ты снялась в клипе. Ну я в шоке, подруга! Ты ж теперь звездой станешь, тебя на улице узнавать будут. Готова к такому? — смеется Лерка, ставя передо мной огромную чашку горячего чая с лимоном.

— Не будут, — улыбаюсь, отхлебывая с наслаждением.

Чай вкусный. В семье Нечаевых его уважают, папа мой шутил, что у них китайцы в роду были, потому глаза чуть раскосы, кожа желтоватая и к чаю особая страсть.

— Самое смешное, что эта песня ну вот совсем не про тебя! — продолжает веселиться Лера. — За бабло, за бабло, — выпячивает подбородок и двигает головой, как гусыня, напевая дурацкую песню.

— Песни про наивных дурочек, влюбленных в женатиков, нынче не в тренде, — развожу руками.

Все ей про Макса рассказала, выложила, как на духу.

Лерка пододвигает мне коробку с иностранными шоколадными конфетами и кивает:

— Бери, давай, заедай свое горе. Только посмотри до чего он тебя довел, твой герой-миллионер Доронин. А ведь я предупреждала, чтобы ты не верила ему. Убедилась?

Я пью чай и мотаю головой:

— До сих пор не понимаю, как так? Он мне в любви признался, по-настоящему. Так не сыграть! Да я и чувствовала эту любовь, каждой клеточкой чувствовала, понимаешь?

— Ты любишь слепо и ищешь ему оправдание, а он уже забыл, кто ты такая! С содержанкой мужику должно быть легко и беззаботно. Если она делает нервы — тут же идет лесом.

— Он не считал меня содержанкой, мы это обсуждали.

— Он говорил тебе то, что ты хотела слышать. Приручал, манипулировал разными способами. Ему это отлично удавалось. Волк в овечьей шкуре! Только вот он не учел, что ты случайно можешь узнать правду и не ожидал, что взбрыкнешь. На этом вся его любовь закончилась. Забуди его, Ветусь, не стоит он тебя.

— Я не смогу! — всхлипываю. — Думала, он помог найти мне смысл жизни, а он этим смыслом стал. Жить без него не хочу!

Слезы плотно застилают глаза. Откуда они только берутся, всю неделю плачу — никак

не кончаются.

— Господи... Ты создала себе кумира, — качает головой Нечаева, подсовывая мне салфетки.

— Он правда хороший. Жизнь мне спас, с благом помог и в себя поверить. У меня крылья выросли рядом с ним! Он моим первым стал, Лер! В его руках почувствовала себя нужной и любимой, — распинаясь, а она все головой качает. — То, что было между нами — это не просто секс, это что-то особенное, понимаешь? Мы с ума сходили друг по другу. Ты даже не представляешь, как хорошо нам было вдвоем, каждый раз улетаи к звездам...

— Ой, да ладно тебе поэмы сочинять, — фыркает, перебивая. — Трахались и трахались. Это у тебя он первый и пока единственный, а ты у него хрен знает какая и точно не последняя. С его возможностями быстро себе новую найдет. Никакая ты не особенная, уж поверь!

Промокнув салфеткой слезы, я смотрю на Леру с укором.

— Зачем ты так говоришь?

Она снова фыркает и отворачивается, потом смотрит искоса и вздыхает:

— Не хотела я тебе рассказывать, но кто если не я снимет шоры с твоих наивных глаз. Помнишь, как мы с ночевкой к Костику на пляж поехали, а потом ты внезапно уехала?

— Конечно, — киваю, шмыгая носом. — Мы в тот вечер впервые поцеловались с Максом, а Костя намекнул, что он женат и я испугалась.

— Ты смоталась, а я осталась. Одна, с ними двумя, — Лерка смотрит на меня в упор. — Мы напились, потом еще травки покурили. Танцевали, веселились втроем и это... — опускает глаза. — Короче, потрахаться тоже решили втроем.

Глаза мои миг высыхают и округляются:

— В смысле втроем? Кто?

— Боже, — раздраженно выдыхает Нечаева. — Я, Костя и твой Доронин. Кто ж еще?

— Это Макс предложил? — уточняю, еще не понимая до конца того, что услышала.

— Я не помню, кто предложил. Обдолбались, говорю же! Причем, конкретно. Ржали, как придурки, дурачились. Даже не сразу получилось, но потом было вау! Так что, я с твоим Максом тоже к звездам слетала, — хихикает Лерка, довольная собой.

В глазах у меня на секунду темнеет, а потом я вспышкой вижу тот номер в отеле, Леру голую на кровати, Макса с ней, Костю... Кровать была кинг-сайз, постельное белое, стены бежевые. Я помню.

Кровь стынет в венах, кожа вспыхивает под Леркиным блядским костюмчиком. А эта дурочка хихикает.

— Это не хрена не смешно, Лера! Зачем? Ты же знала, как сильно он мне нравится.

— Да я вообще не соображала. Двое сильных и красивых мужиков со мной в комнате, раздевают, ласкают... Я сначала испугалась, потом поплыла. Ты же в курсе, как я люблю секс и эксперименты разные. А это, знаешь ли, круто. Это просто охренеть как круто! После того случая я поняла, что мне идеально подходит этот формат. Сейчас тоже с двумя одновременно встречаюсь, секс втроем практикуем.

У меня снова вспышка и виденье. Настолько откровенное, что тошнота подкатывает и в висках стучать начинает. А кожа... Ее будто содрали с меня, прямо на живую.

Очень больно.

— То есть, ты трахалась с Максом? — поникшим голосом задаю тупейший в данной ситуации вопрос.

Нет, я не тугодум и не ханжа, все понимаю, но мне нужна определенность. Пусть отвратительная по своей сути, но определенность.

— Больше с Костей, я ж по нему дурела, — уходит Лера от прямого ответа. — А Макс распахивался в процессе и ушел. Он вообще псих! Это же он утопил мой телефон, когда узнал, что я пикантное видео с его участием сняла. Мы потом в бар вернулись, я показала, а он выхватил и вышвырнул телефон в море. Идиот! Утром дал денег на новый, но пригрозил, что меня так же в море сбросят, если ты узнаешь. Костик тоже потом угрожал, да еще как! И я боялась их, Вета, но теперь с горы посрать на их угрозы, у меня такая защита — этим гондонам не подобраться!

Лерка замолкает. Я никак не реагирую. Замираю и не шевелюсь, глупо надеясь, что этот разговор — лишь дурной сон. Что я пригrelась в том сыром троллейбусе и уснула и все это мне снится. Смотрю в одну точку и жду, что вот-вот проснусь, проехав свою остановку и придется возвращаться. Даже запах троллейбусный чувствую, когда резкий до болезненного спазма приступ тошноты рушит эту иллюзию.

Забежав в ванную, едва успеваю открыть крышку унитаза, как меня выворачивает Нечаевским чаем и конфетами, которые совсем не сладкие почему-то. Запах полыни и противная горечь вызывает новый спазм. Меня рвет и рвет, хотя уже нечем. Я содрогаюсь всем телом и мечтаю отключиться, так плохо, когда слышу:

— Ты часом не залетела, подруга? Вы хоть предохранялись?

Очень хочется послать эту подругу на два сразу, как ей нравится, но я не могу. Ни матом крыть, ни просто говорить, ни дышать нормально не могу.

Подлая, грязная ложь, повсеместно окружавшая меня, шокирует до ступора, до немоты. Меня будто бы выкупали в ней и заставили выпить, и теперь она, как кислота разъедает меня.

Поздно вечером звонит Макс. Я отбиваюсь и блокирую его везде, где только можно. До утра пишу ему прощальное письмо, раз двадцать переписываю и в итоге не отправляю его. Спустя несколько дней, устав от приступов внезапной тошноты и постоянной тянущей боли внизу живота, все же решаюсь купить и сделать тест.

— Лиза, постой, — окликает меня однокурсник. Вроде бы Вова, фамилию точно не помню. — Конспект по вышке нужен? Тебя во вторник не было на лекции.

— Не нужен, спасибо, — кутаюсь в шарф.

Ветрено сегодня и пасмурно, хорошо хоть без дождя. Осень в этом году беспросветно сырая, для крымской нетипичная.

— Скоро зачет, ты как сдавать будешь? — допытывается вроде бы Вова и смотрит серьезно. — Не сдашь — к сессии не допустят.

— Ну и ладно, пусть отчислят, — бросаю, проверяя время на экране смартфона. Я опаздываю, а он тут со своим конспектом.

— Ты же на бюджете учишься, — хмурится. — Давай сделаю ксерокс и вообще, помогу подготовиться.

— Потом как-нибудь, — машу рукой, сбегая со ступеней корпуса. — Спасибо, Вов! — бросаю, чтобы не казаться хамкой.

— Меня зовут Вадим, — поправляет он.

Я ускорю шаг и почти бегу к остановке, делая вид, что не услышала. Кошмар, как неудобно получилось, надо будет потом извиниться.

Так и не познакомилась нормально с ребятами из группы. На практические хожу через раз, лекции прогуливаю. Экономика — не мое, брошу зимой. Сейчас маму волновать нельзя, она третью неделю в больнице. Дотяну как-нибудь до сессии, а там она родит, ей не до меня будет.

— Лиза, постой! — слышится за спиной.

Да что ему нужно, этому не Вове? Троллейбус мой подъезжает, времени нет.

Повернувшись, ловлю порыв ветра. Он спутывает волосы, я спешно убираю их с лица и прищуриваюсь. Не сразу узнаю широкоплечего парня в косухе и высоких ботинках.

— Привет, Кость, — произношу растеряно.

— Привет, поговорить нужно. Не сильно торопишься?

— Сильно.

Разворачиваюсь и продолжаю двигаться к остановке. Не о чем нам разговаривать.

Баринов тащится следом.

— Давай подвезу, куда нужно.

— Нет.

Троллейбус мой уже двери открыл, люди из него выходят. Я ускорю шаг, но Костя берет меня за локоть:

— Да подожди ты, я тебя час прождал. Куда ты пропала? Мне Макс звонит, с ума там сходит.

Тело передергивает, когда слышу это имя. Выдергиваю руку, стискиваю зубы и цежу:

— Отвали от меня! Понял! Заору, если тронешь!

Баринов в лице меняется, теряется от такой грубости:

— Да ты что, Лиза? Я тебя разве обижал? Только подвести предложил.

Троллейбус мой уезжает, я провожаю его взглядом, потом смотрю на время. Через десять минут у меня консультация, на которую я с таким трудом записалась, опаздывать никак нельзя.

— До поликлиники подбросишь? — спрашиваю обреченно.

— Конечно, без проблем. Поехали...

Баринов протягивает руку, собираясь взять меня под локоть, но под моим взглядом одергивает ее. Я сейчас как перетянутая струна, лучше не трогать, и он понимает.

— А что у тебя с телефоном? Номер поменяла? — спрашивает, когда мы уже едем. Я молчу, как партизан. — Заходил к тебе домой, там мужик какой-то. Говорит, что квартиру снял и никакую Лизу не знает. Студия танцев на замок закрыта. Что происходит?

— Все хорошо, Костя. Студия переехала, я тоже. У меня все замечательно! Работаю, учусь, на тусовки с друзьями хожу, — вру безбожно. — Телефон посеяла где-то, пришлось номер сменить.

— Где теперь живешь?

— Какая разница? — стреляю в него колким взглядом.

— Послушай, Лиз, я не в курсе, что у вас произошло. Макс со мной редко чем делится...

— Да ладно! — не могу сдержаться. Собираюсь съязвить по поводу того, как они Леру в номере поделили, но не успеваю.

— Представь себе! — не менее эмоционально восклицает Баринов. — Я реально ни хрена не знаю! И у меня своих проблем по горло, но Макс трезвонит постоянно, просит тебя разыскать. Чего ты прячешься от него, почему не поговоришь?

— Потому что ни видеть, ни слышать его больше не хочу!

Сердце на части рвется, болезненный ком растет в горле. Но слез во мне больше нет, как и обиды, одна ярость внутри. Каждый день ее подпитываю, просматривая сториз бьюти-блогерши и сестры Макса. Они прям лучшими подружками стали, неразлучны в своей Австралии. То пп-завтраки готовят вместе на залитой солнечным светом кухне, то ужинают в пафосном ресторане с люстрами. Ездят по разным делам, в спортзал и на шоппинг. Вчера на мюзикл ходили. Кто-то третий рядом с ними был, и я знаю кто. Мне лицо показывать не надо, я догадливая.

— Пиздец, — выдыхает Костик. — Что у вас стряслось? Хоть ты мне объясни! — просит на эмоциях, сворачивая на парковку поликлиники.

Быстро мы доехали, но разволноваться я успела, прям колотит всю. Едва машина останавливается, суетливо отстегиваю ремень. Ничего объяснять не намерена.

— Спасибо, что выручил. Пока! — дергаю ручку и толкаю дверь, но она не поддается.

— Давай я Макса наберу и выйду, а вы спокойно или беспокойно пообщаетесь, — предлагает Костя, тарабаня пальцами по рулю.

— Нам не о чем говорить. Выпускай меня, — стараюсь говорить ровным тоном.

— Я-то тебя выпущу, а Доронин не отпустит. Я его всю жизнь знаю, не помню, чтобы его так бомбило. Он прилетит, Лиза, и сам тебя найдет...

Я не даю ему договорить.

— А кто такой этот Доронин? Он мне никто! Знать его не желаю, понял? Пусть имя мое забудет, так ему и передай! — сама себе не верю, но говорю убедительно. — И ты, Костя, тоже свали из моей жизни, будь так добр. А Леру Нечаеву третьей с собой заберите! — срываюсь все-таки на крик. — Открой эту чертову дверь! — бью кулаком по ручке.

Костик бросается ко мне, хватая за руку и больно сжимает запястье. Наклоняется и почти рычит в лицо:

— Так это все из-за нее?

Я вырываю руку, прижимаю ее к груди и смотрю на него с угрозой:

— Не смей меня трогать!

В висках стучит от злости. Врезать бы этому Косте по его смазливой роже, и Лерке тоже зарядить, и Максусу. Ему особенно! Но это я танцую хорошо, а драться совсем не умею, не было возможности научиться. И постоять за меня некому.

Костя трет лицо, потом хватается за руль, сжимает его с силой:

— Что эта драная коза наплела своим поганым языком?

Я издаю истеричный смешок:

— Сначала непонятная курица, потом драная коза. Весь скотный двор ополчился против честного майнинг-фермера Доронина!

— Давай успокоимся, и я попробую тебе объяснить, — просит Костя и смотрит так, будто вину свою чувствует. — Правду расскажу.

— Твоей правде я не поверю. Выпускай, давай, к врачу из-за тебя опаздываю, — бурчу и принимаюсь нажимать все подряд кнопки на двери.

— Пожалуйста, Лиза. Давай выпьем кофе и поговорим, как взрослые. Я не буду тебе ничего доказывать, мы просто обсудим.

— Ладно, Кость. Завтра после универа, — соглашаюсь, лишь бы выйти поскорее из этой машины.

— Окей, я заеду, — кивает он и снимает блок с дверей.

Я пулей вылетаю и несусь ко входу в поликлинику, как чумная. Думала, что уже прожила боль их предательства, а ничего подобного. Где этот Костя взялся? Разбередил, и меня снова наизнанку выворачивает. Так муторно внутри, что жить не хочется!

По злой иронии судьбы гинекологический осмотр проходит в том самом кабинете, в котором мы были с Максом. Тогда я потеряла сознание от переполняющей меня любви, а меня приняли за беременную, теперь я беременна, а чувства другие. Лежу на жутком кресле с раздвинутыми ногами, смотрю в потолок и все вокруг ненавижу.

— Срок девять недель. Плод в норме, сердцебиение слушать будем?

— Я пришла за направлением на аборт, — повторяю озвученную с порога фразу.

— Ладно, одевайся, — вздыхает моложавая женщина-гинеколог, доставая из меня датчик аппарата УЗИ.

— Можно мне на завтра? Токсикоз ужасный, сил нет терпеть, — привираю, присаживаясь на край стула.

Докторша щелкает что-то в компьютере, вводит данные

— Может, передумаешь? Первая беременность, а у тебя резус отрицательный. Риск бесплодия, вероятность невынашивания в будущем. Подумай, Лиза. Тебе есть кому помочь? Отец ребенка знает?

— Мне не с кем растить этого ребенка, одна не справлюсь. Дайте направление, я все решила.

— Тебе на момент зачатия точно было восемнадцать? Иначе я должна в полицию сообщить.

— У меня все было по согласию, я просто просчиталась с овуляцией.

— Такая умная и залетела, — качает головой. — Направление пока не дам. У тебя воспаление и достаточно сильное, нужно сначала пролечить, иначе осложнений не избежать. Пропьешь неделю таблетки, спокойно дождемся анализов. Медикаментозный делать поздно, а на вакуум запас времени есть, не переживай.

Я опускаю голову на руки. С ужасом думаю, что мне еще неделю носить в себе этого

ребенка и знать, что все равно его убью. Я же чокнусь!

— Таблетками точно поздно?

— Точно.

Выйдя из поликлиники, все равно иду в аптеку. Покупаю несколько видов трав и таблетки, о которых прочитала на одном женском форуме. Делать аборт мне страшно, рожать — еще страшнее. Не представляю свою жизнь с малышом.

Как?

Воспитывать одной и жить на те деньги, что Макс будет давать? Реально стать его содержанкой, привязать к себе ребенком? Это не моя история, я не смогу жить за чужой счет, стать зависимой.

Вчера из продюсерского центра пришло предложение поучаствовать в большом туре по России. Мне предлагают танцевать на сцене с несколькими разными исполнителями. Деньги обещают хорошие, но главное — мое имя будет в афишах. И у блога популярность растет. Я им мало занимаюсь, выкладываю только старый материал, а подписчики после выхода клипа все добавляются. Не могу я все бросить, не хочу стать никем!

Я талантлива, мне всего восемнадцать!

По дороге домой смотрю гребаные сториз из Австралии, травлю себя болью и ненавистью. Карина много выложила, у Машки меньше, но в одной на фоне голос Макса. Меня дрожью пробирает, когда слышу его. Крупной такой, болезненной. Ненавижу его и все еще люблю. Как это возможно?

Добравшись до дома, завариваю травы и выпиваю целый кувшин противной жидкости, таблетки тоже глотаю. Через полчаса низ живота начинает тянуть. На форуме девочки писали, что будет больно, это нормально. Я терплю.

Где-то час проходит, боль усиливается ежеминутно, растет в геометрической прогрессии. Нахожу в маминой тумбочке обезболивающее и выпиваю сразу две таблетки. Становится легче, но спустя час я снова лезу на стенку. Пью еще одну таблетку, она последняя.

Ветер на улице воеет, сосны на участке гнуться и скрипят зловеще. Я лежу под пледом и трясусь от боли, обиды, собственной беспомощности.

Отчим написал, что будет поздно, заедет к маме в больницу, потом еще в цех вернется. Это хорошо. Мне должно полегчать к тому моменту, когда он приедет. На форуме писали, что месячные должны начаться максимум через три часа. Если крови нет — не сработало средство, потом только аборт.

Слово какое ужасное — аборт. Вздрагиваю каждый раз, когда думаю о нем. Сомневаюсь, что смогу на него пойти. Зачем направление требовала? Теперь думаю: травками прервать не получится, буду рожать. Вон как крепко держится мой ребеночек.

Мой.

Он же не только Макса, он и мой. Мой даже больше.

За что я с ним так? Он не виноват, что его папа мудака.

На улице совсем стемнело, я свет не включаю. Постанываю от боли и по новой сториз жены Макса пересматриваю. Что, если она тоже беременная? Живут они вместе, в этом я больше не сомневаюсь. Значит, и спят вместе, и малыша заделать могут. Их ребенок будет желанным, а мой нет. Тогда и знать о нем Макс не нужно, сама рожу, сама подниму.

Сильный порыв ветра бьет по стеклам, через несколько секунд в доме пропадает электричество и выключается отопление. Интернет тоже пропадает, даже мобильный. А мне

как раз от Маши приходит сообщение, прочитать его не успеваю.

Холодно, темно, страшно. Я совсем одна, только этот малыш во мне, только он со мной, а я, дура такая, убить его хотела. Не хочу больше. Ни за что! Рожу его и любить буду, как Макса любила.

Боль нестерпимая, вою тихонечко. Подсвечивая себе телефоном, бреду наверх, ищу у мамы в тумбочке еще таблетки. Нет ничего, пустой блистер, а у Славы в ящике нахожу пластинку! По названию похоже на обезбол. Мне так больно и плохо — что угодно проглотить готова, лишь бы полегчало. На трясущихся ногах спускаюсь в кухню и выпиваю сразу две таблетки.

Боль не проходит, а время вдруг замедляется. Я пытаюсь сделать вдох и не могу, проваливаюсь в темноту. Там не больно, и не страшно. Там никак.

— Вета, доченька, — звучит мамин голос издалека. — Просыпайся, родная, пора...

Глаза приоткрываю и сразу понимаю, где я. Стены белые, запахи специфические... Больница.

Мама надо мной склонилась и улыбается, а в глазах ужас. Я им тотчас пропитываюсь и зажмуриваюсь. Боль в животе чувствую. Она тупая, я другую помню. Режущую острым лезвием, невыносимую по силе, но живую. А эта мертвая.

Почему так?

Бах, бах. Вспышками в мозгу: врачи, суета, лампы яркие, трубка во рту. Я прошу, кричу — никто не слышит. Вену жжет... Мне холодно, а внутри пусто.

— Мам, ребенка моего больше нет?

Голос у меня хрипит, горло саднит и губы потрескались, больно ими шевелить. Зачем я спросила? Знаю ответ.

Мама грудью на меня ложится и плачет:

— Как же так, Веточка. Почему ты мне не сказала?

Я до скрипа стискиваю зубы, впиваюсь пальцами в матрас.

Дура, идиотка! Тварь я последняя, вот кто! Ради славы, из-за блага этого клятого, Максу назло убила своего ребенка. Убила...

— Пусти, меня, дышать трудно, — толкаю маму и пытаюсь сесть.

Как жить теперь с этим? Как? Не хочу!

Мама выпрямляется. Животик к нее уже большой. Глянув вскользь, закрываю глаза. Реально хочу умереть.

— Ребенок не от Ильи? — осторожно спрашивает мама, я подтверждаю молчанием. — А чей он? Был...

Именно, что был. Нет ребенка, нет отца. И чувств к нему тоже нет, ничего не осталось, пусто внутри.

— Ничей. С каким-то левым парнем из клуба переспала.

— Он тебя изнасиловал?

— Сама захотела. Отстань, — закрываю лицо руками. — Я хочу одна побыть, прошу!

— Вета! — голос мамы становится строже. — Зачем ты так? Я чуть с ума не сошла за эту ночь! Слава в предынсультном состоянии этажом ниже лежит. Это он тебя нашел, на руках в больницу нес. Мы же твоя семья!

Семья — это они со Славой и Алиска, которая скоро родится, я уже сама по себе, мама еще не поняла.

Она весь день провела со мной в палате. Вздыхала, причитала, супом накормить пыталась. Плакала тихонько у окна, когда думала, что сплю. А я не спала, я думала, как дальше жить и ничего придумать не могла. Понимала только, что хочу уехать и начать новую жизнь. Но куда, как, на какие деньги? Где искать поддержку?

Ответы на эти вопросы нашлись неожиданно и уже на следующий день.

Больничный чай на вкус, как вода, только сладкая. Из-за боли в горле я не могу есть, поэтому пью его, чтобы голова от голода не кружилась.

— Скажи мне честно, Вета, ты же не пыталась специально отравиться? — шепотом

спрашивает мама, плотно прикрывая за собой дверь.

Ходила в ординаторскую с врачами шушукаться, уговаривала выписать меня после осмотра. Наговорили ей там лишнего.

— Что за глупость? — фыркаю, глотая горячий чай и глядя на грустное серое небо в окне. На душе у меня ровно так же.

— Врач говорит, что у тебя кровотечение открылось из-за принятых лекарств, у них есть подозрение...

— Не травилась я намеренно! — перебиваю не без раздражения. — Живот болел сильно, темно было, таблетки перепутала.

— Если бы Слава позже приехал, если бы не нашел вовремя... Я бы не перенесла. Вета, — причитает мама, не слушая меня. — Пережить собственного ребенка — самое страшное наказание.

— Не думай о плохом, тебе нельзя волноваться, — напоминаю, уткнувшись носом в стакан.

— Легко так говорить, когда не знаешь, каково это. Поймешь, когда свои дети будут...

Она осекается, подходит к окну и обнимает себя за плечи. Рассказали ей о моем резусе и проблемах в будущем.

— ... Там к тебе Илья пришел. Ты егопустишь?

— А почему он пришел? — удивляюсь, но тут же понимаю. — Это ты рассказала, да?

— Позвонила его маме, а что делать? Они все равно узнали бы, слухи по знакомым уже поползли. Я сама рассказала правду, чтобы не додумывали.

— Какую правду?

— Что ты вместо цитрамона нечаянно выпила таблетки Славы и у тебя критически упало давление.

Продолжая цедить чай, я беззучно усмехаюсь. Маме всегда было важно мнение окружающих и страшно, что о ней подумают другие. Она подстраховывается, рассказывая знакомым свою правду.

— Капец, ты бледная, — открыто удивляется Илья, опуская на тумбочку пакет с бананами.

Хорошо, что не цветы принес, я бы взвыла при виде букета в таких обстоятельствах.

— Завтра буду огурцом. У меня вечером занятие с малышками, не хочу отменять.

— Надо же, так неудачно перепутать таблетосы, — косится на меня Красовский.

Не верит в мамину правду. Я бы тоже не поверила.

— Давно пора сделать лазерную коррекцию зрения, а то сослепу можно крысиного яду выпить, — пытаюсь пошутить.

— Это вроде не очень дорого.

— Не очень, но я пока не заработала.

Илья берет стул, беззучно ставит рядом с кровью и садится. Смотрит в глаза. Серьезный, решительный. Давно не видела его таким.

— А я как раз по этому поводу. У меня к тебе есть предложение.

Я выгибаю брови и ставлю недопитый чай рядом с его бананами.

— Если ты про танцы, то в спорт я не вернусь.

— Понимаю. Сам устал от этой гонки, — кивает Илья, сдвигая стакан подальше от края тумбочки. — Думаю, пришло время начать зарабатывать с помощью опыта и имени. Ты помнишь Эда из Штутгарта? Он в жури сидел. Приглашал нас в ресторан, а мы не пошли.

— С голубыми волосами который? Странненький такой? — шурюсь, припоминая какого-то Эдгарда.

— Он не странный, и волосы у него теперь обычные, — будто обижается Илья. — Мы виделись недавно. Короче. Он предлагает нам открыть большую школу танцев в Мюнхене. У него там есть помещение, и он готов взять на себя все оргвопросы.

— Нам? — переспрашиваю. — Причем здесь я?

— В Европе нас знают, как пару. Я предлагаю тебе ехать и работать вместе, как муж и жена.

— Как кто? — невольно округляю глаза.

Ушам своим не верю. Это он так шутит?

— Так будет проще оформить визы, да и логично. Школа Красовских — хорошо звучит, правда?

— Но я тебя не люблю, Илюш.

— А это неважно, брак будет формальный. Сейчас я все тебе поясню.

Он придвигает стул ближе и понижает голос. С каждым его словом мои брови ползут выше, а глаза все больше округляются.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net